

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет»
Научно-исследовательский институт прикладной этики

ВЕДОМОСТИ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Выпуск пятьдесят второй

ОСВОЕНИЕ ОЙКУМЭНЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ: *эскалация амбиций* или *критика утопичности*

Под редакцией В.И. Бакштановского

Тюмень
ТИУ
2018

Освоение ойкумены прикладной этики: эскалация амбиций или критика утопичности. Ведомости прикладной этики. Вып. 52 / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. – 182 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

Выпуск 52-й журнала собран вокруг темы освоения Ойкумены прикладной этики. Тема проблематизирована вопрошанием об идее проекта такого освоения как Утопии и/или утопичности. О сопровождении этого проекта эскалацией амбиций, неизбежной самокритикой. О возможности рациональности в замысле и реализации проекта. Основное вопрошание: возможно ли не утратить амбиции прикладной этики как Утопии и одновременно профилактировать признаки моральной *утопичности* в ее современных проектах? Достаточно ли объяснять очевидные и неочевидные признаки этой утопичности (пост)модернизационными особенностями современного мира? Возможно, уместнее проблематизировать реалистичность потенциала ценностей и норм современной морали?

РЕДАКТОР

В.И. Бакштановский, д.ф.н., проф., директор НИИ ПЭ ТИУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.Г. Апресян, д.ф.н., проф., Институт философии РАН

А.А. Гусейнов, д.ф.н., проф., академик РАН, Институт философии РАН

Е.И. Головаха, д.ф.н., проф., Институт социологии НАН Украины

М.В. Богданова, д.с.н., гл. н. с. НИИ ПЭ ТИУ

Е.В. Беляева, к.ф.н., доцент, Белорусский государственный университет

Ю.В. Казаков, к.с.н., Общественная коллегия по жалобам на прессу СЖ РФ

И.М. Ковенский, д.т.н., проф., ТИУ

А.В. Прокофьев, д.ф.н., проф., Институт философии РАН

М.М. Рогожа, д.ф.н., проф., Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко (Украина)

А.Ю. Согомонов, к.ист.н., Институт социологии РАН

Г.Л. Тульчинский, д.ф.н., проф., НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

Ответственный секретарь журнала М.В. Богданова. Редактор выпуска И.А. Иванова. Ответственный за выпуск А.П.Тюменцева. Оригинал-макет И.В. Бакштановской. Обложка: М.М. Гардубей.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

© Научно-исследовательский институт прикладной этики, 2018

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет». 2018

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen»
Applied Ethics Research Institute

**SEMESTRIAL PAPERS
OF APPLIED ETHICS
Issue 52**

**THE FAMILIARIZATION OF THE
APPLIED ETHICS OECCUMAN:
the escalation of ambitions
or
*the criticism of utopianism***

Editor
V. Bakshtanovsky

Tyumen
IUT
2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие редактора</i>	6
<i>Теоретический поиск</i>	
<i>Р.Г. Апресян</i> Этико-прикладное проектирование: условия реалистичности	9
<i>А.В. Прокофьев</i> Институционализация этики профессий и организаций: пределы возможного	19
<i>А.А. Скворцов</i> «Утопия» академической этики и «антиутопия» университета	37
<i>А.А. Сычев</i> Экотопия и мораль	47
<i>Ю.Н. Москвич, Е.Н. Викторук</i> Цели и задачи прикладной этики в турбулентном мире	63
<i>Е.В. Беляева</i> Цифровое общество и возможности его этического регулирования	74
<i>М.М. Рогожа</i> О (не)реалистичности этико-прикладных проектов	83
<i>Г.Л. Тульчинский</i> Чему может учить прикладная этика: попытка систематизации контента	90
<i>В.Ю. Перов, Д.Г. Китаев</i> Проблемы трансформации университетской этики	98
<i>Рубрика академика А.А. Гусейнова</i>	
<i>А.А. Гусейнов</i> Золотое правило нравственности по Конфуцию	111
<i>Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития</i>	
<i>А.Ю. Согомонов</i> «Устойчивый университет» (академическая наука, высшее образование и прикладная этика)	119

<i>В.И. Бахштановский, М.В. Богданова</i>	
Инженер = высокая профессия. Утопия или реальность?	134
Публикации, изданные НИИ прикладной этики (2010-2018)	154
Summary	172
Авторы выпуска	177
List of authors	179
О журнале	181

Предисловие редактора

Выпуск 52-й журнала собран вокруг темы успешности освоения Ойкумены прикладной этики. Тема проблематизирована вопрошанием о стратегии проекта освоения: эскалация амбиций и/или критика утопичности.

В предшествующих выпусках журнала наиболее активно *осваиваемые* инновационной парадигмой «территории» Ойкумены прикладной этики выступали предметом как теоретической рефлексии, так и прикладных разработок, предполагавших влияние на практику. На определенном этапе (например, интенсивного освоения «территории» университетской этики – проекты «Миссия университета», «Профессионально-этический кодекс университета», «Этика профессора», «Этика администратора университета», «Формирование и воспроизводство этики профессии» и т.д.) попытки такого рода влияния проблематизировали вопрос о *реалистичности* этико-прикладных проектов в целом.

Поэтому 52-й выпуск журнала мы решили посвятить проблеме (не)реалистичности притязаний прикладной этики (прежде всего ее инновационной парадигмы) на освоение новых ситуаций морального выбора, проектно-ориентированное преобразование моральной практики, креативное развитие малых нормативно-ценностных систем, а также на эффективность проектирования институтов саморегулирования профессиональной морали и т.д.

«*Не*» перед словом «реалистичность» здесь совсем не лишнее. Все труднее не заметить, что амбиции прикладной этики приобретают признаки моральной (этической) *утопичности*.

Если обратиться к прошлому, вряд ли можно назвать утопическим опыт гуманитарных экспертиз времен освоения новых ситуаций в жизни общества (новое освоение нефтегазовых ресурсов Тюменского Севера, освоение новых ситуаций политической этики эпохи Перестройки и т.п.).

Однако не очевидно ли, например, что сегодняшняя массовая практика проектирования институтов этического регулирования *высоких* профессий скорее подрывает авторитет такого рода регулирования, чем дает ему институциональную поддержку?

А можно ли, например, не заметить опасности распространения фейкового, манипулятивного и пр. существования «прикладной этики» в практике кодифицирования, безапелляционно маркируемого как «этическое»?

Конкретнее? Например:

- не утопично ли проектировать моральные конвенции организационной и профессиональной этики?

- реалистичны ли самые-самые правильно созданные кодексы, если ценности профессии сегодня могут поддерживаться лишь индивидуальным моральным выбором, а не корпоративной этикой?

- не утопична ли идея (в надежде профилировать распространение фейков) сохранения автономности профессиональной и корпоративной этики при помощи институтов этического кодифицирования?

Основное вопрошание: Как не утратить амбиции прикладной этики и одновременно профилировать признаки моральной *утопичности* в ее современных проектах?

Достаточно ли объяснять очевидные и неочевидные признаки этой утопичности (пост)модернизационными особенностями современного мира? Возможно, уместнее проблематизировать реалистичность потенциала ценностей и норм современной морали? А насколько рациональны притязания этико-прикладного знания в его наличных концепциях, методологических основаниях и «технологическом» обеспечении?

Проблематизация 52-го выпуска вполне последовательно продолжает рефлексию метафизических и прагматических аспектов практичности прикладной этики предшествующих выпусков журнала, посвященных сходным вопрошаниям. Речь идет о «КПД практичности» (см. вып.32), о «повестке дня» для инновационной парадигмы (см. вып. 43), о «новой миссии прикладной этики» (см. вып. 45).

В этом выпуске развернуто обсуждение ряда новых проблем. Например, зависимость успешности этико-прикладного проектирования от условий организации, группы, в которых они реализуются (Р.Г. Апресян). Взвешивается риск восприятия самой проблематизации (не)утопичности этического проектирования в рамках инновационной парадигмы как «полномасштабного теоретического отступления, если не капитуляции» (А.В. Прокофьев). Проблематизация (не)реалистичности притязаний прикладной этики в проектной парадигме рассматривается в контексте ее эволюции «в условиях «социальной турбулентности» в новом быстро меняющемся глобальном мире (Ю.Н. Москвич, Е.Н. Викторук). Феномен (не)реалистичности этико-прикладных проектов соотносится с фактором общественности: «в обществе с пассивной общественностью» прикладная этика нагружена скорее статусом теории, чем «ресурсом этических технологий в общественных практиках» (М.М.Рогожа). Взвешивание (не)утопичности проектирования моральных конвенций органи-

зационной и профессиональной этик» в университете определяется как утопичное «в плане бессилия отстоять свой ценностный мир»: университетская этика «не смогла защитить университеты от трансформации в другой статус, т.е. в некое подобие бизнес-проекта, а сама пала жертвой антиутопии коммерциализации» (А.А. Скворцов).

Представляется перспективным продолжение избранной для 52-го выпуска проблематизации и доведение (возвышение?) ее до рефлексии темы «Ойкумена прикладной этики как Утопия», предполагая соотнесение прагматического измерения «утопичность» с метафизическим измерением «Утопия», в его отнесении к веберовскому понятию идеального типа.

Р.Г. Апресян

УДК 17.01 + 17.02 + 174

Этико-прикладное проектирование: условия реалистичности

Аннотация. Успешность этико-прикладного проектирования зависит не только от качества разработки и внедрения проекта, но и от условий организации, группы, в которых они реализуются. Этико-прикладные инициативы в университете (главным образом это этические кодексы) имеют мало шансов на успешную реализацию в силу ряда факторов: низкий уровень административной самостоятельности университетов, коммерциализация образования и снижение критериев оценки успеваемости студентов, стесненные условия работы и научного творчества преподавателей, отсутствие работающих профессиональных организаций преподавателей. Названные условия жизнедеятельности университета могут быть причиной кризиса профессиональной идентичности и личного достоинства преподавателя, что также не способствует успешности этико-прикладного проектирования в университете.

Ключевые слова: профессиональная этика, этико-прикладное проектирование; этика университета, академические свободы, личное достоинство, профессиональное предназначение.

Отношения между прикладной этикой и профессиональной деятельностью по существу не являются непосредственными. В своих конкретных выражениях они могут *казаться* таковыми, поскольку нередко, особенно в условиях кадрового дефицита, специалисты по прикладной этике выступают разработчиками этико-прикладных проектов и даже их «наладчиками» в том смысле, что выполняют функцию внедрения в практику разработанных ими же этико-прикладных проектов. Но это именно конкретные ситуации персонального совпадения лиц, осуществляющих деятельность разного рода. По сути это совпадение случайно. Как типы деятельности этико-прикладное исследование, этико-прикладное проектирование и внедрение этико-прикладных разработок – различны. Поэтому постановка вопроса о реалистичности прикладной этики требует уточнения. Поскольку этико-прикладное знание не связано напрямую с моральной практикой, то в соотнесении с последней вопрос о реалистичности корректнее ставить по отношению к этико-прикладному проектированию, причем с поправкой на то, что и его отношения с моральной практикой опосредованы деятельностью по внедрению этико-прикладных проек-

тов. Но это сугубо практический вопрос, и от его рассмотрения в данном рассуждении я воздержусь.

И в общем плане отношения между знанием, даже специально-прикладным знанием и практикой не прозрачны и не просты. Это феномены различной природы. Знание в той мере, в какой его формирование опосредовано и обусловлено наблюдением (и ограничениями, которые есть у наблюдателя) и измерением (и особенностями инструмента, технического или нормативного, который при этом используется), формируется и утверждается в отвлеченности от своего предмета и в этом смысле отчасти независимо от него. Будучи в какой-то степени заданным своим предметом, т.е. объективной реальностью, на изучение которой направлено исследование, знание как результат осмысления и концептуализации объективной реальности есть в то же время продукт теоретического конституирования своего предмета.

По другому поводу, в контексте полемического обсуждения постмодерной критики разума, Ю. Хабермас, говоря об отношениях знания и практики, отмечал непредсказуемость и рискованность попыток прямого включения знания в практику. Причем предметом предосторожности в такого рода попытках должна быть как практика, так и само знание: под воздействием знания у практики (Хабермас говорил о частных и публичных сферах повседневности) может быть нарушена цельность, а само знание в результате таких попыток может потерять свою независимость и эпистемологическую статью. Знание, амбициозно претендующее на весомость и значимость для практики, может не соответствовать внутреннему содержательному богатству этой практики, и вмешательство знания чревато нарушением органичности, сбалансированности практики. Наряду с неоправданной эстетизацией и сциентизацией практики, которые происходят под воздействием вмешательства знания, Хабермас указывает на риск морализации. Такого рода вмешательства могут проходить в порядке контркультурного экспериментирования, фундаменталистского давления или проведения технократических реформ [13, 340–341]¹. В любом из этих вариантов сталкиваются два мировидения – «культура экспертов» и «культура повседневной жизни». Но, говоря о противоречиях между знанием и практикой, Хабермас как будто бы целиком «на стороне» практики. Он и говорит о «жизненном мире» и

¹ Отдельный вопрос, который Хабермас не затрагивает: вмешательство чего происходит? Вмешивается знание или контркультура, фундаментализм, технократия посредством «знания». Такая постановка вопроса актуально проблематизирует само знание и возможности его использования.

попытках его рационализации – насколько обоснованы и оправданы претензии разума на рационализацию жизненного мира?

Корреляция рассуждения Хабермаса с предложенной постановкой вопроса не однозначна, но их сопоставление эвристично благодаря иному в рассуждении Хабермаса смысловому акценту: любое знание при попытке прямого приложения к практике может оказаться несостоятельным, и дело не в том, приложимо знание к практике в принципе или нет, а кто и как это приложение берется осуществить. Причины инконгруэнтности знания и практики могут лежать и в самой практике:

а) неготовность в субстанциональном и функциональном плане практики к адекватной рецепции знания;

б) управленческое, нормативное, технологическое сопровождение трансляции знания к практике недостаточно или отсутствует вообще;

в) осуществляющие практику люди ригидны по отношению к новому, тем более внешнему знанию и т.д. Результат инконгруэнтности будет один – непримененность знания к практике, что может интерпретироваться как следствие «утопичности» знания. Однако, как видим, за «утопичностью» (действительной или мнимой) знания могут таиться разные обстоятельства.

Все это так или иначе относится и к этико-прикладному проектированию, в частности в пространстве университета. Какие бы этико-прикладные проекты или программы из тех, что обсуждались в «Ведомостях прикладной этики» за последние два десятилетия мы ни брали, во всех случаях, на мой взгляд, предполагаемая повестка прикладной этики находилась в напряженных отношениях с университетским этосом². Мы помним, что не так радикально, как в данном выпуске, но проблема реалистичности или (при взгляде с обратной стороны) утопичности притязаний прикладной этики затрагивалась и в предыдущих выпусках «Ведомостей» – 32 (2008) и 36 (2010). В них так или иначе ставился вопрос о практичности прикладной этики и о потенциале действенности такого продукта этико-прикладного проектирования, как профессиональный кодекс. Такая постановка вопроса побуждала ряд авторов «Ведомостей», среди которых был и автор данной статьи, обсуждать именно границы реалистичности и риски утопичности этико-прикладных проектов.

Подобные границы и риски обусловлены не столько этико-

² Речь, разумеется, идет о «среднем» российском университете, образ которого складывается у меня из впечатлений, полученных в ходе знакомства с рядом конкретных столичных и региональных университетов.

прикладными проектами (хотя по отношению к ним всегда нужен контрольный присмотр), сколько состоянием университетов в современной России. В первую очередь тем, что они на протяжении последней четверти века после СССР пребывают в нескончаемой транзитивности – изменении статуса, обретении нового, обновлении предыдущего. Преобразования, которые переживают российские университеты, можно рассматривать как выражение неиссякаемого перфекционизма руководителей высшего образования или как выражение понимания того, что институты высшего образования в их нынешнем формате не отвечают современным потребностям общества. Какими бы возвышенными или прагматичными ни были мотивы авторов инновационных образовательных политик, но одним из эффектов постоянного трансформирования университетов является кризис профессиональной и институциональной идентичности работников университета (речь в первую очередь идет о преподавателях) и как следствие – их профессиональная и институциональная маргинализация. Попытки внедрения профессиональных (корпоративных) этических кодексов в таких условиях обречены на провал. Говоря другими словами, попытки такого рода утопичны. Это легко объяснимо: профессиональные и корпоративные этические кодексы предполагают устойчивую профессиональную (корпоративную) идентичность членов профессиональных (корпоративных) сообществ. Без такой идентичности этические кодексы остаются без опоры.

Другая проблема – в зависимом положении университетов. За исключением некоторого числа ведущих российских университетов, которым дарована административная самостоятельность во внутренней образовательной политике, статус большинства университетов, в особенности региональных, в этом плане невысок. Это проявляется как в административной и финансовой зависимости университетского руководства, его мелочной подотчетности разным уровням власти, так и в ограничении компетентности университетов в формировании структуры образовательной программы и определении ее содержания. Сплошь и рядом университеты оказываются заложниками противоречивых задач, предъявляемых им федеральными и региональными органами власти. К этому надо добавить и распространенную практику использования региональных университетов в идеологических мероприятиях и политических акциях, проводимых региональным руководством. Не говоря о том, что студенты при этом используются не в своем личном качестве, а как масса – средство для заполнения пространства, – включенность университетов (а ведь студентов мобилизуют и организуют соответствующие подразделения университетского руководства) в идеологический и политический

функционал региона, который исходит от региональной администрации, своеобразным образом «дисциплинирует» университет, встраивает его в местную властную вертикаль и в этом смысле ограничивает его в качестве пространства академических свобод³.

Положение региональных университетов усугубляется тем, что их научный потенциал чаще всего слабо востребован региональной властью и обществом. Да и сами университеты не готовы к высококвалифицированному экспертному участию в региональных процессах развития, их научному сопровождению. При этом имеют место разного рода формы псевдоактивности университетов в региональных программах и проектах, которые носят скорее демонстративный и экспозиционный, чем творчески-продуктивный характер.

Согласно докладу Института образования Высшей школы экономики, в большей части регионов вклад университетов в региональное развитие по экономическим, гуманитарным, инновационным параметрам низок и очень низок [8, 24-25]. Университеты выступают значимым фактором регионального развития менее чем в трети российских регионах. Впрочем, точность проведенного исследователями ВШЭ ранжирования регионов по критерию активности институтов высшего образования в региональном развитии не кажется достаточно надежной. Насколько адекватно понимание действительной эффективности университетов в названных авторами доклада регионах, если, как видно по докладу и как указывается в литературе [12, 89], расчеты производятся по зарубежным методикам [16], разработанным под соответствующие социально- и образовательно-политические реалии, существенно отличные от тех, в которых приходится существовать российским университетам. Этот вопрос насущен по ряду причин, и главное среди них то, что не ясно, как при оценке эффективности университета учитывается уровень образованности и подготовленности его выпускников, причем в реальном выражении. Трудность формулирования критериев оценки по этому параметру тем более серьезна, что сами университеты, бессильные противостоять снижению качества образованности абитуриентов и низкой мотивированности студентов к образованию [5, 46-47; 7, 113-114], вынуждены ослаблять стандарты образованности, обученности, подготовленности студентов и, соответственно, транслировать эти ослаб-

³ В последние годы императивное вовлечение студентов в обслуживание мероприятий, проводимых региональной администрацией или курируемых ею, нередко облачается в форму волонтерской или, говоря по-русски, *добровольческой* деятельности, что еще более ухудшает ситуацию с независимостью университета.

ленные стандарты обществу, подкрепляя их авторитетом своего формально понятого статуса.

Снижение требовательности к успеваемости студентов – это не только вопрос качества результата образовательной деятельности университета, это и вопрос профессиональной идентичности преподавателей. Со сменой поколений преподавателей в последние пять лет этот вопрос встает все более остро: преподаватели нового поколения – уже сами представляют собой продукт утверждения пониженных критериев образованности в средней школе и в вузе, ослабленных требований к кандидатским и докторским диссертациям. Однако как бы ни было, по поводу оценки успеваемости преподаватели оказываются в напряженных отношениях и со студентами, все менее скрывающими свои претензии на высокие оценки независимо от уровня своих знаний, и с администрацией университета, которая заинтересована в повышении привлекательности университета для студентов за счет «либерализации» критериев оценки их успеваемости. Не всегда преподавателям удается выстоять в этих противостояниях и тем самым отстоять свое достоинство, подтвердить самим себе свою профессиональную идентичность.

Профессиональная идентичность оказывается под ударом и вследствие действительности ряда других факторов:

- коммерциализации образования [2, 198-199; 4, 23];
- низкого уровня общественной оценки преподавательского труда (включая, в первую очередь, неудовлетворительный уровень оплаты труда) [10];
- повышающейся годичной нагрузки (проводимой таким образом, что многие виды непрерывной в образовании деятельности, такие как научное руководство индивидуальной работой студентов, консультирование, дополнительная работа с отстающими и т.д., фактически остаются не оплачиваемыми) [6, 78-79];
- сокращения до ничтожного минимума возможностей для самостоятельной научной работы преподавателей, сворачивания программ поддержки их академической мобильности [9];
- расслоения университетского сообщества из-за усугубляющейся разницы в уровне оплаты труда преподавателей и руководителей [1] и т.д. Все это не может не вести к негативному изменению представлений о достоинстве и успешности преподавательской деятельности.

В таких условиях нереалистично надеяться на успех этико-профессиональных начинаний, с чем бы они ни были связаны – с «освоением ли новых ситуаций морального выбора», «преобразованием моральной практики», «креативным развитием малых нормати-

вно-ценностных систем», «эффективностью проектирования институтов саморегулирования профессиональной морали» и т.д., говоря словами редактора настоящего издания. Профессиональная этика зиждется на профессиональных сообществах, обладающих хотя бы какой-то степенью автономии по отношению к внешнему давлению. Если говорить об университетском сообществе в целом, то это автономия по отношению к департаментам образования и министерству образования, руководители которых в нынешних российских условиях видят свою задачу не в создании наиболее благоприятных условий для функционирования учреждений образования, а в осуществлении постоянного, по сути своей репрессивного, внешнего контроля за всеми сторонами деятельности университета. Если говорить о преподавателях, то это право на достойные условия труда как в самом процессе образования, так и в той нравственно-психологической атмосфере, в которой этот процесс протекает. Без самостоятельности в своей деятельности, без приоритетной значимости горизонтальных профессиональных, т.е. содержательных отношений профессионалам не сформировать профессионального сообщества.

В каждом учреждении, трудовом коллективе есть свой этос. Нередко это нравственно определенный этос, в котором действуют свои традиции, свои механизмы самоорганизации, нормативной регуляции, нравственного контроля. Эти элементы социальной организации складываются под административным влиянием, благодаря социальной инерции и социальным привычкам, и наконец, может быть в значительной мере под воздействием личных нравственных представлений самих работников. В принципе, это база, на основе которой могут быть развернуты и профессионально-этические программы, но их действенность и полноценная результативность предполагают такую социально-коммуникативную инфраструктуру, которая возможна лишь в демократически устроенной среде. Понятно, что демократические режимы не только на общественном, но и на коммунитарном, и на групповом уровне могут быть разными, в том числе и с разными степенями индивидуальной свободы. Это в полной мере касается и той сферы в профессиональной активности преподавателя, которая связана с аудиторной и индивидуальной работой со студентами. Ведь одно дело, институционализированность преподавателя в качестве члена университетского коллектива и другое – его работа в аудитории, его отношения со студентами. В работе с ними могут в значительной степени нивелироваться те негативные факторы преподавательского труда, которые были названы. Есть все основания полагать [3], что именно взаимоотношения со студентами оказываются доминантными в работе преподавателя и определяю-

щими для его самоопределения в качестве профессионала.

В связи с задачей реализации в организациях этико-прикладных проектов отдельно встает вопрос относительно демократической включенности руководства во внутриколлективные отношения – насколько оно является неперемным условием успешности таких проектов. В этом вопросе есть несколько аспектов, но существенных из них по меньшей мере два. Во-первых, насколько руководители организации в части этического не являются привилегированными членами коллектива, обладающими особыми правами, освобождающими их от этической ответственности и этической подотчетности коллективу? Это интересный для обсуждения и важный по существу этический и социально-психологический вопрос. К сожалению, в рамках данной статьи приходится ограничиться лишь его постановкой. Во-вторых, если руководство организации содействует продвижению этико-прикладных проектов, каковы его мотивы и как оно воспринимает профессионально-этическое регулирование деятельности организации?

Опыт этико-прикладного проектирования в организациях, и университеты не являются здесь исключением, показывает, что руководители нередко рассматривают этическое регулирование как элемент «мягкого» административного давления [15, 177-179], иными словами, вертикального воздействия, причем в условиях имитационного характера горизонтальных форм контроля за поведением (т.е. этического регулирования в собственном смысле этого слова). В условиях доминирования в российском общественном сознании и общественных нравах духа авторитаризма и неразвитости демократизма ни в сознании, ни в поведенческих навыках, руководителям организаций довольно легко обращать инструменты служебной или профессиональной этики себе на пользу, одновременно освобождая себя от обязанности быть подотчетными им. И это – еще один фактор «утопизации» этико-прикладного проектирования.

В целом, нужно отметить, что если имеет смысл ставить вопрос о нереалистичности, утопичности этико-прикладного проектирования, то лишь отчасти этот вопрос инвективно обращен к самому проектированию, шире – прикладной этике. Качество этико-прикладных проектов и практического воплощения – важное условие их успешной реализации. Но это касается любого рода проектов. Гораздо важнее в плане поставленного вопроса другое – в какой мере «площадка» приложения этико-прикладных проектов готова к их усвоению, насколько адекватно использование на такой площадке методов профессионально-этического регулирования? В условиях, когда в университете доминирует авторитаризм, служебная дисциплина сведе-

на к исполнители, а профессиональная самостоятельность сотрудников ограничена, даже самые проработанные этико-прикладные проекты могут оказаться утопией.

Список литературы

1. *Борта Ю.* Доходное место. Почему ректоры вузов шикуют, а преподаватели нищенствуют? // Аргументы и Факты. 2017. № 25. С.19.
2. *Вахитов Р.Р.* Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. М.: Страна Оз, 2014. - 276 с.
3. *Еремицкая И.А.* Структура мотивации трудовой деятельности работников университета // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 112–119.
4. *Иглтон Т.* Медленная смерть университета // Совет ректоров. 2015. № 4. С. 19–26.
5. *Ильина С.Е.* Проблема низкой мотивированности студентов неязыковых специальностей в приобретении знаний по иностранному языку // Вестник Югорского государственного университета. 2016. Вып. 1 (40). С. 46–48.
6. *Исаева Т.Е.* Учебная нагрузка преподавателя вуза и другие факторы, влияющие на эффективность его профессиональной деятельности // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 3. С. 76–79.
7. *Малошонок Н.Г., Семенова Т.В., Терентьев Е.А.* Учебная мотивация студентов российских вузов: возможности теоретического осмысления // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 92–121.
8. Оценка вклада региональных систем высшего образования в социально-экономическое развитие регионов России / О.В. Лешуков, Д.Г. Евсеева, А.Д. Громов, Д.П. Платонова. М.: НИУ ВШЭ, 2017. - 30 с.
9. *Петрякова Н.Д.* Академическая мобильность преподавателя ВУЗа // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: Материалы конференции. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. Т. 2. С. 97–100.
10. *Сенашенко В.С.* О престиже профессии «преподаватель высшей школы», ученых степеней и ученых званий // Советский физик. 2016. № 4, [http://www.phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES2016/04\(120\)2016/22861/](http://www.phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES2016/04(120)2016/22861/) [просмотр 01.05.2018].
11. Федеральный закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ (ред. от 03.12.2011) Российской Федерации «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (с изм. и доп., вступающими в силу с

01.02.2012), http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446/ (Просмотр 01.05.2018).

12. *Фирсова А.А., Огурцова Е.В.* Подходы к методологии оценки вклада университета в инновационное развитие региона // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16. Вып. 1. 85–90.

13. *Habermas J.* The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures. Cambridge :Polity Press, 1998. 430 p.

14. *Heblich S., Slavtchev V.* Parent universities and the location of academic startups // Small Business Economics. 2014. Vol. 42. № 1. P. 1–15.

15. *Keenan J.F.* A Summons to Promote Professional Ethics in the Academy // Journal of the Society of Christian Ethics. 2013. Vol. 33. № 1. P. 169–184.

16. *Trippi M., Sinozic T., Smith H.L.* The Role of Universities in Regional Development: Conceptual Models and Policy Institutions in the UK, Sweden and Austria // European Planning Studies. 2015. Vol. 23. № 9. P. 1722–1740.

А.В. Прокофьев

УДК 174

Институционализация этики профессий и организаций: пределы возможного

Аннотация. В статье подвергнут анализу вопрос о соотношении позитивных и негативных последствий проектной деятельности по институционализации этики профессий и организаций. Среди предполагаемых позитивных последствий этой деятельности – повышение трудовой добросовестности и профессиональной ответственности работников организации, этизация ее отношений с внешними заинтересованными сторонами, формирование благоприятного публичного имиджа организации. Негативными последствиями могут оказаться: создание «дымовой завесы», прикрывающей морально сомнительные практики, манипулирование нравственными чувствами работников и широкой публики для достижения прагматических целей руководства, увеличение бюрократического контроля над поведением индивидов, ограничение их индивидуальной свободы, прямое подавление неудобных. Преобладание негативных последствий влечет за собой и такой дополнительный результат, как дискредитация самой идеи этического саморегулирования в профессиональной и организационной среде. Автор статьи показывает, что в истории западной прикладной этики тезис о преобладании позитивных последствий, а значит, об эффективности этических кодексов и системы их реализации, длительное время выступал в качестве аксиоматического. Однако с 1990-х гг. вопрос об эффективности корпоративных и профессиональных кодексов превратился в остро дискуссионный. На настоящий момент в исследовательской литературе преобладает оптимистический ответ на него. Но оптимизм теоретиков является очень сдержанным, поскольку эффективность этических кодексов обусловлена большим количеством факторов, которые не находятся под контролем организаторов процесса кодификации. Автор иллюстрирует это положение, отталкиваясь от опыта двух попыток кодификации университетской этики в США и России.

Ключевые слова: этика организаций, этика профессий, этическая кодификация, эффективность кодексов этики, университетская этика.

Теоретический вызов

НИИ ПЭ предложил в качестве предмета для обсуждения вопрос об эффективности целенаправленной работы по институционализации этики профессий и организаций. И сделал это в довольно острой форме, оставляющей место для самых скептических и пессимистических итоговых констатаций. Вопрос поставлен ребром: «Не утопична ли такая работа? Не является ли она имитационной и ма-

нипулятивной?». Я бы расширил этот скептический контекст за счет дополнительного сомнения: «А не является ли деятельность по созданию этических кодексов и этической инфраструктуры одним из направлений, по которым различные бюрократические инстанции расширяют свой репрессивный потенциал?». Другими словами, приглашение к обсуждению содержит целостный вызов прикладной этике в том ее понимании, которое развивает НИИ ПЭ, то есть прикладной этике, понятой как этика профессий и организаций. В конечном счете она может оказаться пространством: 1) бессмысленной организационной и декларативной суеты; 2) создания иллюзии ответственной деятельности индивидуальных и коллективных субъектов; 3) технического манипулирования моральными чувствами работников, членов профессионального сообщества, широкой публики для достижения прагматических целей институтов и организаций; а также 4) пространством, в котором осуществляются апеллирующий к моральным ценностям бюрократический контроль над поведением индивидов, ограничение их индивидуальной свободы, прямое подавление неугодных.

После десятилетий самоотверженных усилий сотрудников НИИ ПЭ по запуску процессов этической самоорганизации профессиональных сообществ и этического регулирования в организациях такая постановка вопроса кажется неожиданной. До сих пор в исследованиях НИИ ПЭ проблема эффективности этических кодексов и этической инфраструктуры ставилась под несколько иным углом. Для ее раскрытия использовалась яркая метафора коэффициента полезного действия двигателей. Под вопросом находилась не способность прикладной этики позитивно влиять на социальную практику, а масштаб такого влияния и набор наиболее перспективных его направлений. В переходе к именно такому видению проблемы эффективности НИИ ПЭ видел как свою заслугу, так и новую форму бытования прикладной этики в России. Десятилетие назад в статье «Ойкумена прикладной этики: стратегия нового освоения» Владимир Бакштановский и Юрий Согомонов писали: «Заметная активизация дискурса по проблемам прикладной этики ставит задачу перевода уходящих в прошлое дискуссий о ее праве на существование в новую проблематизацию. И, с нашей точки зрения, прежде всего – в сравнительный анализ практического потенциала развиваемых сегодня направлений прикладной этики» [1, 32]. На этом фоне разговор о подрыве устойчивости профессионального этоса «практикой проектирования институтов этического регулирования», об «утопичности... проектирования моральных конвенций» выглядит полномасштабным теоретическим отступлением, если не капитуляцией.

Однако мне представляется, что глубокая самокритика прикладной этики, возвращающая нас к вопросу о ее праве на существование, является как признаком интеллектуальной честности, так и залогом будущего продвижения вперед. Любой специалист, посвятивший годы жизни решению проблем определенной практики, склонен рассматривать и саму эту практику, и сформулированные им исследовательские задачи в качестве заведомо обоснованных, стоящих того, чтобы потратить на них время и силы. Это создает глубокую зависимость теоретика от пройденного им пути, своего рода колею, наличие которой чревато идейной дезориентацией. В том же положении находятся научные школы и направления. Вторичное негативное влияние этой тенденции испытывают и зависящие от исследований общественные отношения и институты. Избавление от последствий эффекта колеи возможно только при постоянном возвращении исследователей к отправным посылкам, на основе которых производилась постановка проблем. Чтобы увидеть недостатки своего исследования, надо постоянно ставить его под вопрос как внутри собственной теоретической парадигмы, так и вместе с этой парадигмой. Именно этим и предлагает заняться НИИ ПЭ специалистам, работающим в сфере этики профессий и организаций.

Впечатление масштабного отступления или капитуляции оказывается неверным еще и потому, что призыв НИИ ПЭ рассмотреть «практику проектирования институтов этического регулирования» на предмет ее возможной утопичности, является не абстрактным и обобщенным, а контекстуализированным. Речь идет преимущественно о сегодняшней российской практике кодификации профессиональной этики, которая находится в периоде своего становления и испытывает множество разнонаправленных воздействий, часть которых попросту выхолащивает ее позитивный потенциал. Более того, в центре внимания НИИ ПЭ находится российская кодификация профессиональной этики в специфической области «высоких профессий», то есть тех, в рамках которых либо реально существует автономия профессионала и профессионального сообщества, либо такая автономия предполагается в связи с их особенностями, но на практике выражена довольно слабо. Именно здесь все недостатки целенаправленной деятельности по институционализации профессиональной этики проявляются особенно ярко. Именно в отношении «высоких профессий» может оказаться оправданной позиция, в соответствии с которой необходимо отказаться от разработки кодекса и выстраивания этической инфраструктуры в тех случаях, когда наличные социокультурные условия превращают такую работу в средство дискредитации самой идеи этического саморегулирования профессио-

нальных сообществ. Бездействие может оказаться наилучшей альтернативой в сравнении с имитационными или деструктивными действиями.

Неудобства с эффективностью

Для того чтобы полноценно откликнуться на вызов, предложенный НИИ ПЭ, требуется работа большого сообщества исследователей, имеющих широкую теоретическую подготовку, глубоко изучивших состояние профессиональных этосов и ход институционализации профессиональной этики в России и, желательно, вовлеченных в этот процесс в качестве практиков. Не отвечая этому набору характеристик, я мог бы лишь попытаться проследить несколько соединений между собой сюжетных линий, связанных с систематической самокритикой прикладной и профессиональной этики в России и в мире. Они относятся к созданию и совершенствованию кодексов как центральной части процесса институционализации этики профессий и организаций. Понятие «кодекс» в данном случае используется в расширенном смысле. Под кодексом понимаются любые, обращенные к членам профессионального сообщества или работникам организации и сведенные в формальный документ требования, опирающиеся на представление об этическом предназначении (миссии) профессии или организации, а также о нравственных обязанностях добросовестного работника. Эти требования могут иметь характер общих ценностных деклараций или конкретных поведенческих правил и не во всех случаях носить название «кодекс». Они могут быть представлены в виде одного документа или совокупности самостоятельных, дополняющих друг друга документов. Однако в контексте данного исследования я буду весь этот комплекс результатов деятельности по институционализации этики профессий и организаций называть кодексом или кодексами.

Шведские исследователи, Свен Хелин и Йохан Сандстрем разделили массив работ, имеющих в качестве своего предмета этические кодексы организаций, на три большие группы, ориентированные на: 1) анализ *содержания кодекса*, 2) выявление его *практического выхода* и 3) изучение *условий его возникновения*. Содержание кодексов часто изучается сугубо эмпирически. Исследователи проводят сравнительный анализ языковой формы существующих документов, их структуры и конкретных ценностно-нормативных утверждений, входящих в них; они выявляют наиболее общие тенденции, характеризующие эти документы в разных сферах регулирования, разных странах и т.д. Однако какая-то часть таких исследований носит не эмпирический, а нормативно-рекомендательный характер. Они наце-

лены на формирование наилучшего кодекса для профессиональных сообществ либо организаций того или иного типа. Под практическим выходом кодексов подразумевается прежде всего их способность сокращать масштаб того поведения, которое в их свете является нежелательным, и увеличивать масштаб тех действий, которые соответствуют представленным в кодексе требованиям. При расширенном понимании целей организаций (профессиональных сообществ) к этой способности добавляются и иные аспекты, связанные с их отношениями с социумом в целом. Исследования трансформации этического регулирования профессий и организаций дают ответ на вопрос: как и почему кодексы возникают и успешно внедряются в повседневную практику или почему этого не происходит [7, 256–261].

Если спроецировать типологию Хелина и Сандстрема на историю профессиональной и корпоративной этики, то возникает следующая примечательная картина: исследования содержания кодексов получают распространение заметно раньше, чем исследования их практического эффекта и условий их возникновения и трансформации. Более того, исследования первого типа длительное время исходят из презумпции эффективности кодексов и работы по их внедрению и совершенствованию. В этом нет ничего удивительного, хотя такая последовательность и противоречит принципам деятельности по рациональному проектированию социальных институтов. Институциональный дизайн предполагает, что сначала необходимо получить предварительное подтверждение эффективности какого-либо институционального инструмента, а уже потом заниматься его широким внедрением и совершенствованием. Однако стихийное или полустихийное формирование социальных практик и институтов подчиняется другим принципам.

Возникновение кодексов профессиональной этики было результатом не теоретически обоснованного институционального дизайна, а частью процесса становления претендующих на автономность профессиональных сообществ. В этом процессе соединились разные факторы. Прежде всего, в нем нашло свое выражение центральное противоречие профессионализма: эффективный профессионал должен обладать максимальной самостоятельностью, но так как от его деятельности зависят жизненно важные общественные интересы, то общество имеет витальный интерес в контроле над его деятельностью. Опирающееся на кодекс саморегулирование профессиональных сообществ выглядит как оптимальное разрешение этого противоречия (см. подробнее: [2]). Одновременно профессиональные сообщества нуждались в основе для сохранения своих со-

циально-статусных позиций. Кодификация являлась частью их стратегии самосохранения и расширения влияния.

Эффективность этического саморегулирования профессиональных сообществ рассматривалась в этот момент как самими их членами, так и внешними наблюдателями в качестве аксиомы здравого смысла. В ключевую проблему для практиков и для теоретиков превращался выбор оптимального содержания кодекса, которое отвечало бы особенностям профессии, наличным ценностным установкам профессионалов и совокупности общеморальных ценностей и требований. Становление профессиональных кодексов началось в XIX в., а к концу его появились образцы профессионально-этической кодификации, которые могут быть названы кодексами профессиональной этики с учетом всех современных требований и стандартов. Классик современной прикладной этики Майкл Дэвис полагает: так как более ранние образцы профессионально-этических документов не обладали теми или иными признаками полноценного кодекса профессиональной этики, то первым таким кодексом в североамериканском контексте можно считать кодекс Американской медицинской ассоциации 1912 г. [4].

Этика организаций в форме бизнес-этики и служебной этики оформляется позднее, чем этика профессий, принимает ее наследие, а в его составе – идею необходимости формального нормативного документа, который содержит ключевые ценности и правила. Первые попытки кодификации в сфере бизнес-этики относятся к началу XX в. Именно тогда появляется такой яркий феномен как кодекс сети магазинов Джеймса Пенни. Принятый в 1913 г., он был примитивным прообразом современных кодексов фирм и корпораций [14]. Однако широкое распространение кодификация этого рода получила в странах Запада после политически-коррупционных и корпоративных скандалов последней четверти XX в. Ее подстегивали как внутренние, так и внешние факторы. Руководство корпораций стремилось увеличить управляемость персонала и создать благоприятный имидж компании. Органы государственного управления рассматривали кодификацию в качестве средства предотвращения нечестных бизнес-практик, которые чреваты потерями клиентов компаний и ставят под вопрос устойчивость национальных экономик. И те, и другие заимствовали опыт профессиональных сообществ вместе с презумпцией эффективности кодекса. Как заметил американский бизнес-этик Мюэл Каптейн, если в 1970-х гг. компании вынуждены были объяснять, почему они принимают кодекс, то во втором десятилетии XXI в. их подвергают перекрестному допросу по поводу того, не фун-

кционируют ли они по какому-то странному стечению обстоятельств без этического кодекса [10, 7].

В исследовательском контексте это вело к тому, что анализ содержания уже принятых этических документов и поиск их оптимального содержания стали восприниматься как не просто правомерные, а центральные задачи прикладной этики. Ситуация стала меняться в 1990-е гг., когда после многих лет, а в отношении профессиональной этики – после многих десятилетий создания новых и использования уже принятых этических документов, остро встал вопрос о том, дает ли этический кодекс хоть что-то организациям, профессиональным сообществам и обществу в целом. Настало время обращения прикладной этики к проблеме эффективности кодексов, в том числе в форме рефлексивной самокритики, которая постоянно выходит на рубеж, за которым оказывается необходимо самообоснование. Теоретики впервые подняли вопрос о потенциальной «утопичности... проектирования моральных конвенций», прозвучавший в приглашении НИИ ПЭ.

Для того чтобы содержательно исследовать этот вопрос, необходимо определиться с теми направлениями, в которых этический кодекс в принципе может проявлять свою эффективность. Первое комплексное направление – его влияние на поведение представителей профессиональных сообществ и работников организаций. На рубеже 1990-2000-х гг. американский бизнес-этик Майкл Шварц обобщил это влияние в рамках известной серии метафор. Он предположил, что корпоративный кодекс может играть следующие роли. 1. Свод правил – кодекс проясняет ожидаемое от работника поведение. 2. Указательный столб – кодекс заставляет работника постоянно иметь в виду корпоративные стандарты поведения, выяснять, является ли уместным то или иное планируемое действие. 3. Зеркало – кодекс дает возможность работнику подтвердить, что определенная, уже реализующаяся, линия поведения является приемлемой для корпорации. 4. Увеличительное стекло – кодекс пробуждает у работников осторожность в отношении совершаемых поступков, стимулирует рефлексивный характер принятия решений, имеющих этическое значение. 5. Щит – кодекс помогает работнику организовать свою ответную реакцию на нарушающие корпоративную этику просьбы или приказы со стороны начальства, коллег и третьих лиц. 6. Индикатор задымления – кодекс стимулирует работников к тому, чтобы предупредить коллег о неэтичном характере их поведения. 7. Пожарная сигнализация – кодекс является основой для того, чтобы работники связывались с уполномоченными лицами и информировали их об этических нарушениях. 8. Клуб – кодекс, сопровождающийся систе-

мой санкций, заставляет работников следовать корпоративным этическим правилам [17, 255].

В дополнение к эффективности кодекса, касающейся поведения работников, можно вести речь об эффективности, касающейся отношений между профессиональным сообществом или организацией и обществом в целом. Кодекс вместе с миссией служит своего рода декларацией намерений и принятием на себя обязательств, касающихся поведения членов сообщества или работников организации по отношению к внешним стейкхолдерам. В этом отношении он является частью формирования положительного корпоративного имиджа. Он также выступает как средство разотождествления индивидуальной и коллективной деятельности в рамках функционирования организации. Если вред клиентам, локальному территориальному сообществу, природе и т.д., причиненный решениями отдельных работников организации, имеет место на фоне коллективных усилий по кодификации корпоративной этики и внедрению кодекса, то этот вред следует воспринимать как результат особенностей принимающего решения работника, а не всего организованного коллектива. Однако эти аспекты эффективности кодекса имеет смысл обсуждать только в том случае, если он действительно оказывает существенное положительное влияние на поведение работников организации. Эти аспекты вторичны в отношении способности этических кодексов поддерживать честное исполнение норм корпоративной этики на индивидуальном уровне.

Итак, осознание разрыва между широчайшим распространением кодексов профессиональной и корпоративной этики и отсутствием научно достоверной информации об их эффективности пришло к прикладным этикам лишь в 1990-е годы. Одним из поворотных моментов в этом процессе стало исследование Бэтси Стивенс, в котором она продемонстрировала абсолютное преобладание в сфере бизнес-этики работ, касающихся содержания кодексов, над работами, затрагивающими их эффективность. Тот факт, что кодекс действительно работает на заявленные в нем или в миссии организации цели, в таких исследованиях чаще всего принимался по умолчанию или на основе апелляции к здравому смыслу. В редких, исключительных случаях бизнес-этики ставили эффективность кодексов под вопрос. Но и в этих случаях сомнение было выражено в сугубо риторической манере, без попыток провести специальное исследование. Стивенс подытожила данную ситуацию констатацией – «у нас нет веских доказательств в пользу утверждения, что корпоративные кодексы эффективны», и предложила специалистам по бизнес-этике заняться вплотную их поиском [19, 68].

В прямой связи с призывом Стивенс (ее работа «Анализ исследований корпоративных этических кодексов: “В каком направлении двигаться дальше?”» превратилась в одну из самых цитируемых в этике организаций) и вне такой связи в 1990-х гг. началось активное эмпирическое исследование того, как работают корпоративные этические кодексы. Его результаты оказались неоднородными. Оптимисты, которые составили устойчивое большинство, утверждали, что им удалось зафиксировать позитивную корреляцию между низким или снижающимся уровнем неэтичного поведения работников и кодификацией корпоративной этики. Этот вывод повторяется в многочисленных работах Майкла Шварца [13, 15], Мюеля Каптейна [9, 10, 11, 12], Линды Тревиньо [22, 23] и многих других. К нему в итоге склонилась Стивенс [20, 21, 45]. Некоторые исследователи очень быстро прошли путь от радикального скепсиса к частичному признанию роли этических кодексов (к примеру, Майкл Шварц [18, 16]). Пессимисты, в свою очередь, фиксировали отсутствие связи между наличием кодексов и моральным качеством поведения работников, но, как правило, указывали на ограниченность эмпирической базы своих выводов и на возможность того, что в других контекстах дополнительные факторы приводят к тому, что кодексы начинают работать (обзор исследований пессимистов см.: [20, 602-604]).

Преобладание оптимистов над пессимистами можно было бы считать доказательством эффективности кодексов. Однако этот вывод наталкивается на серьезные препятствия, связанные с недостаточной убедительностью методологических оснований исследований по бизнес-этике. Многие из работ, делающих оптимистические выводы об эффективности кодексов, являются статистическими сводками самой исследовательской литературы. Именно из них мы узнаем о преобладании оптимистов, но это преобладание имеет значение только в том случае, если надежна методология обобщаемых исследований. При этом значительная часть исследований этической практики представляет собой не анализ фактического состояния дел в организациях, а анализ восприятия эффективности кодекса работниками. Исследователи задают рядовым работникам, менеджерам, уполномоченным по этике вопросы о том, влияет ли кодекс на их собственное поведение и поведение их коллег и подчиненных и, если влияет, то по каким направлениям. Преобладание положительных ответов на вопрос об эффективности кодексов рассматривается в качестве свидетельства их эффективности. У такого подхода есть существенные ограничения. Результаты его применения подвержены самым разным искажениям. Точно так же как рейтинги восприятия уровня коррупции не всегда отвечают реальной ситуации в стране

или регионе, так и восприятие эффективности кодекса не тождественно его реальной эффективности. Другая, гораздо менее значительная часть исследований этической практики, опирается на результаты этического аудита, статистику нарушений в корпорациях, имеющих и не имеющих кодексы. Однако при этом существенными проблемами являются как объективность статистики, так и невозможность корректного выделения роли кодекса в ее формировании. Именно поэтому время от времени известные прикладные этики вновь и вновь утверждают, что обнаруженный Стивенс недостаток доказательств эффективности этических кодексов еще не преодолен [7].

Примечательно, что даже оптимистичные в отношении эффективности кодексов исследования содержат множество оговорок, касающихся того, что не сама по себе кодификация, а ее способы, а также сопровождающие ее процессы создают высокую вероятность того, что принимающая кодекс организация станет более «этичной». Даже идеальный кодекс не сможет работать вне благоприятного для его эффективности контекста. Этот контекст задают несколько обстоятельств. Во-первых, состояние этической культуры организации (на этом акцентируют внимание Стивенс [20, 605-606], Тревиньо [22, 150-206], Каптейн [9, 12], Шварц [15, 191-230]). Во-вторых, наличие или отсутствие моральных лидеров (специально подчеркивают Каптейн [10, 83-107, 143] и Шварц [15, 205-212]). В-третьих, наличие или отсутствие широкой системы внедрения кодекса (ее подробно характеризуют Каптейн [11, 10, 119-136] и Шварц [15, 199-205]). В-четвертых, наличие или отсутствие вовлеченности тех, кто должен исполнять кодекс, в процесс его разработки, принятия и развития (на это обращают внимание Хелин и Сандстрем [7, 261]).

Что этот экскурс в изучение проблемы эффективности кодексов дает в отношении вопросов, поставленных НИИ ПЭ? Можно сказать, что есть не стопроцентные, но вполне определенные свидетельства в пользу того, что проектная деятельность по формированию институтов этического регулирования может быть не утопичной. Однако существуют условия, в которых она легко превращается в имитационную, манипулятивную и репрессивную. Далекое не все эти условия находятся в пределах досягаемости специалиста или группы специалистов, разрабатывающих кодекс. Состояние этической культуры может быть таким, что кодекс будет отторгаться работниками организации и в силу этого неизбежно превращаться в имитацию, обслуживающую имиджевые интересы руководства (см: [8]). Дефицит морального лидерства может превратить кодекс в мертворожденный документ (в противоположность тому, который Каптейн называет «живым кодексом»). Поручение разработать кодекс может сопровож-

даться отсутствием у разработчиков полномочий по формированию целостной «этической программы», нежеланием руководства выстраивать инфраструктуру, включающую механизмы этического образования и работу этических уполномоченных, комиссий или комитетов. Наконец, само создание и постоянное развитие кодекса может происходить в виде бюрократического процесса, разворачивающегося в рамках управленческой вертикали и исключающего широкую вовлеченность коллектива. В каждом из этих случаев велик риск неудачи институционализации корпоративной этики. Но не сама по себе неудача является главной опасностью. Превращение кодекса в мертвый бюрократический циркуляр, в ширму для прикрытия сомнительной в моральном отношении деловой и коммуникативной практики, в механическое средство дисциплинирования, инструмент подавления, средство перенесения ответственности с управленческих структур на отдельных людей наносит удар по моральному саморегулированию работников, по их профессионально-этическим убеждениям. Оно создает атмосферу лицемерия и разрушает (или не формирует) доверие в коллективе.

Отсюда следует необходимость предварительного глубокого анализа перспектив каждого конкретного проекта по институционализации корпоративной этики. Если обсуждать эту проблему с точки зрения эксперта, привлекаемого для координации подобной работы, то лишь глубокое знакомство с особенностями коллектива, намерениями и планами его руководства может стать основой для решения участвовать в таком проекте или нет. Если перейти на позицию руководства, то оно должно попытаться спрогнозировать последствия кодификации и создания этической инфраструктуры в условиях этической культуры именно этой конкретной организации. В любом случае, ему не стоит рассматривать создание институтов этического регулирования как приобретение аксессуара, который у всех других есть, а в его организации отсутствует.

Создание и развитие кодекса

В этой части статьи я хотел бы затронуть одно из условий эффективности кодексов профессиональной и корпоративной этики. То, которое акцентировали Хелин и Сандстрем – процедурную правильность их формирования и совершенствования. Имеется в виду то обстоятельство, что создание и совершенствование кодекса должны происходить в таком режиме, чтобы он отражал особенности именно этой организации, а работники организации (шире – принадлежащие к ней и вовлеченные в ее деятельность люди) имели веские основания для того, чтобы считать кодекс своим – выражением коллектив-

ной воли и коллективным принятием моральных обязательств. В современной литературе по прикладной этике существует прецедент описания такого процесса, который дает хорошее представление о том, как должна быть организована работа над созданием кодекса. Таково скрупулезное документальное описание длившегося более двух лет процесса создания этического кодекса Иллинойского технологического института, опубликованное в 2008 г. Дэвисом [3]. Оно является второй частью своеобразной диалогии. Первая часть представляет собой обобщение похожей работы над кодексом не организации, а профессионального сообщества (ход создания кодекса международного сообщества разработчиков программного обеспечения и извлеченные из этой деятельности уроки Дэвис представляет в двух других развернутых статьях [4, 5]). Для обсуждения поставленных НИИ ПЭ проблем опыт кодификации в Иллинойском технологическом институте представляет собой большой интерес, поскольку свое вопрошание по поводу реалистичности или эффективности этико-прикладных проектов НИИ ПЭ оформляет именно в прямой связи с этикой университета.

Дэвис показывает, что формирование кодекса должно представлять собой комплексный коммуникативный процесс, в рамках которого члены организации общаются между собой для уточнения и критики своих ценностных установок и их нормативных воплощений, а параллельно – проговаривают требования, имеющие шанс войти в кодекс, в качестве потенциальной собственной декларации, в качестве возможного собственного обязательства. Каждый, кто участвовал в беседах в фокус-группах (речь о них пойдет ниже), обсуждал нормативные положения, ознакомившись с преамбулой, в которой описано назначение кодекса. Добровольное самоотождествление с университетом, выбранное каждым членом университетского сообщества, сопряжено с принятием на себя ответственности и влечет возникновение ряда обязанностей, смысл которых состоит в сохранении коллективного наследия. Эти обязанности и фиксирует этический кодекс университета. «Добровольно связав себя с ИТИ... мы стали наследниками того, что создали поколения попечителей, студентов, преподавателей, администраторов, технических специалистов. Каждый из нас является распорядителем наследия в интересах этого и будущих поколений. Для каждого из нас блага, получаемые в связи с принадлежностью к ИТИ, зависят от поведения всех других, связанных с институтом людей... И если даже немногие будут вести себя иначе, чем должны... блага, порождаемые нашим соединением в сообщество, станут меньшими, и мы передадим будущим поколениям меньше, чем имеем сами» [3, 57]. После согласия с этим

утверждением и после реализации возможности корректировать положения кодекса все те, кто участвовал в его обсуждении лично или через представителей, начинают воспринимать текст кодекса как исходящий от них самих. На этом фоне итоговое принятие документа собранием организации или подтверждение работниками своего согласия с кодексом в электронной или письменной форме перестают быть простыми формальностями.

Формирование кодекса в рамках описанного Дэвисом процесса началось с работы комитета по его первичной подготовке, в задачи которого входило обобщение практики кодификации университетской этики и создание черновой версии документа, которая отражала бы предварительный список базовых идей и отражала бы в максимальной степени особенности ИТИ. Основными идеями оказались честность, академическое совершенство, академическая свобода, взаимное уважение и достоинство, гордость, ответственность перед локальным сообществом, индивидуальная ответственность, проблемы повседневной трудовой жизни. Что касается специфики ИТИ, то в главную проблему превратился вопрос об особенностях академической свободы в техническом университете. В дальнейшем обогащающийся и трансформирующийся черновой вариант кодекса был подвергнут обсуждению в фокус-группах, составленных из представителей университетского сообщества: преподавателей, студентов, учредителей, административного состава и технического персонала.

Перед группами была поставлена задача не только вдумчиво проанализировать и оценить подготовленный документ, а прежде всего привести наибольшее количество сценариев из жизни, в которых требуется этическая оценка и этическое регулирование поведения. Группы должны были предлагать правила, которые следует применять в этих реальных ситуациях университетской жизни, и соотносить такие правила с черновым вариантом кодекса. Некоторые встречи заставляли разработчиков вносить в черновик дополнительное содержание: к примеру, вопрос об информировании о нарушениях отсутствовал в исходном наборе идей, но был введен в кодекс после собеседования с преподавателями, его обсуждение заняло третью часть времени. Другие встречи вели к уточнению содержания норм. Например, встреча с администраторами заставила уточнить условия, при которых допустимо внешнее информирование (прежде всего, обращение в прессу). Наконец, в некоторых случаях на собеседовании возникал вопрос о радикальной ревизии языка и содержания целых разделов. Особенно острые споры спровоцировал вопрос о месте индивидуального выбора и честности работника перед собой. Дэвис предложил в кодекс пункт о возможности решать по со-

вести в тех ситуациях, когда формальное юридическое и дисциплинарное регулирование кажется работнику или студенту не достаточно точным и гибким. Группы студентов, администраторов, учредителей отнеслись с сомнением к этой формулировке, а некоторые члены комитета и университетский совет – к самой необходимости вводить такую клаузу. В итоге формулировка была радикально изменена и лишена «противоправных» импликаций [3, 60–70].

История создания университетского кодекса, приведенная Дэвисом, конечно, не идеал, но внятный положительный пример, который, насколько мне известно, не воспроизводился в российских условиях. Даже там, где имеют место усилия по вовлечению членов организации в процесс этической кодификации. Самому мне лишь однажды приходилось участвовать в процессе создания университетского этического кодекса, и я понимаю, что этот процесс был полон систематических недоработок. Речь идет о создании в 2008 г. кодекса этики Философского факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, ставшего в дальнейшем основой аналогичного кодекса всего Московского университета. Начало работы было связано с внешней ситуативной необходимостью, а не с внутренней потребностью организации в выстраивании системы этического регулирования. Наличие кодекса, на основе которого можно было бы вынести негативную оценку поведения студентов за пределами университетской территории, является одним из условий, облегчающих для университета судебный процесс по поводу их отчисления. Именно такую проблему пыталось решить руководство факультета, инициировавшее работу над кодексом. Само по себе внешнее стимулирование процессов институционализации этики организаций и профессиональных сообществ не является чем-то негативным, однако, отвечая на внешний стимул, организация должна ориентироваться на собственные возможности и потребности. Именно этого не было сделано тогда ни руководством, ни созданной по его инициативе проектной группой факультета.

Мы не стали специально изучать этос работников и студентов факультета, их отношение к кодификации, поскольку перед нами стояла отчетливая практическая задача и были поставлены определенные сроки. Мы изучили зарубежный и отечественный опыт создания университетских кодексов (кстати, пользуясь при этом интересными наработками НИИ ПЭ), но не собственный коллектив. Понимая, что кодекс должен быть провозглашен от имени коллектива, разработчики не могли обойтись без организации его обсуждения. Однако наши возможности были ограничены, поэтому последовательное обсуждение в фокус-группах (я думаю, что даже в варианте Дэвиса оно

было недостаточным) не планировалось. Роль этого ступенчатого и постепенного процесса должно было сыграть разовое мероприятие – зимняя школа, посвященная проблемам прикладной и профессиональной этики, в которой участвовало несколько десятков студентов, преподавателей и представителей администрации. Определенную роль играли сетевые дискуссии, развернувшиеся по поводу проекта кодекса, в которых участвовала студенческая самодеятельная организация – Этическая лаборатория. Разработчики интуитивно пришли к тем же выводам, что и Дэвис, и попытались на основе обсуждения представителями разных групп университетского сообщества нескольких реальных сценариев из практики университета верифицировать содержащиеся в черновом варианте кодекса нормативные формулировки. Специфика одноразового мероприятия заставила членов проектной группы остановиться на варианте, в рамках которого смешанным дискуссионным группам предлагаются сценарии, выбранные самими разработчиками. При этом последовательному, поэтапному анализу весь кодекс в дискуссионных группах не подвергался.

Несмотря на усеченный формат работы и возникавшие у некоторых участников обсуждения скептические соображения по поводу самой необходимости кодекса, разработчики были настроены довольно оптимистично. Обсуждение продемонстрировало значительный интерес к кодификации и высокий уровень вовлеченности в обсуждение кодекса тех, пусть и не многочисленных, преподавателей и студентов, которые принимали участие в зимней школе. Дальнейшее развитие событий представлялось проектной группе в виде расширения круга обсуждающих кодекс работников факультета и студентов. Активно рассматривался вопрос о технической возможности осуществлять модерацию такого обсуждения и наилучших способах модерирования. В качестве основного препятствия воспринимались малые возможности группы, которая состояла из серьезно загруженных преподавателей и нескольких мотивированных студентов разных специализаций факультета.

Однако этот оптимизм был преждевременен. В 2009 г. началось обсуждение кодекса в многочисленных подразделениях факультета. В связи с большой занятостью членов проектной группы, оно проходило без модерирования, но разработчики получали развернутую информацию о том, как шел этот процесс. К глубокому своему разочарованию, разработчики кодекса столкнулись с тем, что обсуждения либо носили совершенно формальный характер, либо сопровождалась крайне негативной, резкой реакцией сотрудников и руководителей подразделений и на сам замысел кодификации, и на черновой

вариант кодекса. Я думаю, что это был тот самый момент, когда деятельность по созданию кодекса в конкретном месте и в конкретное время показала себя малопродуктивной, тот момент, когда надо было либо предпринять усилия по коренному изменению ситуации (успех которых совсем не был гарантирован), либо прервать работу над кодексом, несмотря на сохранение внешнего запроса и потерянные силы и время. Кодекс, принятый в таких условиях, имел все основания превратиться в имитацию, в «занавеску на окне», как принято называть имитационные, служащие исключительно для имиджевых целей корпоративные кодексы в бизнес-этике, либо в средство для решения организационных проблем руководства, подобных той, которая стала непосредственным поводом для начала работы проектной группы.

Однако события пошли по другому сценарию. Работой над факультетским кодексом заинтересовалось руководство университета и решило использовать полученные наработки для создания общеуниверситетского этического документа, что избавляло бы факультеты, не занимавшиеся институционализацией этики факультетского сообщества, от самостоятельной разработки кодексов. Была создана специальная общеуниверситетская комиссия, о работе которой мне известно лишь понаслышке. Проект кодекса философского факультета был частично переработан, довольно формально обсужден на разных факультетах, принят и является действующим по сей день. Этот вопрос, конечно, требует специального изучения, но не думаю, что этот кодекс являлся и является тем самым «живым кодексом», проникшим в ДНК организации, о котором писал Каптейн [10].

Подводя итог своему обсуждению условий принятия и развития кодексов и возвращаясь к вопросу об утопичности или реалистичности работы по «проектированию этических конвенций» профессий и организаций, я мог бы предположить, что такая работа далеко не всегда обречена на провал, то есть не всегда ведет к созданию мертворожденных документов или документов, служащих не тем целям, которые в них заявлены. Однако возможность провала высока и существует очень много факторов, предрешающих неудачу. Причем такая неудача ведет не к сохранению этического status quo в организации, а в большей или меньшей мере ухудшает ситуацию, закрывает возможность в будущем предпринять более успешные попытки институционализации профессиональной и трудовой этики. В этой связи от инициаторов процесса кодификации требуется редкое и парадоксальное сочетание качеств и практических установок. С одной стороны, они должны быть энергичными энтузиастами, вдохновленными идеей совершенствования корпоративной и профессиональной

культуры, а с другой – их должен отличать очень трезвый, полный предосторожности подход к возможным последствиям своей работы.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Ойкумена прикладной этики: стратегия нового освоения // Прикладная этика: «КПД практической». Ведомости. Вып. 32 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2008. С. 29–58.
2. *Прокофьев А.В.* Автономия профессионала и автономия профессии // Ведомости прикладной этики. Вып. 50. /Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2017. С. 9–29.
3. *Davis M.* Thinking Through the Issues in a Code of Ethics // Practical Approaches to Ethics for Colleges and Universities. New Directions for Higher Education. Number 142 / Ed. by S.L.Moore. San Francisco: Willey, 2008. P. 55–74.
4. *Davis M.* What Can We Learn Looking for the First Code of Professional Ethics // Theoretical Medicine. 2003. Vol. 24. P. 433–454.
5. *Davis M.* Eighteen Rules for Writing a Code of Professional Ethics // Science and Engineering Ethics. 2007. Vol. 13. P. 171–189.
6. *Davis M.* Writing a Code of Ethics by E-mail: Adventures with Software Engineers // Science Communication. 2000. Vol. 21. P. 392–405.
7. *Helin S, Sandstrom J.* An Inquiry into the Study of Corporate Codes of Ethics // Journal of Business Ethics. 2007. Vol. 75. P. 253–271.
8. *Helin S, Sandstrom J.* Resisting a Corporate Code of Ethics and the Reinforcement of Management Control // Organization Studies. 2010. Vol. 31. № 5. P. 583–604.
9. *Kaptein M.* Ethics Programs and Ethical Culture: A Next Step in Unraveling Their Multi-Faceted Relationship // Journal of Business Ethics. 2009. Vol. 89. P. 261–281.
10. *Kaptein M.* The Living Code: Embedding Ethics into the Corporate DNA. Abingdon: Routledge, 2017.
11. *Kaptein M.* The Effectiveness of Ethics Programs: The Role of Scope, Composition, and Sequence // Journal of Business Ethics. 2015. Vol. 32. № 2. P. 415–431.
12. *Kaptein M.* Understanding Unethical Behavior by Unraveling Ethical Culture // Human Relations. 2011. Vol. 64. № 6. P. 843–869.
13. *Kaptein M., Schwartz M.* The Effectiveness of Business Codes: A Critical Examination of Existing Studies and the Development of an Integrated Research Model // Journal of Business Ethics. Vol. 77. P. 111–127.

14. *Oliverio M.E.* The Implementation of a Code of Ethics: The Early Efforts of One Entrepreneur // *Journal of Business Ethics*. 1989. Vol. 8. № 5. P. 367–374.
15. *Schwartz M.S.* *Business Ethics: An Ethical Decision-Making Approach*. Malden: Willey Blackwell, 2017.
16. *Schwartz M.* Effective Corporate Codes of Ethics: Perceptions of Code Users // *Journal of Business Ethics*. 2004. Vol. 55. P. 323–343.
17. *Schwartz M.* The Nature of the Relationship between Corporate Codes of Ethics and Behaviour // *Journal of Business Ethics*. 2001. Vol. 32. P. 247–262.
18. *Schwartz M.* Why Ethical Codes Constitute an Unconscionable Regression // *Journal of Business Ethics*. 2000. Vol. 23. P. 174–184.
19. *Stevens B.* An Analysis of Corporate Ethical Code Studies: "Where Do We Go From Here?" // *Journal of Business Ethics*. 1994. Vol. 13. P. 63–69.
20. *Stevens B.* Corporate Ethical Codes: Effective Instruments for Influencing Behavior // *Journal of Business Ethics*. 2008. Vol. 78. P. 601-609.
21. *Stevens B., Buechler S.* An Analysis of the Lehman Brothers Code of Ethics and the Role It Played in the Firm // *Journal of Leadership, Accountability and Ethics*. 2013. Vol. 10. № 1. P. 43-57.
22. *Trevino L.K., Nelson K.A.* *Managing Business Ethics: Straight Talk about How to Do It Right*. N.Y.: Willey, 2013.
23. *Trevino L.K., Weaver G.R., Gibson D., Toeffler B.L.* Managing Ethics and Legal Compliance: What Works and What Hurts // *California Management Review*. 1999. Vol. 41. № 2. P. 131-151.

А.А. Скворцов

УДК 174

**«Утопия» академической этики
и «антиутопия» университета**

Аннотация. Статья посвящена обсуждению ценностной трансформации академической этики. Автор показывает, что классическая университетская этика, сформировавшаяся ещё до эпохи активных реформ высшей школы, исходила из миссии поддержания в обществе высокого интеллектуального и культурного уровня. Это ценностное основание называется автором «утопией», поскольку миссия университета не смогла спасти его от разрушительной волны коммерциализации, во многом изменившей мотивацию сотрудников и восприятие высшей школы в обществе. Новый ценностный горизонт потребовал от рядовых работников насильственной смены идеи служения на стремление к получению прибыли. Автор называет новую ценностную парадигму «антиутопией», поскольку ещё 15 лет назад трудно было представить, чтобы высшая школа стала превращаться в коммерческое предприятие. Этот процесс, названный в статье «трансгрессией», привёл к существенному искажению главных направлений деятельности университета: педагогической, исследовательской и культурно-просветительской работы. Автор полагает, что данное обстоятельство ведёт к потере работниками университета своей профессиональной идентичности, аутентичная же университетская этика в наши дни остаётся делом лишь личного выбора сотрудника.

Ключевые слова: этика, академическая этика, университетская этика, наука, образование, реформа образования, утопия, антиутопия.

Многие университетские сотрудники справедливо считают, что сейчас – не лучшее время для образования. Бесконечные реформы, смысл которых в академических кругах давно перестали понимать, полностью изменили привычную с советских времён университетскую среду. Несомненно, в той среде обитало то, что принято называть «академической этикой». Она базировалась на идеальных принципах, главные из которых – быть на высоте культуры своего времени и отдавать все силы ради роста нового поколения исследователей. Личный успех тоже имел значение, но только в смысле лидерства в интеллектуальной сфере. Успех в плане построения академической карьеры и получения сопутствующих ему благ не рассматривался как главная ценность и зачастую высмеивался. Прогресс сообщества однозначно считался в академической среде большей ценностью, чем личный карьерный рост. Если вспоминать ситуацию конца 90-х – начала нулевых годов, то именно идеальные

мотивы академической работы привлекали в эту среду молодых исследователей. Туда шли те, кто не желал вписываться в логику «купи-продай» утверждающегося российского бизнеса, а исходили из мотивов приобщения к высокой культуре, трансляции её молодому поколению и, в конечном итоге, – служения Родине.

Сложившаяся на тот момент академическая этика, как это неоднократно подчёркивалась в публикациях В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова [2], была призвана отстаивать высокую миссию профессии. И нельзя сказать, что это утверждение было преувеличением, а сама этика – утопией. Низкое социальное положение преподавателя частично компенсировалось высоким культурным статусом и уважением в обществе. Это прекрасно помнит тот, кто приезжал из столичных вузов в региональные и собирал на открытых выступлениях сотни слушателей. Причём никто никого насильно не сгонял на эти выступления. Помимо этого мотива академическая этика имела и другое важное предназначение.

- Способствовала утверждению самосознания сообщества как устойчивой группы, живущей по своим традициям и ценностному укладу. Важно отметить, что управление этой группой осуществляли не менеджеры со стороны, а сами члены сообщества, которые, будучи на высоких административных должностях, оставались в первую очередь преподавателями и учёными. Именно они определяли аутентичные для этой среды цели развития.

- Указывала на высокую социальную значимость как профессии, так и самой академической среды. Приобщение к ней считалось эквивалентным приобщению к истинной науке и высокой культуре, а сама сфера понималась как область служения истине, а не практикой оказания «образовательных услуг», как сейчас.

- Наконец, поддерживала стандарты наилучшей практики, т.е. высокие стандарты работы, которые ориентировались на призвание учёного. Так, «высокое качество» применительно к научным исследованиям и образованию было отличительной чертой университетов. Это же «качество» касалось отношений между коллегами, а также между наставниками и учениками, которые строились на взаимном уважении и заинтересованности в профессиональном росте обеих сторон.

Тот, кто работал в университетах в то время, может не согласиться с этим и сказать, что изображённая выше академическая этика не имела большого влияния. Университетский мир делился на территорию элитных вузов, действительно направленных на сохранение высоких стандартов работы, и большинство средних вузов, где происходило много негативного, например распродажа квалифика-

ционных работ или фактическая продажа дипломов в рассрочку. Но дело в том, что именно сложившаяся академическая этика требовала осуждать эти явления и противостояла попыткам их легализации. В этом плане академическая этика того периода отнюдь не была утопией, она была вполне действенной. Но, к сожалению, утопией было другое, а именно – уверенность в том, что этика сможет защитить сложившуюся академическую среду от разрушения. И здесь впору перейти ко второй части рассуждения – об «антиутопии университета». Как известно, антиутопией называется пессимистическое размышление о тягостном будущем, однако не только о нём: тревожные ростки этого будущего видны уже в настоящем.

Зададим себе вопрос: если бы мы, обитатели современных учебных заведений, те, кто пришли работать в это сообщество 15-20 лет назад, знали, что произойдёт сейчас, связали бы свою жизнь с университетом? Если бы мы могли представить, что будут происходить такие изменения, которые с полным правом тогда можно было бы назвать «антиутопией»?

- Например, главной целью работы в университетах станет зарабатывание денег для вуза. Это не только главный тренд наших дней, но и нередко открыто декларируется университетским начальством. Государство требует от вузов софинансирования, равного или даже превосходящего по объёму бюджетное финансирование, и это требование тяжким грузом ложится на сотрудников. Наука и образование отошли на третье и четвертое место после необходимости добывать гранты и организовывать платные образовательные программы для общественности. Фактически те, кто когда-то выбрали служение Родине вместо бизнеса, всё равно в итоге попали в бизнес с его жёсткой ориентацией на получение прибыли и эффективность работы.

- Произойдёт невиданная бюрократизация учебной, научной и культурно-просветительской деятельности. Живое общение со студентами будет заменено необходимостью писать отчёты о том, как происходит это (научное, образовательное и культурное) общение, а каждая новая интересная идея, как организовать такое общение, будет нуждаться в согласовании с двумя десятками начальников. В некоторых университетах вузовский преподаватель настолько потерял свободу, что вынужден сверять с руководителями каждый шаг, вплоть до отзыва на квалификационную работу, либо темы своей научной статьи.

- Оценка интеллектуальной работы преподавателя будет зависеть не от его рейтинга у студентов, или, например, не от востребованности в обществе, а от написания бессмысленных статей в жур-

налах, которые никто не читает. Эта ситуация привела к колоссальному снижению уровня научных исследований в стране. Фактически такие публикации – это те же самые отчёты, столь же формальные и бессмысленные, но именно по ним распределяются блага и должности. Если раньше статьи публиковали для того, чтобы ознакомить коллег с результатами своей работы, то теперь их часто публикуют с надеждой, что их никто не увидит. И беда в том, что такая имитация интеллектуальной деятельности не оставляет времени для настоящей научной и просветительской работы.

- Разрушение привычной среды обитания университетских сотрудников, когда небольшие коллективы (кафедры), ведущие свою уникальную специальность, будут заменены огромными департаментами, перемешавшими специализации и направления подготовки. В таком укрупнённом ареале возобладало мнение, что в принципе всё равно, кто какой курс будет читать. Поскольку студенты больше не получают квалификацию «специалист», а только «бакалавр» и «магистр», то и преподавать должны не специалисты, а кто угодно: у кого есть надлежащий индекс цитирования либо просто несколько публикаций по сходной с учебным курсом теме. Научные школы, которые тратили много сил для трансляции своих идей молодому поколению исследователей и уделяли огромное внимание педагогике, постепенно уходят в прошлое. Получилось так, что студенты стали главной пострадавшей стороной в этих реформах. Они пришли в университеты за образованием высокого уровня, а получают мизерную долю внимания педагогов, оставшуюся от написания бессмысленных статей и отчётов.

- Существование в атмосфере страха и подозрения. Этот фактор замечательно выразила в открытом письме министру образования профессор СГУ В.В. Афанасьева: «Страх господствует в системе российского образования – вернее, многочисленные страхи. Они связаны с нашей нищетой, с ужесточением административного контроля, с существованием рычагов давления, с помощью которых из сферы образования можно устранить любого. Страх перед начальством. Страх потери работы. Страх показаться политически нелояльным. Страх быть не христианином. Страх перед очередными бумажными компаниями. Страх упасть во время рейтинговой гонки. Страх перед студентами. Страх остаться без студентов» [1]. Университетский сотрудник теперь знает, что договор, заключённый им с работодателем, не даёт ему твёрдых гарантий на будущее; в результате новой волны реформ его могут просто уволить, понизить ставку, перевести в другое подразделение, произвольно поменять иные условия труда. Так называемый «эффективный контракт», внедрённый в

некоторых вузах, по сути, является односторонним: работник обязан выполнять условия, а работодатель, зависящий от вышестоящего начальства, не может ему гарантировать ни сохранения места, ни финансовые условия. Деморализует не только правовая незащищённость, но и закрепившаяся практика навешивания на сотрудников ярлыков типа «неэффективен, поскольку не может сам себе обеспечить высокую зарплату», «отстающий, поскольку не набирает спущенного сверху количества баллов» и т.д.

- Навязывание деятельности, не свойственной преподавателю. Раньше каждый сотрудник знал, что три основных направления его работы в вузе – это преподавание, научные исследования и культурно-просветительская деятельность. Теперь преподавание заменено сферой услуг, исследования – бюрократией, а просветительская активность – культмассовыми мероприятиями, или, как это иногда называют «воспитательной работой». При необходимости выполнять значительный план по нагрузке и ставить рекорды по числу публикаций, на некоторых сотрудников возложены обязанности собирать студентов на митинги, концерты, субботники, т.е., как это сегодня принято говорить, заниматься ивент-менеджментом. Поскольку в некоторых вузах такие события носят периодический и массовый характер, то у сотрудников, вовлечённых в них, теряется понимание своей академической идентичности.

- Наконец, авторитаризм и политизация университетов. Из всего, сказанного выше, следует, что происходит грандиозная трансформация академической среды, но рядовые сотрудники лишены возможности участвовать в принятии решений. Это стало ужасающим контрастом с ситуацией 15-20-летней давности, когда университетская среда отличалась особым демократизмом, и многие решения обсуждались и принимались коллективом. Но отныне на решения, в сущности, разрушающие академический мир, не только нет возможности влиять, но даже их публично критиковать. Любая критика происходящего зачастую воспринимается руководством как политическая акция протеста, направленная лично против них. Справедливо утверждать, что в такой ситуации – отчуждения работников от целей развития их сообщества, – они фактически превратились в безмолвных клерков, от которых требуется исключительно повиновение.

Всё это – только часть сложных явлений, которые ослабевают либо усиливаются в зависимости от конкретного вуза. Уже тот факт, что условия работы в различных учреждениях высшей школы существенно отличаются и разнятся главным образом по степени бесчеловечности по отношению к рядовому сотруднику, не позволяют говорить о единой академической среде. Сейчас мы скорее имеем де-

ло с раздробленным научным и образовательным пространством, обитатели которого в первую очередь заняты собственным выживанием. Можно сказать, что мы имеем дело со случаем, когда антиутопия сбылась. Если же задать вопрос, как это стало возможно, то надо понять, что у всех перечисленных отрицательных, «антиутопичных» явлений есть общее основание – коммерциализация. Ещё лет 10 назад в университетской среде царило убеждение, что принципы рыночной экономики не будут жёстко применяться к сфере науки и образования, т.е. соображения получения прибыли не станут в ней главными. В эту сферу шли люди, не озабоченные личным финансовым обогащением, а скорее ищущие обогащения интеллектуального и духовного. Опасность коммерциализации не желали замечать, даже когда её жертвой становились другие социально значимые области – медицина, средняя школа, культура. Но сложилась так, что коммерческая революция в высшей школе случилась стремительно и почти без протестов. Напротив, многие сотрудники приветствовали её, надеясь наконец-то обеспечить себе достаток. Однако это обернулось тем, что деятельность сотрудников, как уже говорилось выше, также стала оцениваться по критериям эффективности бизнеса, в частности, по такому далёкому от академической жизни параметру, как объём привлечённых финансовых средств. Кое-кто, действительно, обеспечил себе достаток, но при этом абсолютное большинство работников высшей школы утратило своё призвание. Они пережили то, что на языке философов принято называть «трансгрессией», т.е. пересечение границы, которая раньше считалась непереходимой. Коммерциализация привела к почти полному уничтожению содержательной наполненности академической работы. В научной работе за деньги стало возможным опубликовать статьи любого содержания в любых журналах, награждённых почётным правом пребывания в различных списках. Защита квалификационных работ также зачастую превратилась в коммерческий проект: автор сначала платит за публикации нужного количества статей, а потом оплачивает защиту в ближайшем совете. О временах, когда по поводу содержания диссертаций ожесточённо полемизировали по несколько раз, обсуждая каждую фразу, теперь можно только ностальгировать. В педагогической работе значение имеет не качество преподавания, а количество отработанных часов; насколько слушатели усваивают материал – никого не интересует. Организационная работа, которая раньше была направлена на организацию конференций или коллективных научных исследований, теперь почти полностью сосредоточилась на добывании грантов, а конференции, дискуссии и даже коллективные монографии существуют только как ширма для получения грантов.

Но самое важное в контексте нашего рассуждения заключается в том, что ставшая реальностью антиутопия коммерциализации разрушает привычную этику высшей школы. Неформальные академические связи, часто построенные на общих научных интересах и дружеском общении, оказались заменены формальными деловыми отношениями. Вполне прозрачная и, как правило, чисто номинальная структура «руководство – сотрудники», основанная в большей степени на научном и педагогическом авторитете, была постепенно заменена жёсткой вертикалью «начальство-подчиненные» и стала напоминать практику комплаенс-менеджмента. При этом интересно наблюдать, как вчерашние преподаватели, критиковавшие разрушительные реформы науки и образования, выбившись в начальство, начинают поддерживать то, что происходит, и отказываются слушать мнение коллег.

Другим отрицательным моментом, характеризующим разрушение этичности отношений, стала невозможность ни ставить, ни даже понимать цели своей работы. Практически каждый год появляются новые установки сверху, которые часто противоречат и предыдущим, и вообще, – здравому смыслу. Ещё десять лет назад говорилось, что поскольку государство не финансирует науку в вузах, то научные исследования – это личное дело преподавателя, а его главное назначение – это педагогическая нагрузка. Государство так и не стало финансировать науку в вузах, дробно выделяя средства лишь в рамках грантов и госзаказов, но вскоре главным в работе вузовского сотрудника стали именно научные публикации; преподавание же вдруг стало считаться не самым главным видом работы. Затем, как уже отмечалось, и научные исследования, и преподавание в рамках обрывшейся на университеты коммерциализации были объявлены не самоценными, а лишь средством для получения вузом дохода либо в виде грантов, либо договорных образовательных программ. Все усилия отныне должны быть брошены туда, но при этом самым затратным по времени является запредельное количество административных бумаг, которые должны производить сотрудники. Что ждёт академическую среду дальше – предсказать невозможно, но очевидно, что установился хаос, где последовательно уничтожаются ценности и принципы традиционной университетской культуры.

Именно поэтому, на наш взгляд, потерпели крах едва нарождавшиеся практики этического регулирования в академической среде, выразившиеся в работе комиссий по этике. Иногда, в некоторых вузах, они достаточно активно трудились, стремясь сгладить существующие конфликты. При этом основанием принимаемых решений было идеальное представление наиболее уважаемых коллег о стан-

дартах наилучшей практики, принятой в университетской культуре. Но теперь, когда на смену решениям коллектива пришла властная вертикаль, коллеги превращены в подчинённых, образовательный процесс перешёл в сферу услуг, а исследовательский поиск – в сферу бизнеса, трансформировались сами ценности академической культуры. По логике вещей, на смену академической этике в таких условиях должна была бы прийти этика бизнеса, которая в нашей стране имеет традиции весьма успешного применения. Но дело в том, что этика бизнеса базируется на важнейшем основании – представлении о социальной ответственности и подотчётности обществу деловой сферы. В былой системе ценностей, которая, возможно, ещё не до конца ушла, университеты несли значительную социальную ответственность, выраженную в миссии служения интеллектуальному и культурному росту общества. Специальные, часто надуманные (как это часто водится у бизнес-корпораций), программы социальной ответственности высшей школе не требовались. Такого рода программа была одна: в университет приходил вчерашний школьник, получивший «среднее» образование, а через 5 или 6 лет выходил классный специалист, который мог быть успешным и в России, и за рубежом. Но ныне, когда в коммерциализированном университете педагогическая работа отодвинулась не на второй, а даже на более отдалённый план (после бизнеса, административно-бюрократической работы и имитации исследовательской деятельности), его главная миссия стала разрушаться. Отсюда появилось множество искусственных, якобы демонстрирующих социальную ответственность вуза, проектов, которые на поверку оказываются рекламными акциями, призванными способствовать привлечению финансовых средств. Другая важная черта этики бизнеса – это создание комфортных условий труда работников и налаживание прозрачных, понятных всем отношений в деловой среде. Но, как уже было сказано, такой тенденции в вузах нет; напротив, есть тенденция к ухудшению положения простого работника и усложнению трудовых отношений. Есть впечатление, что обитатели университетов окончательно запутались в том, какими должны быть их профессиональные отношения с университетом и с коллегами с точки зрения принятого стандарта.

Теперь, в качестве резюме, следует ответить на первый вопрос, заданный редакцией журнала «Ведомости НИИ ПЭ»: «Не утопично ли проектировать моральные конвенции организационной и профессиональной этик?». Если говорить конкретно об университетской этике, то на данный момент – утопично. Академическая этика, формировавшаяся в нашей стране долгое время, оказалась утопией в плане бессилия отстоять свой ценностный мир. Она не смогла за-

щитить университеты от трансформации в другой статус, т.е. в некое подобие бизнес-проекта, а сама пала жертвой антиутопии коммерциализации. Назначение этики высшей школы сегодня – это взывать к высоким культурно-просветительским идеалам в то время, как вся система разворачивается против них. В сложившейся ситуации это и есть утопия.

И тут следует ответить на второй вопрос: «Реалистичны ли самые-самые правильно созданные кодексы, если ценности профессии сегодня могут поддерживаться лишь индивидуальным моральным выбором?» Кодексы, которые будут создаваться либо модернизироваться в ближайшее время, несомненно, начнут использовать элементы вузовской этики нового типа, т.е. формулировки, близкие к деловой этике. Прежде всего это выразится в сокращении ценностного содержания и увеличении обязанностей рядовых сотрудников. Этика уходящего, идеального типа всё больше будет делом личного выбора сотрудников, которые не смогут примириться с распространяющимися в вузах безличными деловыми отношениями. Уже сейчас сотрудники, привыкшие отдавать себя студентам и выстраивать с ними исследовательские сообщества, чувствуют себя крайне неудобно. Они даже статьи пишут, будто обращаются к своим студентам, и административную работу ведут исходя из того, что студенты – главные обитатели вуза. Всё это не вписывается в систему, которая требует безличных публикаций и отчётов. У руководства, особенно там, где его роль выполняют «эффективные менеджеры», такие люди на плохом счету. Но ценность этих людей заключается в том, что для них этика университета – действительно дело личного выбора, а значит, не совсем утопия. Защищая её аутентичные ценности, они верят в их действенность и создают свой мир общения с единомышленниками, существуя в условиях недружелюбной среды. И, как бы кому ни казалось, именно такие люди обладают высочайшим авторитетом у студентов и коллег. А это значит, что подлинная этика университета ещё живёт; иногда в виде повседневного общения, осуществляемого вне властных отношений, иногда как слабый протест против конъюнктуры, иногда как ностальгия по былым временам. Утопично думать, что эти отношения, сложившиеся в большинстве своём на уровне межличностных отношений, остановят разрушение традиционной университетской культуры. Но можно и нужно надеяться, что студенты, которые учились у преподавателей– носителей аутентичной академической этики, сами станут блестящими педагогами и в будущем не дадут скатиться университетской среде на уровень банальных бизнес-проектов.

Список литературы

1. *Афанасьева В.* Пять признаков тяжелой болезни российского образования // <https://philologist.livejournal.com/9233361.html>
2. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ прикладной этики, ТюмГНГУ, 2005.

А.А. Сычев

УДК 179.3

Экотопия и мораль

Аннотация. В статье рассматриваются особенности становления и развития экотопии как системы представлений, ценностей и практик, способных в будущем обеспечить гармоничное сосуществование человека и природы. Рассматриваются экологические идеи в классических утопиях Нового времени, выделяются максималистские (Т. Мор, В.Ф. Одоевский, В.И. Вернадский) и минималистские (Г.Д. Торо, У. Моррис, П.А. Кропоткин) экотопии, предопределяющие основные дилеммы современной экологической этики. На примере работ О. Хаксли, Э. Калленбаха и др. проанализированы современные экотопии и показаны их отличия от классических: процессуальность, неидеальность, прикладная ориентированность, реализуемость. Показано, что реализация экотопий требует изменений в моральном сознании и предполагает добровольное принятие экологических ценностей и норм, подчиненных императиву выживания. При этом движение к экотопии является не только желательным, но жизненно необходимым для сохранения человечества.

Ключевые слова: этика, экология, утопия, экотопия, практопия, ценности, выживание.

Введение

Утопия – одно из наиболее ярких воплощений духа Нового времени. В ней нагляднее всего выражены оптимизм эпохи, убежденность в прогрессивном характере социального развития и вера в то, что история движется к своему завершению. Многие философские, художественные и идеологические идеи последних столетий, определявшие, а во многом продолжающие и сейчас определять, надежды и стремления людей – будь то «невидимая рука рынка» или мудрое государственное регулирование, просвещенная монархия или самоуправление трудящихся, возвращение в естественное состояние или общество технологического изобилия – носят утопический характер.

Являясь отображением стремления людей к лучшей жизни, утопия не только позволяет представлениям о социальном и нравственном идеале приобрести глубину и резкость, но и способствует четкому проявлению ущербности настоящего на фоне желаемого будущего. Чем разительнее этот контраст между «сегодня» и «завтра», тем острее осознается необходимость перемен: в этом смысле любая, даже наиболее оторванная от реальности, утопия обладает социаль-

но-преобразующим потенциалом. Хотя сама по себе она и не способна изменить мир, но она может формировать ценности и убеждения тех, кто на это способен: многие вдохновители и исполнители переломных событий в мировой истории были воодушевлены картинами утопического будущего.

Влиятельные образы идеального завтра, изменявшие сознание людей и подвигнувшие их на активные действия, тускнели по мере того, как терпели неудачу попытки их воплощения на практике. Опыт тоталитаризма в XX веке продемонстрировал, что обещания великого будущего способны полностью обесценить настоящее: «После Освенцима любое слово, в котором слышатся возвышенные ноты, лишается права на существование» [1, 328]. Крах большинства коммунистических режимов окончательно дискредитировал утопическое мышление. К концу столетия в обществе возобладало стойкое недоверие к глобальным утопическим проектам, особенно к тем, где свободу личности предлагается принести в жертву ради достижения общего блага.

Однако «преодоление утопизма до конца – задача, как кажется, нереалистическая, ибо она сама сродни тому явлению, которое собирается искоренить» [2, 21]. Оказавшись на периферии идеологического дискурса, утопия пытается приспособиться к условиям постсовременности. Руководствуясь принципом «лучшее – враг хорошего», постутопия больше не обещает всеобщего счастья, а лишь призывает к созданию условий, пригодных для нормальной жизни (таковы концепции «хорошего общества» или практопии). Она приобретает более гибкие формы, довольствуется локальными масштабами, сменяет наивность на прагматизм, признает возможность существования неразрешимых проблем и конфликтов даже в наилучшем из возможных миров. Реагируя на разочарование общества в тоталитарных проектах, постутопия все чаще апеллирует к анархическим (контркультурным, антиглобалистским и т.д.) концепциям. В целом, она пытается предложить образы будущего, свободного от тотального контроля над личностью, единой идеологии, жесткой иерархии и т.д. (примеры этому – эупсихея, феминотопия, экотопия).

В ряду постутопий на первое место сегодня выдвигается экологическая утопия. Ее контуры пока далеки от четкости: в ней переплетаются черты как классических утопий Нового времени, так и постутопий сегодняшнего дня. С одной стороны, экотопизм вполне способен претендовать на роль нового глобального метанарратива. Он представляет универсальный способ объяснения мира, опирающийся на разработанные естественно-научные и этико-философские доктрины, а также предлагающий конкретные политические страте-

гии достижения успеха. С другой стороны, он апеллирует к контр-культурной идеологии, еще не исчерпавшей социальный кредит доверия. В этом случае моральные нормы и ценности защитников окружающей среды предлагаются в качестве альтернативы господствующим ценностям антропоцентризма и безграничного потребления, ведущим к экологической катастрофе. Таким образом, экотопический проект способен заинтересовать как тех, кто ищет новую объединяющую общество глобальную идею, так и тех, кто отстаивает право индивида на несогласие с общепринятой точки зрения.

Предыстория экотопизма

Экотопия как целостная идея получила оформление во второй половине XX века, однако отдельные ее элементы обнаруживаются в «Утопии» (1516) Томаса Мора. Государственная политика на этом острове, пишет Мор, направлена на сохранение баланса между потребностями и ресурсами, необходимыми для их удовлетворения. Численность населения по этой причине законодательно поддерживается на оптимальном уровне, а используемые ресурсы восполняются (например, взамен вырубленных лесов высаживаются новые). Кроме того, в утопиях воспитывают особые моральные качества, которые способствуют сохранению изобилия: готовность ограничивать свои потребности ради общего блага, отказ от излишеств и роскоши, отсутствие страсти к накоплению, любовь к труду. Для того чтобы гармония была совершенной, она должна определять не только отношения между людьми, но и между человеком и природой. «Утопийцы полагают, – заявляет Мор, – что созерцание природы и хвала за это – дело, угодное богу» [11, 263]. Уважение к природе выражается в конкретных нормах повседневной жизни, в том числе явно опережающих свое время. Так, утопийцы считают недостойным убийство животных, которое совершается ради удовольствия, а не по необходимости (например, на охоте), а некоторые из них по идейным причинам воздерживаются от мяса или от животной пищи в целом. Впрочем, Мора больше интересуют отношения между людьми, чем между обществом и природой, поэтому экологические идеи для «Утопии» являются хотя и не случайными, но все же явно периферийными. Однако и в этих эпизодических упоминаниях можно при желании увидеть предвосхищение многих базовых положений экотопизма.

Платой за внедрение утопических идей в жизнь для Мора является подавление индивидуальной свободы ради общего блага. Иную точку зрения представляет Генри Дэвида Торо, который в книге «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854) осмысливал опыт своей жизни в изоляции от общества на лоне дикой природы [14]. Торо пытался до-

казать, что человек вполне может вести простое, свободное, самодостаточное существование, отказавшись от ценностей индустриальной цивилизации, прежде всего от стремления к неумеренному потреблению и бесконечному накоплению материальных благ. В целом, автор (вслед за киниками и Ж.-Ж. Руссо) противопоставлял природосообразную жизнь искусственной, ложной жизни цивилизованного общества, тем самым приписывая природе нормативный смысл: реализация принципа «Назад – к природе» для Торо была равнозначна возвращению человека от состояния нравственной деградации к нормальной жизни. При этом автору было важно доказать правильность этого лозунга не только в теории, но и в реальной практике. Однако сложно представить, чтобы примеру Торо могли последовать значительные массы людей. Жизнь в хижине у озера, как и в башне из слоновой кости – утопия, реализуемая только в одиночку, но одиночки не могут противостоять тенденциям промышленно ориентированного общества.

Несомненное влияние на формирование этико-утопического дискурса оказала книга английского художника и писателя Уильяма Морриса «Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия» (1890). Противостояние природе, характерное для Нового времени, попытки поработить ее он считает заблуждением, которое в будущем должно быть преодолено: «Не было ли это заблуждение порождено рабской жизнью, которую люди тогда вели? Жизнь, побуждавшей смотреть на все одушевленные и неодушевленные предметы, на так называемую “природу”, как на нечто отличное и отдельное от человека? Для людей, так рассуждавших, было естественно думать, что они могут поработить “природу”, раз они считали, что природа нечто находящееся вне их» [12, 266]. В противовес популярным технократическим утопиям, предрекавшим всеобщую урбанизацию, Моррис избрал источником вдохновения для изображения альтернативного будущего средневековые сельскохозяйственные общины и ремесленные цеха, а идеалом труда объявил ручную работу, сочетающую практичность с красотой. В утопии Морриса города и фабрики ликвидированы, а на их месте располагаются сады и поля. Жители занимаются кустарными ремеслами и сельским хозяйством, полностью обеспечивая себя всем необходимым. Государство и частная собственность ликвидированы, люди организованы в небольшие самоуправляемые общины, где живут по своему усмотрению, окруженные «красивыми предметами, произведениями своего труда, и природой, улучшенной, а не испорченной соприкосновением с человеком» [12, 205]. Впрочем, будущее, описанное Скиннером, представляется скорее романтической

фантазией на тему Средневековья, чем реальным движением к экологическому обществу.

В отечественной утопической традиции также можно отыскать произведения с элементами экотопии. Одним из первых опытов подобного рода является незаконченное произведение В. Ф. Одоевского «4338 год. Петербургские письма» (1835). Планета будущего покрыта сетью трубопроводов, перегоняющих воздух из теплых районов в холодные: это позволяет отапливать дома, сады и даже дороги в северном полушарии. Для обогрева Камчатки приспособлены вулканы. Повсеместно для охлаждения или нагревания атмосферы используются специальные химические соединения, а направления ветра регулируются вентиляторами. Большую часть городов занимают сады, где растут небывалые гибриды плодовых и декоративных деревьев. Необходимость удовлетворения растущего населения ресурсами заставило человечество выйти в космос: «Нашли способ сообщения с Лунуно: она необитаема и служит только источником снабжения Земли разными житейскими потребностями, чем отвращается гибель, грозящая земле по причине ее огромного народонаселения» [13, 121]. Одоевский, таким образом, предполагал, что развитие науки и техники позволит решить все основные проблемы, в том числе проблемы экологического характера. Эта техноэкологическая традиция стала доминирующей в русской утопической традиции, трансформируясь соответствующим образом в философии космизма.

Та же тенденция отражена и в утопических сценах романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?» (1863). Научный и технический прогресс, коллективный труд людей будущего позволил преобразовать планету: в итоге «бесплодная пустыня обратилась в плодороднейшую землю» [17, 185]. Люди живут общинами в больших строениях, стоящих среди полей, садов и рощ. Поля дают небывалые урожаи, в оранжереях растут экзотические плодовые растения, за рощами «очень заботливый уход, нет в них ни одного больного дерева, но рощи те же, – только они и остались те же, как теперь» [17, 182].

В несколько ином ракурсе на идеал будущего смотрел философ-анархист П.А. Кропоткин. Он считал, что фундаментом морального поведения является закон взаимопомощи, имеющий биологические корни. Противопоставление человека природе, характерное для промышленной цивилизации, ведет к нравственной деградации общества. Только жизнь, организованная на началах альтруизма и солидарности, способна привести людей «к свободному общению с природой, сделать их сознательной частью великого целого и участниками в наслаждении наукой, искусством, свободным трудом и творчеством» [10, 7]. Люди в будущем должны жить в самообеспечи-

ваемых сельскохозяйственных общинах и практикующих не экстенсивный, а интенсивный путь развития. Кропоткин не отрицал значения техники и промышленности как таковых; он лишь желал, чтобы предприятия будущего были небольшими, гибкими и экологичными: «Поставьте фабрики и мастерские прямо в гуще, посреди ваших полей и садов, и работайте на них! Разумеется, не те большие предприятия, которые обрабатывают огромные массы металла, ...не те фабрики, на каких дети теряют облик детей в атмосфере индустриального ада, а те полные воздуха, гигиеничные и, следовательно, экономные рабочие залы, где обращают больше внимания на человеческую жизнь, чем на машины или сверхприбыль» [10, 194-195]. Коммунизм в интерпретации Кропоткина нельзя назвать полностью устойчивым (его проекты ресурсозатратны), но с экологической точки зрения он, конечно, выглядит предпочтительнее промышленного капитализма.

Наиболее яркое свое выражение техноэкологическая утопия нашла в учении В.И. Вернадского о ноосфере – этапе социоприродного развития, на котором разум человечества становится силой геологического, а затем и космического масштаба. В ходе исторического развития, считал Вернадский, наука должна взять на себя ответственность за регуляцию природных процессов таким образом, чтобы удовлетворить все потребности человечества. Это потребует иной социальной организации (всеобщего равенства, тесных связей между людьми) и новой этики, предполагающей не противопоставление природы и человека, а их совместную взаимовыгодную эволюцию [6]. Однако, как и многие другие утопии Нового времени, ноосферный проект по мере реализации обернулся своей противоположностью. Хотя наука и техника сегодня действительно стали геологической силой, особых успехов в регуляции природы они не достигли, а напротив – стали представлять основную угрозу ее существованию.

В художественной форме техноэкологическая утопия ярко представлена в фантастических произведениях И.А. Ефремова, прежде всего в его «Туманности Андромеды» (1957). История построения коммунизма в его описании противоречива. Люди долгое время «не думая о нерушимых законах экономики, о будущем, жили только настоящим моментом. Войны и неорганизованное хозяйство эры Разобщенного Мира привели к разграблению планеты. Тогда вырубали леса, сожгли накапливавшиеся сотнями миллионов лет запасы угля и нефти, загрязнили воздух углекислотой и смрадными выбросами заводов, перебили красивых и безвредных зверей... Земля была засорена, реки и берега морей загрязнены стоками нефти и химических отходов» [7, 259]. Под угрозой собственного уничтожения челове-

ство объединилось, отказалось от войн, расселило большие промышленные города, провело очистку воды, воздуха и земли. Остатки опасного радиоактивного топлива вывели на орбиту, создав искусственные «солнца» для обогрева полярных областей планеты. Всю Землю опутали каналами, а циркуляцию воды и воздуха изменили таким образом, чтобы создать стабильный и благоприятный климат. Планета превратилась в цветущий сад. Продовольственная проблема решилась путем искусственного синтеза белков на основе водорослей, одновременно позволив отказаться от убийства животных. В отличие от большинства предшественников, Ефремов не только описал технические детали будущего, но и указал на необходимость коренного изменения психологии человека. В его утопии из сознания человека (с помощью особых служб психологического контроля) были искоренены дурные наклонности [7, 442]. Если в середине XX столетия идеи Ефремова воспринимались как попытки предугадать реалии светлого завтра, то по мере того как вера в коммунистическую идеологию слабела, в романе становились все заметнее антиутопические моменты: жесткая идеологическая обработка, эмоциональная выхолощенность людей будущего, стереотипность и запрограммированность их поведения и т.д.

Таким образом, уже на этапах формирования экотопического дискурса вырисовываются две отчетливые тенденции в понимании будущего. Для того чтобы создать устойчивый баланс между растущими потребностями и ограниченным количеством ресурсов, необходимо либо максимизировать количество ресурсов (развивать технологии, синтезировать пищу, выходить за пределы планеты), либо минимизировать потребности населения (уйти в леса, организовать самообеспечиваемые коммуны, искоренить потребительские настроения). Соответственно, максималистская экотопия рисует будущее, в котором природа покорена и отрегулирована для наилучшего удовлетворения всевозрастающих потребностей человека, минималистская же призывает к освобождению человека от ложных ценностей цивилизации и его возвращению к природным истокам. При этом различные элементы могут смешиваться и комбинироваться в разных вариантах при сохранении ведущей тенденции. В целом, в соперничестве минималистской и максималистской тенденций кристаллизовались центральные дилеммы, которые сегодня поставлены перед экологической этикой: противостояние ценностей эгоцентризма и антропоцентризма, устойчивости и развития, сохранения окружающей среды и ликвидации бедности.

Становление экотопии

В XX веке промышленное развитие и научно-технический прогресс предоставили человечеству широкие возможности для воплощения утопических мечтаний прошлого в жизнь. Однако по мере их реализации стало ясно, что последствия утопий прямо противоположны ожидаемым. Н. А. Бердяев, наблюдая эти последствия, заметил: «Утопии осуществимы, но под обязательным условием их искажения» [4, 158].

По мере того, как усиливалось разочарование в коммунизме, сциентизме, этатизме и прочих проектах лучшей жизни, утопические предвидения начали сменяться антиутопическими. Книги Е. И. Замятина «Мы» (1923), Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» (1932), Джорджа Оруэлла «1984» (1949) представляют классические образцы жанра. Кроме того, и в классических утопиях Нового времени начали проступать не замечаемые ранее антиутопические черты.

Во второй половине XX столетия будущее приобрело еще более мрачные тона; писатели-фантасты и ученые рисовали постапокалипсические картины разрушения цивилизации после ядерной войны или экологической катастрофы, обсуждали проблему перенаселения планеты и нехватку ресурсов в будущем. Философ Г. Ионас писал об этой смене установок так: «Теперь уже не удовольствие, доставляемое познанием, но страх перед грядущим или же страх за человека становится основным мотивом мышления» [9, 29-30].

В 1960-х годах дискуссии о необходимости охраны природы вышли из научных кабинетов на публичные арены, а экологические соображения приобрели силу моральных принципов и политических аргументов. Моментом, обозначающим рождение движения в защиту окружающей среды, стал выход книги Рэйчел Карсон «Безмолвная весна» (1962). Книга, описывающая опасности применения инсектицида ДДТ, была синтезом научного трактата, публицистического памфлета и художественного произведения с элементами как утопии, так и антиутопии. В отличие от классических утопистов, Карсон идеализирует не будущее и не далекое прошлое, а прошлое недавнее: «Некогда в самом сердце Америки был городок, жизнь которого проходила в гармонии с окружающей природой». Однако по вине человека эта идиллия завершилась: «Затем нагрянула неведомая беда, и все стало меняться. Какие-то злые чары окутали землю: таинственные недуги поразили птичники; коровы и овцы заболели и умирали. На всем лежала тень смерти. Фермеры говорили об участившихся недомоганиях среди своих близких. Врачи не могли понять, откуда постоянно берутся новые болезни. Скоропостижно и необъяснимо ушли из жизни несколько человек, не только взрослых, но

и детей, которые во время игры вдруг почувствовали себя плохо и умерли в течение нескольких часов после этого. Повсюду царило странное безмолвие. Многие удивленно и обеспокоено спрашивали, куда подевались птицы. Скворечники во дворах опустели. Немногие оставшиеся пернатые умирали: они дрожали и не могли летать. Это была весна без голосов» [19, 1]. Собственно, название, которое дала книге Карсон, было предупреждением о подобном будущем.

В противовес этим пессимистичным картинам Олдос Хаксли представил роман «Остров» (1962), в котором описывается свободная и счастливая жизнь людей, стремящихся достичь гармонии с окружающей средой и развивающих свое сознание, соединяя западные и восточные духовные практики. К технике островитяне относятся избирательно: развивают ее, например, в сферах медицины и питания, но ограничивают развитие крупной промышленности. Их основная цель – «жить достойной человека, полнокровной жизнью в ладу с природой» [16, 153]. Для этого детей с самого раннего возраста знакомят с экологией, демонстрируя на разных примерах, что все живое находится во взаимосвязи. Директор школы говорит главному герою: «мы преподаем им науку о всеобщей взаимосвязи в сочетании с этикой. Взаимное равновесие, внушаем мы, – это не исключение, но правило, присущее природе, и людям следует – говоря на языке морали – подражать этому правилу. ...Будьте добры с Природой, и Природа оплатит вам добром. Вредите, губите ее – и Природа вскоре погубит вас. ... Дети, понимая, что к земле надо относиться бережно, легко переносят это на мораль. От Золотого правила по отношению к растениям, животным, земле они переходят к Золотому правилу по отношению к людям. И здесь важен следующий момент. Мораль, которую постигает ребенок, изучая факты экологии и перенося их на людей, представляет собой универсальную этику. В природе не существует ни избранного народа, ни земли обетованной, ни уникального исторического Откровения. Мораль бережного отношения ко всему не допускает ни чувства превосходства, ни особых привилегий. “Поступай так, как хочешь, чтобы поступали с тобой”, – это правило относится к любому живому существу в любой точке нашей планеты. Мы сможем существовать на этой планете, только если будем проявлять сочувствие и понимание в обращении с природой» [16, 154].

В романе Эрнеста Калленбаха «Экотопия» (1975) сохранение природы и духовное развитие также показаны как тесно взаимосвязанные процессы. Экотопия – это государство, отделившееся от Соединенных Штатов по идейным соображениям, и пропагандирующее ценности гармонии с природой, противостоящие стремлению к мате-

риальному успеху. Сепаратисты не желали подавлять естественные чувства, дышать загрязненным воздухом, есть нездоровую пищу и участвовать в гонке потребления. Получив независимость, они отказались от форсированного промышленного развития и принципов протестантской этики, требующих интенсификации труда ради увеличения доходов. На предприятиях экотопии условия производства облегчены, а рабочая неделя сокращена. Под это подведен соответствующий философский и экологический базис: «Человечество предназначено не для производства, как утверждали в XIX и XX веках. Напротив, предназначение людей состоит в том, чтобы занять свое скромное место в единой и устойчивой сети живых организмов, причиняя этой сети как можно меньший ущерб. Это значит, что необходимо пожертвовать сегодняшним потреблением, чтобы обеспечить будущее выживание – такая цель превращается почти в религию, в чем-то близкую ранним доктринам “спасения”. Люди должны быть счастливы не потому, что они господствуют над другими существами, а потому, что они живут в гармонии с ними» [18, 43-44]. Жители Экотопии заботятся об устойчивости: численность ее населения не увеличивается, а даже несколько сокращается, природные системы охраняются и восстанавливаются, а ресурсы расходуются крайне бережно. Экотопийцы производят небольшие партии товаров, которые долговечны и легко ремонтируются, после использования могут перерабатываться или быстро разлагаться. Они отказались от автомобилей с бензиновыми двигателями в пользу электромобилей, велосипедов и пеших прогулок, пользуются исключительно экологическими источниками энергии и технологиями. Основой экологической регуляции является моральное, а не государственное принуждение: так, если выясняется, что при производстве нарушаются экологические нормы, товар вносится общественными организациями в неформальный «черный список», после чего люди демонстрируют свои убеждения, добровольно отказываясь от его покупки. В целом, заключает Калленбах, для экотопийцев «самое большое значение имеет стремление жить в согласии с природой, “ступать по земле легко”, относиться к земле как к матери» [18, 29].

«Экотопия» оказала значительное влияние на экологическое движение конца XX века и дала имя поджанру утопической литературы (примерами которого являются произведения У. Ле Гуин, С. Лема, К. С. Робинсона и некоторых других авторов, частично представленных в сборнике «Первобытный человек будущего: новые экотопии» [20]). Впрочем, экотопии (как и утопии в целом) в XXI столетии оказались на периферийном положении; более востребованными в литературе и кинематографе оказались экологические антиутопии, обри-

совывающие будущее после глобального изменения климата, в ситуации перенаселения, загрязнения, и борьбу за жизнь на руинах цивилизации. Наконец, еще одним сюжетом для антиутопий стала реализация экотопий.

Развитие экотопических идей в политико-философском направлении представленном пионером природоохранного движения Мюрреем Букчином. Его «Экология свободы» (1982), так же, как и ряд других работ, посвященных социальной экологии, предлагает анархистское видение будущего и восходит к идеям Кропоткина и Морриса. По мнению Букчина, люди в будущем должны жить в малых децентрализованных экополисах, гармонично вписанных в природные экосистемы. Промышленность будет представлена небольшими предприятиями и основана на зеленых технологиях и рециркуляции отходов. Тем не менее, полагает Букчин, экологическая проблема не имеет сугубо технического решения. Ее корни следует искать в социальных отношениях, основанных на доминировании. Стремление человека господствовать над природой является следствием социального неравенства, поэтому к решению проблем с окружающей средой приведет лишь полное уничтожение отношений господства. Материальные и духовные противоречия будут преодолены, когда все противостоящие элементы окажутся связанными в единое экологическое целое, где каждая часть нуждается в другой: «Из этого преодоления прошлого может вырасти новое отношение между человеком и природой, в котором само общество, основываясь на принципах единства в многообразии, спонтанности и неиерархических связей, постигнет само себя как экосистему» [5, 4]. Для Букчина экотопия – это не желаемый, а единственно возможный вариант развития общества: его альтернативой является гибель человечества.

Если Букчина вдохновлял античный полис, то анархо-примитивисты отодвигают идеал экологического общества еще дальше – в первобытное состояние. В противовес социальной экологии они защищают идеи экологии «глубинной» (в духе этико-философской концепции Арне Несса). Джон Зерзан в работе «Первобытный человек будущего» (1994) выступает против культуры как таковой, утверждая, что организация жизни первобытных людей находилась на более высоком моральном уровне: они являлись «мирными, равноправными и здоровыми людьми, у которых было много свободного времени и отсутствовала половая дискриминация» [8, 42]. Техническое развитие разрушило эту идиллию и привело к бедности и голоду, истощению ресурсов и загрязнению окружающей среды. Сове-

менному человеку требуется «переворот в сознании» чтобы отказаться от достижений цивилизации и вернуться назад к природе.

Еще глубже в идеологию эоцентризма погружается «новый нонконформист» Герд Бергфлет. Он провидит масштабное восстание, субъектом которого на этот раз станет сама природа: «Всякий акт разрушения, направленный против природы, отрицательно скажется на разрушителе, поскольку он высвобождает такие силы разрушения, с которыми уже не может совладать. Таким образом, мы можем сказать, что дело идет ко всеобъемлющему мятежу природы, к мощному восстанию против человеческого гибриса делания и умения. Общий обвал производственной химеры запрограммирован, поскольку она сама послужит причиной этой последней битвы. И почти нет сомнений, кто в этой войне будет побежден: не природа, а агрессор, потому что – повторим это снова – ее поражение опять означает его смерть» [3, 4].

Для ряда эоцентристов, например для Джеймса Лавлока, считающего планету суперорганизмом, а человека – его частью, или для Эразима Кохака, рассматривающего человека как паразита на теле природы, такое восстание – это не просто демонтаж капитализма, а восстановление естественного состояния, нарушенного развитием человеком. Если экологический баланс (а не благо человека) становится важнейшей ценностью, то является морально оправданным устранение того, кто этот баланс нарушает – человека. Экологическая утопия доходит здесь до своего логического предела, после которого гуманизм становится постгуманизмом.

В целом, в истории экотопии отражено изменение художественных, идеологических, моральных установок, определяющих отношение общества к экологическим ценностям. Движение от классической утопии Нового времени к постутопии предполагает смену ракурса видения целей общественного развития и средств их достижения. После отрезвляющих событий XX века общество больше не склонно доверять обещаниям рая на земле, бездоказательным спекуляциям, нереалистичному и непрактичному идеализму, бескорыстному патернализму государства. В основном этим обусловлены базовые различия между экотопиями прошлого и современными образцами этого жанра.

Классические утопии описывают статичное общество, достигшее совершенства, конца истории. Оно не способно меняться, поскольку любые изменения обозначают отход от идеала. Так, И.А. Ефремов, изобразил в романах «Туманность Андромеды» и «Час Быка» коммунистическое общество с временным промежутком в несколько сотен лет. Но за это время заметных качественных изменений в об-

ществе не произошло, поскольку двигаться этому обществу некуда. У Э. Калленбаха Экотопия, напротив, показывается не в статике, а в развитии, постоянных поисках новых идей для улучшения отношений с природой. Примечательно, что следующим произведением Калленбаха в том же жанре стал роман «Возникновение Экотопии» (1981), описывающий процесс получения независимости и становления этого государства. Таким образом, *процесс* достижения результата в современных экотопиях оказывается важнее самого результата. Во многом это связано с тем, что будущее в них – это лишь ориентир для движения, но не его конечная точка.

Экотопии современности, как правило, представляют будущее общество, которое не является утопическим в классическом смысле этого слова. Оно намного лучше существующего, но далеко от совершенства и потому, собственно, и имеет возможность для дальнейшего развития. Элвин Тоффлер называет изображение такого *неидеального* общества «практопией». Это «не лучший и не худший из возможных миров, но мир практичный и более благоприятный для человека, чем тот, в котором мы живём. В отличие от утопии в практопии есть место болезням, грязной политике и дурным манерам. В отличие от большинства утопий она не статична, словно застывшая в нереальном совершенстве. В то же время она не воплощает в себе некий воображаемый идеал прошлого. Но практопия – это не воплощение концентрированного зла, что характерно для антиутопии. В ней нет безжалостной антидемократичности, милитаризма. Она не обезличивает своих граждан, не нападает на соседей и не разрушает окружающую среду» [15, 181]. Действительно, экотопия в описаниях ее авторов сталкивается с множеством проблем, и ряд методов, которые используются для их решения, может вызывать вопросы. Но при всех явных или скрытых ее недостатках, это общество все же лучше того, которое нас окружает. По крайней мере, оно стремится к преодолению проблем и противоречий, тем самым продвигаясь ближе к экологическому идеалу.

Прикладная ориентированность экотопий выражается и в том, что на основе их образов возникают реальные сообщества, экспериментирующие с альтернативными нормами (пропагандирующие общую собственность, устойчивое земледелие, веганство и т.д.). Экотопии современности – это не столько фантазии, мечты, попытки сбежать от невыносимой действительности, сколько поиск работающих методов изменения отношения с природой и практик правильного взаимодействия с ней, ряд которых вполне можно взять на вооружение отдельным людям. Так, несмотря на утопический характер

идеала «Экотопии», почти все предложения Калленбаха практичны, более того, некоторые из них после выхода книги вошли в практику.

Наконец, неидеальность праптопии предполагает ее принципиальную *реализуемость*. Создание экологичной цивилизации – сложная, но посильная задача для общества. Если в момент появления первых произведений в этом жанре экотопия была по большей части фактом литературы, то сейчас она приобрела гуманитарно-научное измерение (в экологической философии, этике, социологии, педагогике и т.д.), а также воплотилась в системе реальных природосберегающих практик, связанных с изменением индивидуальных привычек, созданием экообщин и экополисов. Реализация экотопии, как и любой другой утопии, проходит не без искажений, однако нельзя не признать, что у этого процесса имеются и положительные результаты.

Заключение

Любая система практических действий должна основываться на соответствующих ценностных предпосылках. Человек совершает природосберегающие действия не потому, что они реалистичны или практичны, и не потому, что имеет для этого технические возможности, а прежде всего потому, что считает это необходимым. Цивилизация должна выработать систему норм, ценностей и практических способов разрешения наиболее острых экологических и экономических проблем. По словам Тоффлера, нам необходима цивилизация, «стоящая перед лицом беспрецедентных в истории выборов и необходимостью выработки новых этических и моральных норм, на основе которых этот выбор можно осуществлять... демократическая и гуманная цивилизация, поддерживающая равновесие с биосферой» [15, 181]. Достижение экотопического будущего предлагает *изменения в сознании*, в том числе часто довольно радикальные. Реализация экотопии требует новой, экологической этики.

В классических утопиях структура общества и система технологий создают такие условия, в которых у человека не остается пространства для неправильного (с точки зрения государства) выбора. В платоновском государстве у тирана нет шансов на захват власти, поскольку социальная структура выстроена так, чтобы власть могли получать исключительно философы. В коммунистическом завтра И.А. Ефремова человек с подобными склонностями на самых ранних этапах будет выявлен и подвергнется трансформации службой психологического контроля. В современных же экотопиях человек, как правило, не скован условиями и совершает действия лишь из-за убежденности в их правильности. Иными словами, классическая утопия устойчива потому, что все идет по заранее продуманному ее

творцом шаблону, и у людей нет возможности выйти за рамки предписанных действий. Экотопия сегодняшнего дня справедливо усматривает в этом опасность фундаментализма и подавления индивидуальной свободы. Поэтому она больше опирается на *добрую волю* граждан, которые каждым своим действием самостоятельно творят лучшее общество. Без их каждодневных усилий это общество перестанет быть хорошим. Собственно, по этой причине экотопия и представляет не окончательное решение экологической проблемы, а только действия по ее решению, не запрограммированный результат, а продолжающийся процесс.

Стремление к лучшей жизни в классической утопии и экотопии понимается по-разному. В первом случае слово «лучшая» предполагает материальное благополучие. Будущее обычно рисовалось классическими утопистами как состояние изобилия, в котором побеждены бедность, голод, неудовлетворенность. В утопиях Т. Мора и К. Маркса, В. И. Вернадского и И. А. Ефремова каждый человек обеспечен всем необходимым для нормальной жизни. В экотопии «лучшая» жизнь понимается как более правильная с моральной точки зрения жизнь. Экотопия не обещает удовлетворения всех потребностей и совершенной справедливости. Напротив, часто она требует ограничить свои потребности и довольствоваться малым, отказаться от самой ценности изобилия как ложной. Экотопия позиционируется как будущее, которое необходимо строить не для того, чтобы жить лучше в материальном плане, а для того, чтобы общество выжило. Поэтому в качестве альтернативных утопистами рисуются картины традиционной жизни. М. Букчин пишет «Экология поставила нас перед серьезным выбором: принять кажущиеся “утопическими” решения, основанные на децентрализации и новом балансе с природой и гармонизации социальных связей, или мы столкнемся с весьма реальным распадом материальной и естественной базы человеческой жизни на планете» [5, 4]. Таким образом, фундаментальной становится не мечта о всеобщем счастье, а ценность *выживания*. В этом смысле этика будущего воспроизводит на новом уровне этику доиндустриального, традиционного общества.

В целом, формирующаяся экологическая этика – это интегральная часть экотопического проекта. Перед ней стоит задача изменения морального сознания человечества, при котором на центральное место в системе ценностей могла бы выйти ценность выживания, а не материального успеха. Она больше не призывает общество к идеалу всеобщего счастья, а довольствуется менее амбициозной целью – сохранить условия для устойчивого существования человека в будущем. Достижение этой цели является не просто желаемым,

но жизненно необходимым и реализуемым. Если расчеты большинства экологов верны, нам остается либо переосмысливать систему ценностей и приступать к осуществлению экотопии, либо продолжать привычный образ жизни в ожидании «восстания природы».

Список литературы

1. Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
2. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика и этос воспитания. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002. 256 с.
3. Бергфлет Г. Горизонты антиэкономики // Вторжение. 2000. № 3. С.4.
4. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. Париж: YMCA-Press, 1951. 166 с.
5. Букчин М. Экотопия // Газета саратовских анархистов. 1990, сентябрь. №5, С.4.
6. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012. 576 с.
7. Ефремов И.А. Туманность Андромеды: Фантастические произведения. М.: Эксмо, 2007. 768 с.
8. Зерзан Дж. Первобытный человек будущего. М.: Гилея, 2007. 223 с.
9. Йонас Г. Принцип ответственности. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
10. Кропоткин П.А. Поля, фабрики и мастерские. М.: Посредник, 1908. 220 с.
11. Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1978. 416 с.
12. Моррис У. Вести ниоткуда, или эпоха спокойствия. М.: ГИХЛ, 1962. 314 с.
13. Одоевский В. Ф. 4338-й год // Русская фантастическая проза XIX начала XX века. М.: Правда, 1986. С. 121-154.
14. Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М.: Наука, 1979. 456 с.
15. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 262 с.
16. Хаксли О. Остров. М.: АСТ, 2015. 213 с.
17. Чернышевский Н.Г. Что делать? Л.: Наука, 1975. 250 с.
18. Callenbach E. Ecotopia. Berkeley: Banyan Tree Books, 2004. 172 p.
19. Carson R. Silent Spring. Boston: Houghton Mifflin Company, 2002. 400 p.
20. Future Primitive: The New Ecotopias // ed. by K.S. Robinson. NY.: Tor Books, 1994. 352 p.

Ю.Н. Москвич, Е.Н. Викторук

УДК 177

Цели и задачи прикладной этики в турбулентном мире

Аннотация. Проводится анализ реалистичности притязаний прикладной этики в проектной парадигме по формированию новых социальных практик. Рассматривается эволюция прикладной этики в условиях «социальной турбулентности» в новом быстро меняющемся глобальном мире, требующей новых этических норм и правил, направленных на преодоление негативных последствий возможных будущих потрясений. Приведены примеры углубления представлений о моральном субъекте в междисциплинарных исследованиях в условиях смены этической парадигмы.

Ключевые слова: моральная кодификация, прикладная этика, этические кодексы, моральный субъект, социальная турбулентность, новая промышленная революция.

Введение

Тема обсуждений в данном выпуске Ведомостей не обычна: реалистичность притязаний прикладной этики в постсоветской России на собственное место в процессах модернизации страны и формировании в ней особых сред инновационного развития. Сложность этого обсуждения видится, прежде всего, в правилах и подходах системного анализа результатов проекта по разработке и практике введения различных этических кодексов, осуществлявшегося в течение более двадцать последних лет. Отдельные составляющие этого проекта (университетская этика и этика образования, инженерная, политическая, экологическая, журналистская этика и др.) довольно детально анализировались в [1, 10]. Итоговые результаты проекта рассматривались также в специальных выпусках Ведомостей, в которых был отмечен высокий профессиональный уровень (с точки зрения использовавшихся систем оценок) достигнутых результатов. Так, к примеру, опыт «Самотлорского практикума» [2] сегодня совершенно «свеж» для понимания этико-деловой игры, наработки «Этики гражданского общества» и по сей день не теряют своей ценности, Словарь прикладной этики – даже опережает исследовательский и практический запрос.

Почему же в заявленной дискуссии остро поставлен вопрос о высокой степени нестабильности достигнутых результатов и даже, в некотором смысле, об утопичности притязаний прикладной этики в проектной парадигме? Список проблемных пространств прикладной

этики, обозначенных в «техзадании» для участников данного выпуска Вестников, довольно большой. К ним прежде всего отнесены:

- освоение новых ситуаций морального выбора;
- проектно-ориентированное преобразование моральной практики;
- креативное развитие малых нормативно-ценностных систем;
- эффективность проектирования институтов саморегулирования профессиональной морали.

В значительной степени все они определяются не внутренними устойчивыми факторами, влияющими на тот или иной спектр этических норм и правил, а внешними неустойчивыми факторами значительно меняющейся внешней среды, которые становятся приоритетно значимыми в условиях современного турбулентного Нового мира [7]. Высокая степень нестабильности, динамичная смена приоритетных факторов влияния внешней среды на ранее устойчивые и/или квазиустойчивые институты науки и образования становятся в последние десятилетия нормой, и в этих условиях существующие этические практики должны рассматриваться с новой, турбулентной по своей природе, позиции.

Нам представляется, что настало время изучения и учета возникающего на наших глазах нового феномена – «социальной турбулентности», её особенностей и закономерностей в реальных технологиях практической этики, детальных исследований динамики жизненных циклов этических норм, правил и кодексов в быстро меняющейся социальной среде.

В данной работе рассматриваются некоторые важные последствия этого нового явления на цели и задачи современной практической этики.

Социальная турбулентность как новая реальность

Понятие «социальной турбулентности» в настоящее время имеет несколько важных составляющих. Эрик Трист и Фредерик Эмери под социальной турбулентностью предложили понимать «смягчение эффектов будущих потрясений», состоящее в опережающей заблаговременной подготовке тех или иных групп населения к прогнозируемым или неожиданным социальным изменениям [13]. Очевидно, что этические нормы этих групп должны содержать установки на возможность таких событий и объединение усилий на их преодоление. С нашей точки зрения, именно такая ситуация сейчас, например, сложилась в обществе, образовании и науке в связи с заявленными и уже реализуемыми в практике целями новой Четвертой промышленной революции, грозящей, по оценке её идеологов, совершить в ближайшее время самые радикальные в истории социальные

изменения [15]. Отражение этой позиции уже отчетливо видно в заявленных недавно приоритетных направлениях развития России в ближайшие шесть лет [14].

Новые вызовы времени остро ставят вопрос о конкурентоспособности многих институтов и соответствующих этических кодексов, призванных повышать их способность конкурировать (лидировать) в современном «мире больших изменений». Скорость адаптации к новым условиям становится вопросом успешного их существования или даже выживания. С этой точки зрения понятна высокая степень не успешности традиционных медленно адаптирующихся к быстрым переменам этическим практикам, заявленных в «техзадании» от редактора «Ведомостей прикладной этики» для дискуссии в 52-м номере журнала. Эти практики разрабатывались исходя из главных особенностей прежнего, «традиционного» мира – стабильного, предсказуемого и в значительной степени упорядоченного. Приоритетными целями этических кодексов, по крайней мере в институтах образования и науки, являлась высокая степень их автономности, независимости от внешних потрясений. Учет влияния воздействий факторов внешней среды при этом можно было свести к минимуму. Основные рекомендации практической этики основывались и продолжают в большинстве случаев основываться на имеющихся знаниях прежних этапов экономического и социального развития без учета возможных рисков внезапно возникающих маловероятных событий, приводящих к очень большим изменениям. «Сиюминутность» и «вечность» этических норм и правил в современных этических кодексах проходит испытание новыми рисками, рисками не только потери репутации, неэффективной деятельности и ослабления конкурентоспособности с известными конкурентами, но и рисками возрастающей глобальной конкуренции и сменой потребностей в тех или иных видах деятельности.

Принятие новой изменяющейся реальности – как объективно существующей – естественным образом требует изменения целей и задач научных исследований практико-прикладной этики и, в первую очередь, изучения феномена «социальной турбулентности» как неотъемлемой части возникшего глобального турбулентного мира. Необходима смена не только общего видения мира, но изменение концепций и подходов к изучению этических практик в условиях новых рисков и последствий. С точки зрения Джона Квина, для этого нужен «прямой и открытый сдвиг парадигмы, изменение базовых концепций, расширение параметров, изменение игрового поля и всех правил игры в обществе – и все это исключительно за короткий промежуток времени» [16].

Данный подход, с нашей точки зрения, прямым образом указывает на срочную необходимость учета в разработке современных этических норм и практик большего чем ранее числа возможных рисков: и хорошо известных, и вновь возникающих, и потенциально возможных. Иными словами, этические правила, нормы и кодексы должны стать более риско-защищенными, чтобы выполнить свою основную задачу: способствовать успешной деятельности в «мире внешних неожиданных потрясений». Жизнь в этом «обществе всеобщего риска» [3] возможна лишь при условии взаимо-согласованного распределения возрастающего числа рисков и взаимных усилий по их смягчению, минимизации и преодолению. Привычная жизнь многих профессиональных сообществ в комфортных «башнях из слоновой кости» становится всё менее возможной. Картина мира грядущей «Четвертой промышленной революции» и ожидаемого Нового мира не предполагает для них стабильности и сохранения.

Наиболее значимым изменением, которое, по-видимому, уже сейчас следует учитывать в новых этических практиках, является необходимость преодоления последствий резко увеличивающегося объема информации о большом потоке происходящих событий, затрудняющих принятие осмысленных и быстрых решений. На первые места выходит этическая ответственность за своевременное распространение истинных сведений о происходящих и возможных скорых изменениях, ответственность за создание и поддержание открытых информационных сред для необходимых рефлексий, обсуждений и адекватных вызовам реакций тех или иных конкурирующих между собой и с турбулентным будущим групп и институтов. Именно эти, становящиеся приоритетными, этические правила, могут быть гарантиями преодоления негативных эффектов информационных заблуждений и манипуляций, защитой от ставшей реальной проблемой массовой постправды и далеких от научных знаний явлений ограниченной субъективной реальности.

Очевидно, что новая цель практической этики турбулентного мира – понизить высокие социальные, политические и экономические риски возможных и уже обозначенных кризисов и потрясений – требует этого.

Освоение новых ситуаций морального выбора

Новые вызовы «социальной турбулентности» могут быть успешно преодолены новыми правилами морального выбора людей, попавших в новые кризисные ситуации. По этой причине «заказ» на исследования в этой области имеет, как правило, прагматические социально-политические и экономические основания. Субъект мо-

рального выбора становится не только предметом теоретических исследований [17], но и сферой социального, политического управления. Так, разработки технологий «мягкой силы» [18] предполагают стратегическое управление субъектами, опираясь на их добрую волю, согласие и т.п., что предполагает «разбор на мелкие детали» человеческой души в таких ее составляющих как ценности, понимания добра и зла, отношения долга, совести и жертвенности. Моделирование морального выбора широко применяется не только в практической психологии и менеджменте, но и для прогнозирования и проектирования политических процессов. К примеру, разработки В.А. Лефевра [7] для центра по проблемам «войны с терроризмом» и т.п. Последователи Лефевра пишут об управляемой «сборке субъектов» (В.Е.Лепский), в том числе и коллективных субъектов. Факторами сборки коллективных субъектов, помимо принадлежности к той или иной этической системе, называют: особенности коммуникаций (степень и форма опосредованности, синхронность взаимодействий, наличие анонимных субъектов); специфику рефлексивных процессов, специфику лидерства; пространство доверия; социальную ответственность субъектов. Одним из механизмов «сборки» субъектов является именно саморефлексия, которая обнаруживает относительный характер рефлектируемых фактов, открывает альтернативы.... дает больше знания о нас самих, и понимание того, что здесь речь идет не об истинах, но о конструкциях..., способствует развитию способности не теряться перед непредвиденным и расставаться с имеющимся знанием. Нравственно-этическая неоднозначность этих разработок очевидна и самим ученым, но это одна из составляющих практико-прикладной этики, проекты которой, зачастую, успешно финансируются [6]. В представленной ниже таблице показана динамика управленческой этики в зависимости от типа рациональности.

Результаты философско-методологического анализа эволюции представлений об управлении.*

Типология рациональности, разработанная академиком Степным, сегодня широко применяется для анализа социально-гуманитарных систем: науки, искусства, педагогики, а также этики. Типология морали (традиционная, рациональная, пострациональная) становится инструментом объяснений и прогнозов в конкретных профессиональных, социальных и культурных сферах: политическая этика, экономическая этика [5]. Эффективна эта типология и для саморефлексии этики в целом и прикладной, в частности. Так, развитие эти-

* Лепский В.Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: «Когито-Центр», 2016. С.28.

ческой кодификации от придворного этикета до кодексов корпоративной этики и этики инновационных бизнесов могут быть рассмотрены с применением базовых концептов данной типологии рациональности: отношение субъекта/объекта, характеристики пространства/времени, части/целого и т.д.

Тип научной рациональности	Методический уровень			
	Базовые			Доминирующие этические представления
	Виды управления	Модели	Механизмы и технологии	
Классическая	Классическое	Аналитические (математические)	Обратные связи Иерархические структуры	Этика целей
Неклассическая	Рефлексивное, манипуляции и др.	Имитационные (математические), деловые, ролевые, оргдеятельностные игры и др.	Коммуникационные связи Сетевые структуры	Коммуникативная этика
Постнеклассическая	через проекты, средовое	«Человеко-размерные» (комбинированные, стратегические рефлексивные игры)	Воздействия через среды, культуру, ценности, технологии «сборки» и разрушения субъектов развития Саморазвивающиеся среды	Этика стратегических субъектов

Эти и многие другие, разработанные в последнее время, междисциплинарные обоснования этических практик (включающие моделирование морального выбора) сохраняются, но в них должны включаться новые цели и задачи, связанные с практической этикой турбулентного мира: анализ новых возможных рисков, рекомендации по смягчению эффектов возможных потрясений, обзор полноты и истинности информации о грядущих событиях.

Креативное развитие нормативно-ценностных систем, эффективность проектирования институтов саморегулирования профессиональной морали

Этот важный «участок» практико-прикладной этики в «техническом задании» заявленной дискуссии также предложено проверить на наличие излишней амбициозности: не утопично ли проектировать моральные конвенции организационной и профессиональной этик? реалистичны ли самые-самые правильно созданные кодексы?

Один из возможных традиционных ответов на эти непростые вопросы – поиск исторических аналогий, примеров успешной реализации несбыточных, «утопичных» гуманитарных проектов, а также выявление условий, при которых «сказка стала былью», определение роли субъектов (персон, групп, институтов) для превращения возможности в действительность.

Анализ литературы показывает, что такие примеры действительно были и они в какой-то мере моделируют сегодняшнюю ситуацию. Успешные проекты в прошлом содержали в своей основе способы (защитные механизмы) реакций на возможные «потрясения в будущем», т.е. предвидели или предугадывали сложные ситуации по каким-то их признакам в своем настоящем.

Показательными в этом смысле являются результаты многолетних исследований Э.Ю. Соловьева [12], в которых последовательно анализируется судьба сложнейшего проекта новой трудовой и гражданской этики, который зародился в реформируемой Европе, но реализоваться смог только в Новом Свете: увы, почва Старого была непригодной для разворачивания идей толерантности, свободы и человеческого достоинства в новое мировоззрение.

Для характеристики этого этапа в развитии человеческой культуры ученый использует метафору «геологического сдвига», которая требует учитывать «катастрофические издержки» («риски» в нашем понимании сегодня!) реформационного процесса. Анализируя условия становления новой практической этики, философ обращает внимание на то, что цивилизация – это не только бытующие нормы и ценности, но и «паттерны – надолго заданные образцы поведения и мышления», каковыми для новоевропейской цивилизации стали «правозащитник (поборник справедливости)», «трудоголик», «профессионал», «предприниматель». Паттерны новой цивилизации выплавляются в условиях «социальной драмы» религиозных войн, государственного устройства, определившего «существенную деформацию господствующих сословий, успешно приспособившихся к практике коммерциализма; ужесточение традиционного внеэкономического принуждения, коммерциализацию церковной жизни и превращение католического клира в лидера всесословного духовно-нравственного упадка» [11, 69]. Тупиковая ситуация, в которой оказался моральный субъект, не могла быть преодолена ни одним из рациональных средств, обсуждаемых в теории идеологии. Из нее могло вывести только спонтанное преобразование сознания, считает Э.Ю. Соловьев, которое не было обусловлено самотечными изменениями общественного бытия, но в то же время стало бы адекватным ответом, на порожденные этим бытием душевно-нравственные недуги.

Разработка кодексов, декларирующих новые формы духа (свобода, веротерпимость, толерантность, равное достоинство каждого человека), была деятельностью лидеров Реформации, чьи судьбы поистине драматичны: М.Лютер, Г.Гроций, Ф.Меланхтон, У.Цвигли, Ж.Кальвин. Новая этика выплавлялась «огнём и мечом», принуждением, а не мягкими увещеваниями и проповедью. Моральные лидеры, переводящие «несбыточные мечты» в статус реальных социальных проектов – отнюдь не «ангелы во плоти», но благодаря им осуществилась «сборка новых моральных субъектов».

Э.Ю.Соловьев отмечает еще один важный фактор «геологического сдвига» в новоевропейском мировоззрении, условно его можно назвать пространственным или географическим. Помимо того, что центр развития реформационных идей перемещается по Европе (из Германии в Швейцарию и т.д.), но главное событие – трансфер этих идей в Новый Свет, поскольку их «можно выстроить лишь в стране, где поколеблены и разваливаются устои абсолютной монархии» [11, 73-75].

«Внедренческая часть» проекта новой трудовой и гражданской этики связана с деятельностью на другом континенте английских пуритан, общины которых превращаются в «дисциплинарные питомники благочестия» (Э.Соловьев). Логотип НИИ ПЭ – плывущий в утлой лодке Дон Кихот, нагруженный утопичной идеей. Носителями новых идей были особые моральные субъекты, мало похожие на «рыцаря печального образа». Исследователи этого периода не склонны приукрашивать реальные процессы формирования демократических институтов, лидером которых стали США. Сегодня этика и правила игры здесь далеко отошли от изначальных идей. Но это не отменяет ценности видимой (и воспроизводимой в схожих условиях) модели реализации гуманитарной «утопии»: новая этика разрослась в условиях «гринфилда», переплыв океан.

Используя отмеченные выше аналогии, можно сказать, что и нынешний этап конкурентного отбора практических этик, учитывающие даже большие, чем ранее социальные и технологические изменения, также будет происходить в условиях больших потрясений, социальных преобразований, различных форм понуждения или принуждения и, возможно, войн нового типа. Реальная сегодняшняя кризисная экономическая и международная ситуация с явными элементами гибридных войн указывает на возможность именно такого сценария развития событий. Но есть и большое отличие от прежних времен: и новые позитивные возможности, и негативные риски в настоящее время могут быть выявлены, проанализированы, минимизированы и даже предотвращены в очень короткие сроки. Новые воз-

возможности связаны не только с большими, чем прежде информационными и аналитическими ресурсами и возможностями, но и в большей степени с глубоким пониманием наличия в современном мире пределов риска: возможности самоуничтожения человечества в ядерной войне и в глобальной экологической катастрофе. Степени выявления рисков, угрожающих существованию современного мира, стали намного большими и более системными. В своей совокупности они всё в большей степени повышают потребности в более ответственном согласованном этическом поведении многих социальных и профессиональных групп. Учет новых рисков понуждает их к созданию новых, можно сказать метаэтических, норм и правил и формированию новых образов общего дела.

Это обстоятельство, с нашей точки зрения, должно быть учтено в преподавании практической этики в университетах. Обновление образовательной практики в этой области позволит, прежде всего, преодолеть распространенную ныне пессимистичность многих преподавателей прикладной этики, поскольку именно такой более широкий и современный подход к пониманию новых целей и задач этики открывает им новые возможности обновления данных образовательных программ.

Заключение

Традиционно миссия преподавания курса прикладной этики при обучении студентов разных дисциплин подготовки (инженеры, педагоги, специалисты по связям с общественностью, политологи и т.д.) видится прежде всего как обычное внедрение ментальных структур моральной оценки, морального выбора в их будущей профессиональной деятельности, в позитивном «заражении» студентов полезным вирусом «самовозложения профессионально-этического долга». Можно даже «посчитать» итоговый коэффициент сформированности у студентов этической компетентности, то есть освоения таких технологий как ситуационный анализ в принятии решений высокой степени этичности, стейкхолдер-анализ и способность «автоматически» проводить экспертизу этически проблемных ситуаций [4]. В результате мы можем достичь многого: студенты могут стать близкими к тому самому субъекту, которого Л. Колберг называет кантовским или принципиалистским.

Однако неизвестно, как и где обученные этим техникам оценки, экспертизы студенты и аспиранты сделают их нормой своей профессиональной и социальной жизни. Перед их глазами реально разворачиваются совсем иные события, происходят конкурентные сражения и битвы. Обучение их в процессе освоения практической этики тех-

нологиям прогнозирования и моделирования этическим рискам позволит им быть более конкурентоспособными и успешными в новом более изменчивом, чем ранее, мире и укрепит их желание знать, понимать и принимать новые этические нормы и правила, поскольку фактически это даёт им инструмент построения своего личного и профессионального будущего.

Процесс становления нового турбулентного мира продолжается, этот мир нуждается в своих моральных субъектах деятельности, действующих по обновленным принципам самовозложения морального долга человека Нового более сложного, более неожиданного и более творческого мира.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика как проектно-ориентированное знание (теория и опыт нового освоения ойкумены прикладной этики). *Этическая мысль*. 2015. Т. 15. № 2.
2. *Бакштановский В.И.* Самоглорский практикум: испытание выбором / *Этика инженера: через понимание к воспитанию*. Ведомости прикладной этики. Вып.42. Тюмень: НИИ ПЭ, 2013.
3. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
4. *Викторук Е.Н.* Этика науки: практико-прикладной модус. *Высшее образование в России*. 2013. №8-9. С.149-155.
5. *Костюк К.* Социальная этика в постидеологическую эпоху // *Политическая и экономическая этика*. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.
6. *Лепский В.Е.* Аналитика сборки субъектов развития. М.: «Когито-Центр», 2016. 130 с.
7. *Левфевр В.А.* Алгебра совести. М.: «Когито-Центр», 2003.
8. *Москвич Ю.Н.* Мерцающие картины глобального мира как искушение и вызов для теорий управления. XII Всероссийское совещание по проблемам управления. ВСПУ-2014, Москва, 16-19 июня 2014 г. С. 7797-7802.
9. *Москвич Ю.Н., Викторук Е.Н.* Ценности современных студентов: адаптация к меняющемуся миру. Красноярск, 2018.
10. *Профессиональная этика инженера: опыт коллективной рефлексии для магистрантов и профессоров*. Коллективная монография / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ прикладной этики ТИУ, 2018. (Библиотека журнала «Ведомости прикладной этики». Выпуск 1.)
11. *Соловьев Э.Ю.* Основные паттерны новоевропейской цивилизации: «трудоголик», «профессионал», «предприниматель», «правозащитник». https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/solov_1.html.

12. *Соловьев Э.Ю.* Прошлое толкует нас: очерки по истории философии и культуры. М.: Изд-во политической литературы. 1991.
13. Социальная турбулентность. URL: http://www.ereading.mobi/chapter.php/1031045/46/Estulin__Tavistokskiy_institut.html. Schwab Klaus. The Age of Adaptation. <https://www.project-syndicate.org/commentary/technological-economic-transformation-by-klaus-schwab-2015-02/>.
14. Указ Президента РФ Путина В.В. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425>.
15. *Шваб Клаус.* Четвертая промышленная революция. «Эксмо», 2016. (Top Business Awards).
16. *John Quinn*, NewsHawk, 10 October, 1999.
17. *Kolberg L.* Zur kognitiven Entwicklung des Kindes. Frankfurt, 1974. p.100.
18. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics (New York: Public Affairs Group, 2004).

Е. В. Беляева

УДК 172

Цифровое общество и возможности его этического регулирования

Аннотация. Электронно-цифровое опосредование любых социальных отношений оказывается источником новых ситуаций морального выбора, требующих поддержки со стороны этики. Прикладная этика цифрового мира, во-первых, должна опираться на функционирование действенных социальных институтов. Во-вторых, она должна быть междисциплинарной, соединяющей биоэтику, инженерную этику, этику бизнеса и политическую этику в единый комплекс. В-третьих, возможности этического регулирования цифрового общества связаны с концепцией прав человека, которая должна быть переосмыслена, исходя из нового понимания природы человека в таком обществе.

Ключевые слова: цифровое общество, права человека, конфиденциальность, достоинство человека, справедливость.

Новейшее определение, которое дается обществу будущего – цифровое общество. Оно рассматривается как результат реализации концепции информационного общества, однако его специфика требует описания, осмысления и этического регулирования. Отличие нового этапа состоит в том, что специфику информационного общества составляла изменившаяся роль информации как в сфере материальной деятельности, так и в области человеческих отношений и духовной жизни. Для цифрового же общества ключевой характеристикой становится не сама информация, а электронно-цифровой способ ее хранения и распространения, электронно-цифровое опосредование любых социальных отношений. Это, казалось бы, техническое изменение повлечет за собой радикальное преобразование не только общественного, но и нравственного пространства. Пропагандисты цифрового мира (например, в программе развития цифровой экономики в России до 2035 г. [6]) описывают потрясающие возможности интернета вещей, аргументированной экономики, искусственного интеллекта, электронного правительства; видят в нем новые возможности для свободного творчества человека и полагают наступление такого мира неизбежным. В то же время, наученные горьким опытом предыдущих технических инноваций, многие авторы предупреждают о возможных негативных социальных и нравственных последствиях дигитализации мира. К их числу относится новый тотали-

таризм (ибо в системе больших данных (Big Data) возможности слежки, цензуры, контроля становятся практически безграничными) и новое рабовладение (так как произойдет жесткое социальное расслоение на тех, кто будет причастен к новым технологиям, и тех, кто окажется из них исключенным). Эта полемика свидетельствует о том, что сущность цифрового общества не predetermined его техническими характеристиками, а является предметом выбора социальных субъектов, которые закрепляют свои решения с помощью политических, правовых и этических инструментов. Вопрос в том, какого рода прикладная этика может оказаться эффективной для этического регулирования в новых условиях.

Существование прикладной этики обусловлено не только новыми проблемами, возникшими перед человечеством в XX веке, оно тесно связано с функционированием определенного типа демократических общественных механизмов. Как в основе общественного устройства современного общества, так и в основе постулатов всех видов прикладной этики лежит концепция прав человека, сформулированная в 1948 г. Реализация концепции была призвана защитить новые поколения как от войны, так и от тоталитаризма. Общественные институты западного общества формировались таким образом, чтобы обеспечивать эти права. Несмотря на то, что концепция прав человека подвергалась критике за то, что она содержит исключительно западное понимание как человека, так и его прав, она до сих пор остается основой этических программ как в области социальных отношений, так и в области высоких технологий. «Эта декларация стала не только правильным этическим и политическим ответом на злодеяния Второй мировой войны, но и исходной точкой международной политики нового типа, основанной на единых этических ценностях и принципах, для преодоления вызовов мира цифровой глобализации», – пишет Р. Капурро в статье «Цифровая этика» [10].

Прикладные этические проблемы, возникающие как следствие появления все новых технологий (компьютеров, интернета, био- или нанотехнологий), разрешаются, исходя из общих принципов Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Ключевыми ее принципами можно считать принцип приоритета прав личности по отношению к интересам любой общественной группы и принцип равенства между людьми, независимо от любых их биологических или социальных характеристик. Соответственно в цифровом мире предполагается, с одной стороны, обеспечить равный доступ к его благам, а с другой – защитить каждого отдельного человека и его многочисленные права, которые рассматриваются как высшее достижение современной цивилизации. Кодекс этики для информационного общества [2], приня-

тый ЮНЕСКО в 2011 г., концентрируется, преимущественно на доступности интернета и информационно-компьютерных технологий, полагая их социальным благом и новым правом человека. Только 3 статьи из 18-ти посвящены предотвращению киберпреступности, злоумышленного использования информационно-компьютерных технологий, защите персональных данных и частной жизни, а также предотвращению нарушений прав человека в интернете. Как нарушение, так и защита прав человека перемещаются в виртуальный мир, в котором человек предстает как «цифровая личность». Государство, экономику и даже медицину будет все более интересоваться именно она, а не физическое лицо и его физическое тело. В этой ситуации изменится как содержание, так и способ обеспечения прав человека. Список политических, экономических и культурных прав дополняется цифровыми правами, которые представлены, например, в Хартии цифровых прав [11], разработанной международной общественной организацией European Digital Rights. Важно то, что для осуществления этих прав необходимо уже на стадии разработки программного продукта предвидеть и предотвращать возможные этические проблемы. Как говорил Р. М. Столмен в своей лекции «Свободное цифровое общество»: «свободные программы – это программы, которые уважают свободу пользователей» [7], предотвращая таким образом наступление «цифрового ГУЛАГа». Для этого в 2018 году Гарвардский, Массачусетский и Техасский университеты открыли курсы этики для программистов, на которых будут обсуждаться проблемы искусственного интеллекта, автономных устройств, приватность и гражданские права в цифровую эпоху [5].

Одной из областей общественной жизни, в которых дигитализация распространяется достаточно быстро, оказалась медицина. Биомедицинская этика, проделавшая с момента своего возникновения огромный путь, становится все более актуальной, воспринимая новые вызовы и угрозы со стороны научно-технического прогресса. Одной из таких угроз, требующей адекватного этического ответа, является возникновение цифровой медицины, которая предлагает принципиально новые способы диагностики и лечения, формы взаимодействия врачей с пациентами и коллегами, организацию лечения и восстановления здоровья. «Цифровую медицину можно разделить на три больших направления. Первое – это все, что связано с расшифровкой генома. Второе течение – это все, что связано с информацией и взаимодействием медицинских специалистов между собой, а также с пациентом. Третье глобальное течение в рамках цифровой медицины – это все то, что связано с биосенсорами, датчиками и гаджетами, позволяющими человеку контролировать состояние сво-

его организма» [9, 9]. Таким образом, новый этап этического регулирования требует работы не только с достижениями биологии и медицины, но и с достижениями компьютерных технологий, вторгающихся в самую интимную для человека область – его здоровье.

Этическое регулирование цифровой медицины также должно опираться на концепцию прав человека и происходить в строгом соответствии с Конвенцией по правам человека и биомедицине (Конвенцией Овьедо). При этом положения конвенции должны быть дополнены рядом положений, защищающих права человека в цифровую эпоху. Игнорирование этического аспекта цифровой медицины может привести к вопиющему нарушению зафиксированных в конвенции прав.

Во-первых, речь идет о принципе конфиденциальности. Статья 10 гласит: «Каждый человек имеет право на уважение своей частной жизни, в том числе и тогда, когда это касается сведений о его здоровье» [3]. Цифровая же медицина, накапливая и централизуя информацию о здоровье каждого человека, становится потенциальным источником бесконечных злоупотреблений. Тот, в чьих руках будет находиться эта информация, будь то государства с их спецслужбами или бизнес-структуры с их стремлением получать прибыль, получит безграничную власть в важнейшей для человека сфере жизни. В докладе израильского военного историка, Ю.Н. Харари, на форуме в Давосе (январь 2018 г.) содержались шокирующие предупреждения о «цифровой диктатуре», которая может возникнуть в результате концентрации информации в единых центрах. Тем более информации о здоровье. «Когда компьютеры начнут отслеживать не только наши электронные письма, сообщения и деньги, но и наши тела, уязвимость каждого отдельного человека возрастет.... Когда вы объединяете революцию в информационных технологиях с революцией в биотехнологии, вы получаете возможность взломать людей» [8].

Во-вторых, согласно статье 3 Конвенции Овьедо, нравственным требованием является равная доступность медицинской помощи, справедливость в распределении медицинских ресурсов. Вопрос же о доступности цифровой медицины остается открытым. Как уже показала работа с биоэтической и экологической проблематикой, при возникновении любого распределяемого ресурса, он в первую очередь достается тем, кто и без того имеет социальные преимущества, и не достигает тех, кто лишен как благосостояния, так и здоровья. Цифровая медицина вполне может оказаться еще одним способом сегрегации людей, а потому проблема социальной справедливости в цифровом обществе требует новой постановки и решения. Кроме того, после принятия политических решений о введении цифровой ме-

дицины становится затруднительным получение медицинской помощи другим путем, возможность общения с системой здравоохранения ставится в зависимость от степени компьютерной грамотности человека и его доступа к сети. Как показывают исследования, интернет в несколько раз более доступен в странах постиндустриального мира по сравнению со странами «третьего мира». Он является миром новых возможностей для молодого поколения «цифровых аборигенов» и оказывается миром непреодолимых препятствий для «цифровых иммигрантов» старшего возраста.

В-третьих, главной ценностью, согласно Конвенции Овьедо, является достоинство человека и целостность его личности (статья 1). В этом плане оптимистически настроенные медики считают, что цифровая медицина может рассматриваться как высокоточная и индивидуализированная, т. е. в наибольшей степени отвечающая установкам конвенции [9, 5]. Однако возможны и противоположные процессы отчуждения человека в цифровой среде, в которой медицина работает не столько с живым существом, сколько с цифровой личностью, с человеком, представленным как совокупность данных. Дистанционное лечение при всей его оперативности и индивидуальности рискует абстрагироваться от реальных страданий пациента, превратиться в лечение абстракции, а не человека. Цифровая телемедицина отодвигает пациента от врача, что на практике вполне может приводить к невозможности «достучаться» до системы здравоохранения, в которой нет людей, в которой на любой вопрос пациенту отвечает компьютер. Медицина как сфера общественной деятельности имеет дело не с параметрами и показателями, а со здоровьем человека, сохранение которого требует не технической, а человеческой, в т.ч. нравственной, поддержки. Поэтому у человека должно сохраняться право на «человеческую медицину», на помощь людей.

В-четвертых, статья 21 Конвенции гласит, что «тело человека и его части не должны в качестве таковых являться источником получения финансовой выгоды» [3], соответственно главной целью цифровой медицины не должна становиться прибыль. Оптимизм в отношении цифровой медицины питают не столько медики, которые с определенной осторожностью высказываются относительно перспектив цифровой медицины в их практике [4], сколько разработчики медицинских информационных технологий, а в большей степени – бизнес-круги, видящие в этой области необозримые возможности извлечения прибыли. Сталкиваясь с сопротивлением заказчика в лице медицинских учреждений, они расценивают его как косную «неготовность к изменениям», «нежелание менять стереотипы». При этом они уверены, что рынок возьмет свое, технологии неизбежно будут внедрены,

а прибыль получена. «Большим препятствием для быстрого развития [цифровой медицины] выступают законодательные и этические ограничения... Однако очевидно, что в ближайшем будущем многие вопросы будут урегулированы» [1, 9].

В связи с этим нужен строжайший законодательно предписанный контроль за всеми аспектами бизнеса в сфере цифровой медицины. Сама по себе цифровая медицина заботится не о больном, а о прибыли производителей и продавцов медицинских информационных технологий. С точки зрения социальной справедливости необходимо было бы обязать всех, кто получает прибыль от цифровой медицины, делать значительные отчисления на развитие деятельности всех тех, чья непосредственная забота обеспечивает выздоровление пациента: медицинских сестер, нянечек, сиделок, социальных работников, массажистов и т. п. Цифровая медицина должна не заменить врача, а повысить его статус, поскольку только он может заботиться о благе пациента; ведь определения «блага» и «заботы» не могут быть оцифрованы.

Основные права человека в области биомедицины, зафиксированные в Конвенции Овьедо – право на целостность личности и человеческое достоинство, право на конфиденциальность информации о своем здоровье, право на равную доступность медицинской помощи – должны безусловно соблюдаться в области цифровой медицины. Недопустимо ее превращение из области заботы о человеческом здоровье в сферу извлечения прибыли из здоровья человека.

Функцию нравственного регулирования проблем цифровой медицины берут на себя социальные институты, традиционно обеспечивающие права человека в биомедицине, в том числе комитеты по биоэтике. При этом происходит сращивание этики инженера, занимающегося разработкой программных продуктов в области цифровой медицины, и этики врача, который призван их применять. Соединение биомедицинской этики с цифровой этикой не лишено противоречий, кроме того, обе они должны взаимодействовать с этикой бизнеса и ее институтами, так как характерной чертой цифровой медицины оказывается коммерциализация взаимодействия человека – с системой здравоохранения и системы здравоохранения – с обществом, коммерциализация всего информационного пространства.

Эра цифровой медицины – это ситуация, принципиально отличная от предыдущего этапа информационного общества, где прикладная этика касалась, по преимуществу, профессионалов сферы информационных технологий и через их посредство – всех остальных людей. Сейчас профессиональная этика должна взаимодейство-

вать с другими видами прикладной этики в тех областях, где деятельность профессионалов затрагивает все общество.

Ответ на вопрос, о реалистичности притязаний прикладной этики на освоение новых ситуаций морального выбора, связанных в дигитализацией общества, зависит от ее способности выполнять свою функцию самоорганизации сообществ, занимающихся определенной деятельностью. Сообщества же эти со времен Аристотеля организованы политически, поэтому функционирование цифрового общества предполагает соответствующее преобразование властных отношений. Цифровое общество – по определению – является сетевым, а в сетевой структуре контроль изменяет свою направленность: все следят за всеми. В результате опасность тоталитаризма исходит как от авторитарных правительств, так и от трансконтинентальных корпораций, следящих за каждым шагом пользователя с целью собственного обогащения. Однако граждане также имеют возможность отслеживать разнообразные события, оказывать влияние и осуществлять контроль, создавая демократию цифрового мира. То, как может быть действенной прикладная этика, зависит от нового устройства политического и социального пространства. Как отмечают члены Сретенского клуба им. С.П. Курдюмова: «Сегодня встает вопрос не только о биоэтической экспертизе, но и о социальной экспертной оценке перспектив информационных технологий, где запреты и рекомендации будут обращены уже не на промышленные корпорации и рынки, а непосредственно к власти и обществу» [1, 25].

Итак, электронно-цифровое опосредование любых социальных отношений оказывается источником новых ситуаций морального выбора, требующих поддержки со стороны этики. Прикладная этика цифрового мира, во-первых, должна опираться на функционирование действенных социальных институтов. Поскольку взаимодействие становится все более анонимным и, главное, системным, то этичность поведения электронных устройств по отношению к человеку – это не вопрос личного морального выбора конкретного человека, а вопрос организации сети, «нравственности программного обеспечения». Во-вторых, она должна подняться на новый уровень междисциплинарности, соединяя биоэтику, инженерную этику, этику бизнеса и политическую этику в единый непротиворечивый комплекс. В-третьих, реализация этического в цифровом мире предполагает переосмысление концепции прав человека, которая до сих пор лежит в основе этического осмысления любой тематики в сфере высоких технологий. Человек вплотную подошел к способности изменять свою природу, саму сущность человеческого, направляя ее к антропологической катастрофе, перспективе трансгуманизма или (как

предлагается в последнем докладе Римского клуба) к Новому Просвещению. Концепции прав человека может оказаться недостаточно для этического регулирования в цифровом обществе. Поэтому прикладная этика, безусловно, должна прояснить свой общественный статус и способы реализации в новых областях, ощутить способность к самопреобразованию в меняющемся мире.

Список литературы

1. Введение в «цифровую» экономику / А.В. Кешелава, В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А. В. Кешелава; гл. «цифр.» конс. И. А. Зимненко. М. : ВНИИГеосистем, 2017. 28 с.
2. Кодекс этики для информационного общества. Париж, 2011 [Электронный ресурс] // UNESCO: [сайт]. [2002]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002126/212696r.pdf> (дата обращения: 26.04.2018).
3. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) (Заключена в г. Овьедо 04.04.1997) (с изм. от 27.11.2008) [Электронный ресурс] // University of Minnesota. Human rights library: [сайт]. [2012]. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rz37.html/> (дата обращения: 26.02.2018).
4. Кубрик Я.Ю. Информированность медицинского сообщества о цифровой медицине / Я.Ю. Кубрик // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2017. № 2(4). С. 28–32.
5. Новая этика: [сайт]. [2017]. URL: <https://etika.nplus1.ru/programmer/sluchai> (дата обращения: 23.04.2018).
6. Развитие цифровой экономики в России: программа до 2035 года [Электронный ресурс] // Сайт С. П. Курдюмова: [сайт]. [2001]. URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).
7. Столмен Р.М. Свободное цифровое общество [Электронный ресурс] // Операционная система GNU: [сайт]. [2015]. URL: <https://www.gnu.org/philosophy/free-digital-society.ru.html> (дата обращения: 20.04.2018).
8. Харари Ю.Н. Большинство людей не осознают, что происходит [Электронный ресурс] // Буквы: [сайт]. [2016]. URL: <https://bykvy.com/bukvy/84181-bolshinstvo-lyudej-ne-osoznayut-cto-proiskhodit-rechizrailskogo-istorika-v-davose> (дата обращения: 26.02.2018).

9. Щербо С.Н., Щербо Д.С. Медицина 5П: прецизионная медицина // Медицинский алфавит. 2015. №18. Т. 4. Современная лаборатория. С. 5–10.

10. *Sapurro R. Digital ethics* // Введение в «цифровую» экономику / А. В. Кешелава, В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А. В. Кешелава; гл. «цифр.» конс. И. А. Зимненко. М. : ВНИИГеосистем, 2017. 28 с.

11. Кодекс этики для информационного общества. Париж, 2011 [Электронный ресурс] // UNESCO: [сайт]. [2002]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002126/212696r.pdf> (дата обращения: 26.04.2018).

М.М.Рогожа

УДК 172.12:174:130.2(045)

О (не)реалистичности этико-прикладных проектов

Аннотация. В статье очерчиваются особенности прикладной этики, определенные в этическом дискурсе на постсоветском пространстве (приложение/конструирование этического знания для решения практических вопросов этического характера, адекватность этических ответов на запросы общественности). Особое внимание уделяется фактору общественности и его значению для развития этико-прикладных проектов. Отмечается, что в обществе с пассивной общественностью разработка этико-прикладных проектов осуществляется достаточно проблемно, и прикладная этика в большей степени выступает в качестве теории, чем ресурсом этических технологий в общественных практиках.

Ключевые слова: прикладные этики, этико-прикладной проект, общественность, запрос на этику.

Вопрос редактора «Ведомостей» о (не)реалистичности этико-прикладных проектов – это, по большому счету, вопрос о возможности морали быть действенным регулятором отношений между людьми в особых условиях и обстоятельствах современных профессионально и/или предметно определенных практик, а также о ресурсах этики создавать проекты. Вопрос, таким образом, выходит на природу прикладной этики. В русскоязычном этическом дискурсе эта проблематика стала предметом специальных исследований и широких обсуждений. В данном контексте важно подчеркнуть ряд существенных моментов, определенных в этом дискурсе.

Во-первых, принципиальная новизна прикладной этики в сравнении с традиционной (философской) состоит в том, что теория морали прямо смыкается с нравственной практикой общества, – как это зафиксировал А. А. Гусейнов в своем определении прикладной этики [5, 389]. Смыкание может происходить двумя способами – путем *приложения* готового этического знания к решению конкретных вопросов ценностно-императивного порядка или *конструирования* нового этического знания для этих целей. И хотя приоритетность способов вызывает споры исследователей, само их наличие определяет вторую особенность: в прикладной этике этическое знание не самоценно, оно важно лишь как инструмент решения конкретных проблем. Традиционная этика развивалась на уровне знаниевой составляющей, а прикладная – использует имеющийся арсенал этической

теории для решения проблем в определенной сфере общественной жизнедеятельности.

В-третьих, в прикладной этике определяющей становится адекватность ответа на поставленный вопрос. Прикладная этика не специализируется на исследовании каких-либо проблем как моральных, но концентрирует внимание на проблемах в том ракурсе, который является в данный момент ценностно-нагруженным в конкретной сфере общественной жизнедеятельности. Например, прикладную этику «информированное согласие» как моральная проблема занимает в той мере, в какой возникает запрос на его внедрение в качестве морального принципа в биомедицинскую практику; это означает применение этико-прикладных технологий (таких как разработка кодексов, консультирование, экспертиза), а так же важное, но не самоценное в прикладной этике, соответствующее обоснование его применения. Более того, запрос на такой моральный принцип возможен только тогда, когда патернализм отношения «врач-пациент» ставится под сомнение одной из сторон (в данном случае пациентами, и шире – общественностью как потенциальными пациентами).

Подобным образом формируются запросы в других профессионально или предметно определенных практиках. Этико-прикладные разработки изначально были сегментированы в соответствии со спецификой таких практик. Вследствие этого этические технологии формировались по-разному в каждом из сегментов. Поэтому ведут речь о конкретных *прикладных этиках* (экоэтике, биоэтике, академической этике и т.п.), и только в общей метадисциплинарной перспективе прикладных разработок – о *прикладной этике*. По определению, все прикладные этики реалистичны в том смысле, что этическое знание в них создается или адаптируется (имеющееся) для решения практических вопросов, когда на него есть прямой запрос. В таком контексте говорят об этико-прикладных *проектах*, то есть о намерениях разрабатывать новые планы и замыслы для решения конкретных проблем.

В-четвертых, важно понимать, кто является субъектом запроса на этико-прикладные разработки. Сегодня запрос на этику возникает преимущественно не изнутри профессий (первые этические правила, регулирующие профессиональную деятельность, возникли еще в античности), а извне. Стремительные трансформации в различных профессионально или предметно определенных практиках дают основание индивидам, на которых они направлены, сомневаться в способности профессионалов этих сфер адекватно решать возникающие в них проблемы ценностного порядка. Индивиды, осознающие себя вместе с другими равнодушными индивидами сплоченной группой

– общественностью, – активно включаются в формулирование требований к этическому содержанию профессиональной деятельности в рамках таких практик. Они становятся заинтересованной стороной в решении моральных проблем.

Важность фактора общественности для развития прикладной этики особо подчеркивала Л.В. Коновалова. Она вообще усматривала истоки поворота к прикладной этике в разного рода общественных движениях середины XX в. (за гражданские права в США, за мир, ядерное разоружение, охрану окружающей среды, общественные дискуссии по вопросам войны во Вьетнаме, студенческие выступления в Европе) [1, 39]. Описанный ею мир прикладной этики возник только потому, что была неравнодушная, активная общественность, заинтересованная в решении общественно важных вопросов этического характера.

Такие неравнодушные, активные индивиды, в силу различных причин заинтересованные в решении общественно значимых вопросов, рассматриваются в ставших классическими исследованиях Ю. Хабермаса. Если в «Структурном изменении публичной сферы» в центре его внимания находится историческая перспектива становления публичной сферы, он исследует общественность, частных лиц, собиравшихся вместе как публика [4], то в книге «Моральное сознание и коммуникативное действие» его внимание сконцентрировано на вопросах, возникающих в пространстве, в котором общается публика, заинтересованная в обсуждении общественно важных дел. Хотя во второй работе Хабермас фокусируется на условиях возможности универсальных моральных норм в дискурсе, имплицитно в ней заложена как способность публики формировать дискурс, так и само его наличие. Дискурс представляет собой не только средство образования и воспитания, он задает условия взаимодействия в обществе, способствует достижению консенсуса. Консенсус является основой общественного взаимодействия в публичной сфере.

Хабермас использует модель Л. Кольберга для исследования особенностей морального сознания индивидов, принимающих участие в дискурсе. Обсуждение (и далее – решение) общественных проблем посредством достижения консенсуса возможно на конвенциональном уровне, на ступени социальной системы и ее сознательного поддержания. Хабермас отмечает: «Эта ступень отличает общественную точку зрения от межличностных соглашений или мотивов. На этой ступени индивид принимает системную точку зрения, определяющую роли и правила игры. Он принимает во внимание отношения между индивидами с точки зрения того места, какое они занимают в системе» [3, 192]. В таком контексте обсуждение этически

значимых проблем в профессионально или предметно определенных практиках представляет собой обязанность индивидов, заинтересованных в благополучии общества. Индивид выходит за рамки ожиданий пристойного поведения своего непосредственного окружения (что характерно для третьей ступени конвенционального уровня); он задается вопросом: «Что если бы каждый поступил таким же образом?» – а сознание правильности выполнения обязательств придает социальную значимость его действиям и дает самоуважение [3, 185].

Обращение к идеям Хабермаса в данном контексте обусловлено авторитетностью его исследований публичной сферы как пространства взаимодействий общественности. Следует отметить, что в теории Хабермаса дискурс свободен от бремени действий, но сама его конфигурация дает возможность использовать преобразовательный потенциал этики – предоставлять инструменты, технологии, выявлять, внедрять и обосновывать ценностно-императивную составляющую исследовательских разработок. Б.В. Марков в очерке о творчестве Хабермаса отмечает, что тот стремится превратить дискурсивную этику в метод философии. «Этические требования из внешних суждений становятся конкретными рекомендациями, определяющими производство результатов, они встроены в дискурс и действуют внутри него, способствуют таким решениям, которые являются не только инструментальными, но и этическими» [2, 235]. Очевидно, что реализовать преобразовательный потенциал прикладной этики способна общественность, которая может в дискурсе приходиться к консенсусу по общественно важным делам и определять возможности совместных действий, оказывать давление на субъектов, принимающих решения ценностного порядка в определенных сферах общественной жизнедеятельности, решать таким образом проблемы этического порядка.

В связи с этим необходимо отметить один важный момент. Очерчивая пространство взаимодействий общественности, Л. В. Коновалова подчеркивала, что прикладная этика формируется тогда, «когда этические понятия и принципы становятся лозунгами митингующих, написанными на транспарантах демонстраций, акций протеста, массовых движений» [1, 3]. А Хабермас фиксирует на четвертой ступени конвенционального уровня ценностное основание для поддержания общественного строя и содействия благополучию общества. На этой ступени индивиды признают правильным исполнение взятых на себя общественных обязанностей как следование долгу, поддержание общественного порядка и благосостояния общества. Очевидно, что этический инструментарий здесь работает, в первую

очередь, на поддержание системы, а не на активацию гражданских протестных акций. В демократическом ключе Хабермас заявляет: «Законы должны охраняться, за исключением тех крайних случаев, когда они приходят в противоречие с другими четко установленными общественными обязанностями и правами» [3, 185].

Такие разноплановые задачи общественности – поддержание общественного порядка и участие в протестных акциях – характеризуют многогранность публичной сферы, в которой публика обсуждает актуальные проблемы. Насколько этически зрелой является общественность (и само общество, породившее ее и являющееся средой ее существования), настолько профессионалы, принимающие решения ценностного порядка в общественных практиках учитывают и ее позицию, и ее рекомендации. В обществах, где общественность пассивна (тот же Хабермас констатирует превращение актуальных со времени Модерна функций общественности в симулякры), а тем более в обществах, в которых критический настрой публики не получил достаточное развитие, общественные дискуссии по этически значимым вопросам состояться не могут в принципе. И специалистам по этике остается либо инициировать общественный дискурс по чуждой обществу проблеме, доказывая ее актуальность и своевременность в ином социокультурном контексте, либо заниматься научно-исследовательской работой по данному вопросу на основе «материалов западной литературы». Именно такой, по большому счету, и оказалась изданная в 1998 г. книга Л.В. Коноваловой «Прикладная этика».

Со времени публикации работы Коноваловой прошло уже 20 лет. За это время на постсоветском пространстве четко проявились региональные тенденции развития прикладной этики. Сложности с формированием гражданского общества, пассивность общественности, зачастую неразвитость критического настроения публики и вследствие этого – неспособность индивидов отстаивать свои права перед властью профессионалов, преимущественная неготовность объединяться с другими заинтересованными, равнодушными гражданами ведут к тому, что разработка этико-прикладных проектов представляется достаточно проблемной.

Прикладная этика на постсоветском пространстве является более метатеорией, рефлексией «притязаний прикладной этики», чем ресурсом технологий для этических преобразований в профессионально и предметно определенных практиках. Знаниевая составляющая остается доминирующей, четко прослеживается тенденция теоретизирования этико-прикладной проблематики. В связи с этим необходимо указать еще на одну местную тенденцию развития прикладной этики.

На постсоветском пространстве начало дискурса прикладной этики совпало по времени с активным освоением этико-прикладной проблематики представителями тех профессионально и предметно определенных практик, которые сами остро ощутили потребность в этических инструментах регулирования отношений в своих сферах. Пока философские этики пришли к осознанию необходимости включаться в разработку этических технологий, эти представители создали целые библиотеки публикаций, в которых совместили практико-ориентированные обзоры этических теорий, переводы современных западных авторов-прикладников и ценностно нагруженное описание существующей (а)моральной практики в какой-либо сфере. Ощущая недостаток этических технологий в региональном контексте, эти представители включились в разработку этической проблематики на основе своего опыта этической рефлексии, понимания этического наследия, возможностей его приложения в область своей деятельности, а также своего представления о необходимых этических технологиях. Они преимущественно работают на «материалах западной литературы», потому что в ней уже описаны алгоритмы решения вопросов ценностного порядка. Правда, эти алгоритмы предусматривают иной социокультурный контекст и общественность иного качества.

Например, в сфере экоэтики украинский природоохранник, В.Е. Борейко, с 1990-х гг. активно пишет и издает монографии, словари, справочники, учебники по экологической этике, переводы ведущих экоэтиков современности. Но его просветительская деятельность, равно как и природоохранная, скорее является единичным случаем, а не тенденцией гражданской активности в отстаивании экологических позиций. Действия активистов-природоохранников не находят широкой поддержки в обществе, хотя многие граждане страдают от экологических проблем в своих странах, и среди них есть те, кому импонирует деятельность экоактивистов. Однако тот же Борейко работает в общественной организации, но фактически является профессионалом из области охраны природы, принявшим необходимость этического регулирования в своей сфере и посвятившим этому свою жизнь.

Очевидно, что на постсоветском пространстве пассивность общественности не дает ей возможности сформулировать запрос на этико-прикладные проекты и соответственно – этикам-прикладникам реагировать на запрос и работать с этическими технологиями. В вопросе редактора «Ведомостей» упоминалось успешное использование этических технологий во времена перестройки, но тогда была

активная общественность и широкая поддержка ценностных преобразований в обществе.

Список литературы

1. *Коновалова Л.В.* Прикладная этика (по материалам западной литературы). Вып.1. Биоэтика и экоэтика. М.: ИФ РАН, 1998.
2. *Марков Б.В.* Мораль и разум // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. С. 287–377.
3. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2001. С. 173–286.
4. *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества / Пер. В. Иванова. М.: Весь мир, 2016.
5. *Этика.* Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.

Г.Л. Тульчинский

УДК 17; 378

**Чему может учить прикладная этика:
попытка систематизации контента**

Аннотация. Дигитализация труда проблематизирует прикладную этику. Возникает задача систематизации содержания прикладной этики в соответствии с организацией существующих этосов. Представлены три уровня организации содержания прикладной этики: национальный, профессиональный, корпоративно-стилевой этосы. Главной задачей преподавания прикладной этики становится формирование и взаимодействие этих этосов.

Ключевые слова: деловые культуры, прикладная этика, профессии, университет, этос.

В связи с интенсивной динамикой рынка труда и образования, проблематизацией и перспективами девальвации человеческого труда и соответствующего образования [8], не менее проблематизируется и тема трансляции прикладной этики. О каком контенте может идти речь? И кого учить этому контенту – людей или роботов, искусственный интеллект?

Представляется важным, для начала, провести концептуальную инвентаризацию этосов, имеющих прикладное значение. Разумеется, никакая прикладная этика не заменит в профессиональном поведении такие факторы, как личные качества, способности, история семейных отношений, статус и уровень благосостояния, конкретные жизненные цели. Но можно вычленивать уже доказавшие свое прикладное значение концепции.

Разумеется, содержание прикладной этики определяется родом конкретной деятельности, профессии. Но это содержание зависит и от нравственной культуры конкретного социума, в котором эта деятельность реализуется. А реализация конкретного профессионального этоса вписывается в конкретную корпоративную культуру, стиль руководства. Представляется, что данные уровни, условно говоря – «национальный», «профессиональный», «корпоративно-стилевой», и образуют три уровня организации контента прикладной этики. Проведем краткую «инвентаризацию» каждого из уровней.

Деловые этосы национального уровня

Наиболее полно содержание национальных этосов как систем ценностей (и их динамики) представлены в базе данных международ-

ного масштабнейшего исследования World Values Survey [12]. На ее основе за последние годы проведен и ведется ряд социологических и политологических исследований, позволяющих анализировать и сопоставлять базовые этосы, ценностные установки, связанные с различными национальными (гражданскими) идентичностями). [3, 4, 6,7]. Главное достоинство этих данных в том, что они позволяют проследить динамику национальных этосов за последние полстолетия.

Не меньший интерес представляет база данных исследований особенностей национальных деловых культур, разработанная на основе типологии культурных измерений, предложенной Г.Хофстеде [9, 10]. В ее основе лежат шесть параметров: дистанцированность от власти (степень зависимости от властных решений); индивидуализм (как противоположность коллективизму); настойчивость, готовность к соперничеству в достижении цели («маскулинность»); неприятие неопределенности; долгосрочность ориентации; допущение к открытости эмоций и удовольствиям (в противоположность жесткому социальному контролю). По этим параметрам определены индексы, выстроены шкалы и рейтинги, полезные в анализе и организации кросс-культурных деловых контактов, принятии конкретных решений. На эту типологию опирается также оценка и разработка экономических преобразований в национальном масштабе, а также корпоративных культур – для учета контекста национальных деловых культур места размещения.

Разработка типологии Г.Хофстеде началась и велась на первых порах на материале особенностей деловых культур офисов ИБМ в различных странах.

Еще более конкретную привязку к деловым отношениям и лежащей в их основе коммуникации имеет модель Р.Льюиса [11], в которой национальные деловые культуры выстроены в систему, в зависимости от степени их моноактивности, полиактивности и реактивности, а также отношения к фактору времени. Практическая ориентация модели и ее нацеленность на коммуникацию и профилактику/разрешение кросс-культурных конфликтов делает ее особенно полезной в проведении практических занятий, тренингов.

Выше названы только наиболее известные аналитики и модели национальных этосов. Их данные подтверждают, дополняют и развивают друг друга, что делает их полезными в процессах подготовки, повышения квалификации, в реальном консультировании и экспертизе.

Профессиональные деловые этосы

В этой связи достаточно перспективным выглядит подход, предложенный Л.Болтански и Л.Тевено еще в 1980-х и развитый позже Л.Болтански и Э.Кьяпелло [1, 2]. Подход этот был развит на основе широких эмпирических исследований деловых культур в разных сферах занятости. Сгруппировав эти сферы, авторы обозначили эти группы в августиновском смысле как «грады» (социальные миры, в которых вырабатываются специфические нормы, важные для социальной консолидации, а также представления об оценке достоинств (заслуг, уважения, признания, авторитетности).

Сами Л.Болтански и Л.Тевено выделяют несколько качественно специфических социальных миров (градов): мир вдохновения (le monde de l'inspiration); патриархальный мир (le monde domestique); мир репутации (le monde de l'opinion); гражданский мир (le monde critique); рыночный мир (le monde marchand); научно-технический мир (le monde industriel). Термин «мир» выглядит более привычным, хотя определенный смысловой потенциал имеется и в термине «град», выводящем в проблему гражданства (практически во всех европейских городах слово «гражданин» восходит к «горожанин» – буржуа, бюргер, мещанин).

Отличия между социальными мирами (градами) авторы связывают с параметрами соответствующего этоса: признание великим, высшим (etatdegrand); высший общий принцип; великое (высшее); достоинство; субъекты; объекты; формула инвестиции; протокол о величии; естественные отношения; формы гармонии; испытания; суждение; очевидность; падение.

Конкретизацию характеристик каждого из параметров по каждому этосу можно, ради наглядности, представить в виде таблицы.

Параметры	Миры					
	вдохновения	патриархальный	репутации	гражданский	рыночный	научно-технический
1	2	3	4	5	6	7
Высший общий принцип	Вдохновение	Род, иерархия, традиция	Мнение других	Коллектив, общая воля	Конкуренция	Результативность
Великое (высшее)	Необычное, спонтанное, волнующее	Воспитанность, преданность	Известность	Нормативный, законный	Пользуемый спросом, прибыль	Эффективный, надежный

Продолж. табл.

1	2	3	4	5	6	7
<i>Достоинство</i>	Творчество	Здравый смысл, привычка	Стремление к признанию, уважению	Гражданские права, участие	Интерес, спрос	Работа, сила, энергия
<i>Субъекты</i>	Дух, артист, художник	Вышестоящие (отец, король, шеф, семья) и подчиненные	Знаменитости, лидеры, их поклонники, представители, журналисты	Органы управления, представительства	Производитель, клиенты, конкуренты	Эксперты, специалисты
<i>Объекты</i>	Дух, тело, грезы, сон наяву	Статус, титул, знаки отличия	Имена, марки, реклама, PR, медиа	Права, законы, суды	Богатство, роскошь	Цели, средства, методы, программы
<i>Формула инвестиции</i>	Сомнение, бегство от привычек	Самоотречение, долг, обязанности	Открытость, публичность	Солидарность, борьба	Свобода, Открытость, динамичность	Прогресс, развитие
<i>Протокол о величии</i>	Гений, независимость	Уважение и ответственность, авторитет, честь, стыд, позор	Известность и узнаваемость, признание	Делегирование	Обладание, собственность	Знание, умение
<i>Естественные отношения</i>	Творить, открывать, мечтать, вообразать	Порождать, воспитывать, благодарить, уважать	Влиять, убеждать, привлекать, продвигать	Сплотить, мобилизовать, присоединиться, призвать, обсудить, уполномочить, обратиться в суд	Интересовать, покупать, продавать, торговаться, соперничать, договариваться, извлекать выгоду	Реализовывать, выявлять, учитывать, определять, измерять, решать, использовать, предвидеть, внедрять, оптимизировать

1	2	3	4	5	6	7
Формы гармонии	Вымысел, фантазия	Дом, семья, обычаи, приличия	Публичный имидж, целевая аудитория, позиционирование	Республика, демократия, представительские институты	Рынок	Организация, система
Испытания	Искания, духовный поиск, переживаемый опыт	Награждение, назначение, праздники (рождение, свадьба, кончина)	Специальные события, церемонии, презентации	Собрание, демонстрация, спор, судебное разбирательство	Сделки	Проверка, тест, внедрение, реализация
Суждение	Озарение, аура, удача, шедевр, переворот представлений	Доверять, ценить, упрекать, докладывать, информировать	Слухи, мода, рейтинги, резонанс, отклик	Голосование, выборы, мобилизация	Цена, стоимость	Правильный, эффективный, действующий
Очевидность	Интуиция, символы, аналогия, образы, знаки	Типичная история, пример	Известность, очевидность успеха	Текст закона, юридические нормы, устав, положение	Деньги, прибыль, результат	Измерение
Падение	Привычка, повторы, роль внешних факторов	Небрежность, ошибки, нескромность, завистливость, измена	Непризнанность, банальность, испорченная репутация, забытость	Разобщение, остаться в меньшинстве, незаконность, лишение полномочий	Невостремленность	Отношение к людям как вещам

Несомненно, возможны уточнения конкретизаций (операционализаций) параметров. Но главное – в этом подходе улавливается существенная специфика различных этосов со своими ценностно-нормативными установками, критериями оценки, признания успешности. Каждый из таких этосов связан со сформировавшимися в современной цивилизации кластерами деятельности, связанными с ними рынками труда. Открываются перспективы и кросс-культурных

исследований. Так, недавно проведенное по заказу Роснано исследование особенностей мотивации инноваторов в России, Кореи и Финляндии выявило различие доминирующих этосов в этой мотивации: если для финских стартаперов доминирует рыночный этос, а для корейских – научно-технический, то для российских – этос вдохновения. Бросается в глаза параллель между типами социальных миров (градов) Болтански-Тевено и типов власти, выделенных в свое время А.Кожевным, согласно которому в истории политической философии можно выделить несколько типов политического авторитета (Отца, Вождя, Судьи, Господина). В 1942 году он предложил на этой основе, пожалуй, наиболее детальную систематизацию чистых и смешанных типов власти [5], которая позволяет достаточно просто квалифицировать определенный политический режим с точки зрения характеристик реализуемого в нем этоса властных отношений. Подход Л.Болтански с коллегами позволяет дополнить эту типологию еще одним типом авторитета, свойственным информационному обществу и основанным на публичном капитале (*publicity* – известность и узнаваемость), который был и остается фактором, дополнительно подкрепляющим авторитет. Однако в современном информационном обществе этот вспомогательный фактор начинает теснить традиционные типы авторитета. И концепция Л.Болтански и Л.Тевено, вводящая отдельный социальный нормативный градус репутации, роль этого фактора учитывает.

Более того, можно говорить о различных типах конфликтов (в зависимости от того, нормы каких градусов приходят в столкновение), о конкретном рассмотрении возможностей и технологий их разрешения. На основе разработок Л.Болтански, Э.Кьяпелло, Л.Тевено, как представляется, вырисовывается подход к выработке модели и процедуры гармонизации профессиональных этосов – применительно к конкретному социуму на конкретном этапе его развития, в зависимости от особенностей исторического развития и расстановки сил в данном социуме.

Корпоративно-стилевые этосы

Тематика корпоративных (организационных) культур – их типологий, управления ими – самым широким образом представлена в литературе. Модели Э.Шейна, Дж. Зонненфельда, других авторов воспроизводятся в учебниках, практических руководствах. Поэтому в данном контексте не имеет смысла заниматься их перечислением. Достаточно обозначить этот хорошо разработанный фрагмент содержания и инструментов прикладной этики. Думается, что дополнительное внимание заслуживает тема стиля руководства.

На первый взгляд, тема стиля руководства заиграна и затерта до банальностей. Стили управления X и Y, предложенные Д.Макгрегором, традиционная триада авторитарного, демократического и либерального стилей руководства, их уточнения, развития и дополнения тоже хорошо известны. Вместе с тем важно понимать, что любая такая типология, какой бы она тонкой и изощренной ни была, не учитывает главное – стили не самодостаточны. Они складываются под воздействием ряда факторов.

Прежде всего, они зависят от вида деятельности. Без учета этого обстоятельства остается не понятным, почему в подавляющем большинстве успешные художественные руководители (главный режиссер, главный хормейстер, главный дирижер) – авторитарны, даже если они по своим взглядам и убеждениям демократы из демократов, каким был, например, Ю.Любимов, несколько раз увольнявший В.Высоцкого прямо на репетициях. Просто дело в том, что только художественный руководитель является носителем общего творческого замысла, идеи, которые зачастую только выстраиваются во время репетиции. И если главный дирижер начнет советоваться с треугольником (ну ладно еще – с альтом), это будет означать, что этого замысла у него просто нет.

Зависит стиль управления и от ситуации. На пожаре, в кризисе действия руководителя и команды радикально отличаются от действий в спокойной ситуации, например, выявления перспектив развития, обсуждения новых направлений.

Многое зависит от зрелости коллектива. В ситуации с молодыми неопытными новичками от руководителя ждут наставничества. А придет амбициозный автократ в сплоченный коллектив ценимых руководством профессионалов – быстро рога «обломают», а то и «съедят». Даже с разными работниками у руководителя складываются различные отношения – в зависимости от его возраста, опыта, фактов личной биографии.

Все это сказано только для того, чтобы подчеркнуть, что стилей руководства и соответствующих «микроэтносов» – континуум. Они не задаются, а складываются, могут меняться. Затеваешь нововведение, которое работники плохо понимают или не принимают вообще, и руководитель вынужден будет авторитарничать, вести разъяснительную работу. И – по мере снижения сопротивления – снижать контроль и делегировать полномочия. И наоборот, затеяв реорганизацию в сложившемся коллективе, где каждый имеет свою зону ответственности, знает, что делать, руководитель до этого занимающийся только представительством и работой на развитие, должен будет

отобрать некоторые полномочия работников и поднять степень контроля, эмоциональность и жесткость контроля и оценок.

Даже такой предварительный и беглый обзор показывает: прикладная этика имеет широкие возможности применения при подготовке специалистов как в образовательных структурах, так и в системе реквалификации. Можно и нужно учить, во-первых, конкретному профессиональному этосу, включая – академический. А во-вторых – тому, как складываются и взаимодействуют профессиональные этосы с национальными и корпоративно-стилевыми.

Список литературы

1. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011.
2. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. М.: НЛО, 2013.
3. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации как это меняет мир. – М.: Мысль, 2018. – 347 с.
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.
5. Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2007.
6. Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004.
7. Харрисон Л., Хантингтон С. (Ред.) Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: МШПИ, 2002.
8. The Future of Jobs and Jobs Training // <http://www.pewinternet.org/2017/05/03/the-future-of-jobs-and-jobs-training>. (Дата обращения: 08.12.2017).
9. Hofstede G. Culture's Consequences. L.: SAGE Publications, 2001.
10. Hofstede Geert, Hofstede Gert Jan. Cultures and organizations: software of the mind (Revised and expanded 2nd ed.). – New York: McGraw-Hill, 2005.
11. Lewis R.D. When Cultures Collide. Leading across cultures. Boston-London: NicolasBreal Intern., 2012. – 600 p.
12. World Values Survey. <http://www.worldvaluessurvey.org> (Дата последнего обращения 01.05.2018).

В.Ю.Перов, Д.Г.Кутаев

УДК 174

200-летию со дня рождения
К.Маркса посвящается

Проблемы трансформации университетской этики*

Аннотация. В статье исследуются особенности университетской этики в контексте трансформации современного высшего образования. В ходе исследования выявлено, что существующие в большинстве российских университетов «этические кодексы» носят формальный характер и остаются практически не востребуемыми (своеобразным исключением является СПбГУ). Проведен анализ ключевых моментов трансформации этических принципов «классического университета». Показано, что в результате формирования для университетов коммерческого «социального заказа» и внедрения информационных технологий в образование, положение преподавателя в структуре университета кардинально меняется. Преподаватель оказывается в положении социального отчуждения, которое было описано К.Марксом. В качестве главной этической проблемы зафиксирована потребность в изменении университетской этики и формировании этики университетского преподавателя, которая учитывает изменившиеся социальные требования.

Ключевые слова: классический университет, университетская этика, этический кодекс, автономия, отчуждение, трансформация высшего образования, университетская этика преподавателя.

Высшее образование в настоящее время претерпевает серьезные изменения. Появляются не только новые образовательные технологии (онлайн-курсы, информационно-коммуникационные технологии и т.д.), меняется подход к образовательному процессу (например, интерактивность, компетентностная модель и т.д.), трансформируются внутренние и внешние отношения университетской среды. Университетское образование во многом по-прежнему остается ключевым и завершающим этапом образовательного процесса, где на основе научных и технических достижений аккумулируются и развиваются как общие, так и специальные знания, приобретается профессия. Университеты являются институциями, которые реально выступают движущей силой высшего образования и до сих пор ассоциируются в общественном сознании с высшей степенью образования, наукой, новыми открытиями, достигаемыми социальными стату-

* (РФФИ №16-03-00388а-ОГН)

сом, возможностью социального лифта и т.д. При этом в современном обществе университеты сталкиваются со многими внешними вызовами, которые ставят под угрозу само существование университета в его традиционном понимании. Эти вызовы, выступающие технологическими, политическими, экономическими, социальными и т.д. факторами, влияющими на трансформации современных университетов, содержат и этическую составляющую. Она проявляется во взаимодействии студента и преподавателя, администрации и преподавателя, университета и коллективного заказчика в лице государства, работодателей и т.д., что составляет, в том числе, и предмет того, что в обобщенном виде может быть названо университетской этикой. Университетская этика является своеобразным «синтезом» прикладной и профессиональной этики. Профессиональная этика призвана выявлять моральные проблемы профессионального поведения в университетской среде, определять соответствующие этические нормы и необходимость следовать им. При этом, когда речь заходит об университетской этике, профессиональная этика научно-педагогических работников не может быть просто редуцирована к этике ученого плюс педагогической этике. В свою очередь, прикладная этика занимается проблемами, которые носят открытый, междисциплинарный характер и решает конкретные морально-проблемные ситуации, которые возникают в процессе трансформации университетской среды в целом, в связи с тем, что меняется само общество и появляются новые научные и технические достижения. Но и в этом случае она не может быть полностью редуцирована к этике науки или образования. Общим для понимания университетской этики и в качестве профессиональной, и в качестве прикладной является тенденция ее кодификации.

За последние годы практически все российские университеты «обзавелись» документами под общей темой «этический кодекс», вне зависимости от того, как они фактически называются, поскольку спектр наименований достаточно широк («этический кодекс», «моральный кодекс», «университетский кодекс», «кодекс академической этики», «корпоративный кодекс», «кодекс корпоративной этики» и т.д.). Кажущееся изобилие кодексов и распространенность университетской этики исчезают даже не под пристальным, а под беглым взглядом (что, кстати, делает практически бессмысленной попытку их содержательного теоретического исследования и анализа практической состоятельности), поскольку обнаруживаются следующие обстоятельства.

В большинстве случаев речь идет о двух-трех вариантах «этических кодексов», из которых или механически комбинируется какой-

то свой вариант, теряющий при этом цельность и последовательность, или просто копируется исходный, иногда меняя зачем-то название, и он выдается за собственную разработку. Конечно, можно возразить, что подобное положение вызвано схожестью моральных проблем, существующих в современных российских университетах, что, в свою очередь, предполагает и схожесть их решений в виде принятия «этического кодекса». Но этот аргумент нельзя признать убедительным в свете дальнейших рассуждений.

На сайтах (а на сегодняшний день именно они являются главным публичным источником информации о деятельности любой организации) подавляющего числа российских университетов найти текст «этического кодекса» практически невозможно. Для этого, чаще всего, нужно точно знать название указанного документа и его реквизиты, но и это знание не всегда помогает. Еще меньше шансов найти «следы» использования этого кодекса в любом из возможных вариантов: обращение к его положениям в каком-то контексте, решения этической комиссии, призванной обеспечивать его соблюдение (если такая, конечно, существует), или что-то подобное. В редких случаях этический кодекс оказывается «задействованным», когда возникшая ситуация приобретает характер публичного скандала, и руководство университета вынуждено его использовать в демонстративных целях по принципу «сигнал поступил – меры приняты». Такое положение дел свидетельствует о следующей тенденции: этические кодексы, если и создаются, то только «для проформы», и степень их востребованности «стремится к нулю». И это при том, что вряд ли кто-то будет утверждать, будто современная университетская жизнь и само существование университетов свободно от моральных проблем, требующих целенаправленных усилий по их разрешению.

Справедливости ради следует отметить, что в деле функционирования этических кодексов в российских университетах есть по крайней мере одно, пусть не бесспорное, но заметное исключение. В Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ) существует этический документ, под названием «Кодекс универсанта» (кстати, имеющий уже не первую редакцию, что обычно свидетельствует о наличии интереса к документам подобного рода), и действует Комиссия по этике. Поскольку в задачу данной статьи не входит ни детальный анализ самого Кодекса, ни деятельности Комиссии (в отношении последнего это сделать крайне затруднительно по причинам, которые будут указаны ниже), то стоит кратко остановиться на наиболее показательных моментах.

1) «Кодекс универсанта» на сайте СПбГУ представлен в перечне основных нормативных документов (Устав СПбГУ, Лицензия на

право ведения образовательной деятельности. Свидетельство о государственной аккредитации, Правила обучения и т.д.) [7]. Тем самым подчеркивается определенный статус Кодекса в качестве базового документа, регламентирующего деятельность университета.

2) На сайте существует специальная страница, на которой представлен не только состав Комиссии по этике СПбГУ, но опубликованы все протоколы с решениями [8]. За все время её существования, с 2011 года по настоящее время, было принято более 30 решений по этически спорным вопросам, которые впоследствии, согласно Уставу СПбГУ, утверждались на ученом совете университета. Помимо публикации на сайте, существует практика информирования о принятых решениях универсантов посредством корпоративной почты.

3) Кроме этого, на сайте СПбГУ существует специальная страница, на которой представлен обзор деятельности Комиссии по этике и принятых решений [6].

Несмотря на кажущуюся «этическую идиллию», ситуацию с работой Комиссии по этике в СПбГУ нельзя признать бесспорной.

Во-первых, к сожалению, «широкой общественности» оказываются доступны только результирующие документы в виде окончательных решений, в которых сама суть этического конфликта зачастую описана предельно общим образом. В связи с этим, оказывается невозможным проанализировать по существу и оценить характер обращений, позиции конфликтующих сторон, представленные в Комиссию материалы и аргументы, на основании которых принималось соответствующее решение. И речь идет не только об исследовательском интересе для «философов-этиков». Практическое значение «открытости» этических комиссий обусловлено, с одной стороны, тем, что ее главной задачей является не столько наказание, сколько поддержание, в данном случае, стандартов университетской этики. А это возможно лишь тогда, когда субъекты профессиональных отношений ясно понимают этические границы дозволенного/недозволенного поведения, а для этого необходимо владеть как можно большей информацией об основаниях решений в сфере этики. С другой стороны, ситуация любого, в том числе и нравственного конфликта, сопровождается большим количеством ложной или сомнительной информации, прямо или косвенно распространяемой участниками этого конфликта. Отсутствие же если не бесспорной, но хотя бы информации, удостоверенной Комиссией, служит основанием для подозрений к этической безупречности принимаемых решений.

Во-вторых, достаточно странным выглядит отсутствие у Комиссии официального регламента работы, порядка подачи обращений, сроков их рассмотрения и принятия решений. В связи с этим,

бывали случаи, когда обращения оставались не только без рассмотрения, но даже без объяснения причин и информирования об отказе, что подрывает доверие к ней в глазах университетской общественности. Нет сомнений, что изменение указанных обстоятельств способствовало бы деятельности Комиссии в решении вопросов о поддержании университетской этики.

Несмотря на изложенные критические замечания, следует признать, что работа в области университетской этики в СПбГУ существенно отличается от того, что происходит в этой области в других университетах, хотя бы потому, что эта работа имеет место быть, а в других данная деятельность почти или полностью отсутствует, по крайней мере в качестве систематической и целенаправленной. Поэтому, возможно, и следует согласиться с риторически сформулированной В.И.Бакштановским идеей о не реалистичности и утопичности университетской этики, по крайней мере в ее действенном практическом и прикладном вариантах. В качестве одного из возможных стоит предложить вариант, который не претендует на исчерпывающее объяснение, но затрагивает существенные моменты современного состояния университетской этики и отношения к ней.

В настоящее время происходит трансформация «классического университета» к другим формам, организациям и институтам высшего образования, в то время как нормы и ценности практически всех «кодексов» университетской этики ориентированы именно на идеалы «классического университета». Хотелось бы сразу оговориться – речь не идет о том, что нужно «отринуть всё старое», но изменяющиеся, а зачастую уже изменившиеся, условия требуют если не пересмотра, то по крайней мере уточнения и корректировки существующей модели. Для обоснования сформулированного гипотетического предположения, во-первых, стоит рассмотреть понимание «классического университета» и его современное состояние; во-вторых, учесть как происходящие изменения сказываются на ключевых отношениях университетской жизни, а следовательно, и ее этических нормах и ценностях.

Термином «классический университет» в отечественной традиции обычно связывают с идеалом так называемого «гумбольдтского университета» и теми характеристиками, которые ему приписываются: принципиальная академическая свобода и синтез преподавательской и исследовательской деятельности, самоценное занятие наукой, высокая степень автономности от государства. При этом университет как структура всегда предполагает преемственность в развитии. Соответственно, модель, которая сформировалась, была компромиссной для того времени, противостоящей средневековым це-

ховым университетам и удовлетворяющей растущие потребности государства и общества в образованных людях при постулировании академической свободы в контексте соединения образования и науки. В зависимости от исторической, социальной и политической конъюнктуры данная модель в отдельные периоды и в разных странах трактовалась по-разному, но заложенные в ней конструктивно остаются актуальными до сих пор. В основе того, что называется университетом, лежит идея универсального рационального знания и культуры. «Проблема универсалий как проблема рационального мышления в Античности, уже в Средние Века приводит к зарождению первых университетов как культурно-образовательных сообществ. Знание, истина, ратцио и логос становятся понятиями, трансформирующими университет как целое. Таким образом, сформировалась «идея университета» определившая его сущность и существование. Далее Просвещение определяет университет именно как классический» [3, 15]. Исторически университетское образование не было всеобщим или обязательным, оно являлось прерогативой только отдельных социальных классов, но при этом служило функцией социального лифта и обеспечивало основы для максимально широкой социальной мобильности, поскольку предполагало ориентацию именно на науку и образование, в минимальной степени ориентируясь на то, что в предельно общем виде может быть названо «как потребности рынка труда», понимаемого в качестве политического или экономического «социального заказа». *«Классический университет всегда был местом опережающего развития высшего и послевузовского образования, точкой роста и зарождения научных и педагогических инноваций».* С другой стороны, *классическое университетское образование всегда отличалось тем, что оно выходило за пределы знаниево-умениевых и компетентностных результатов»* [4, 108].

Сформированные в ходе исторического развития этические нормы и ценности «классического университета» оказались зафиксированными в The Magna Charta Universitatum (Великая Хартия Университетов), которая была подписана представителями 816 университетов из 86 стран в честь 900-летия основания старейшего из европейских – Болонского университета (хотя на эту «пальму первенства» небезосновательно претендует и Парижский университет).

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ

1. Университет является автономным учреждением, лежащим в основе обществ, по-разному организованных в соответствии с особенностями географии и историческими традициями; он создает,

изучает, оценивает и передает из поколения в поколение культуру при помощи научных исследований и обучения. Чтобы соответствовать требованиям окружающего мира, эти исследования и обучение должны быть морально и интеллектуально независимы от всех политических властей и экономического давления.

2. Обучение и исследования в университетах должны быть неразделимы, если их преподавание не отстает от изменяющихся потребностей, запросов общества и успехов в научных знаниях.

3. Свобода в исследованиях и профессиональной подготовке есть фундаментальный принцип университетской жизни, и правительства, и университеты, каждая в своем направлении, должны уважать это фундаментальное требование. Отвергающие нетерпимость и всегда открытые для диалога, университеты представляют собой идеальное место встреч для преподавателей, где можно поделиться своими знаниями и хорошо подготовиться для их развития с помощью исследований и инноваций, а также для студентов, имеющих право, возможности и желание повысить свои знания.

4. Университет является хранителем традиции европейских гуманистов; его постоянной заботой является достижение универсальных знаний; для выполнения своего предназначения он действует вне географических и политических границ и утверждает жизненную потребность различных культур познавать и влиять друг на друга [8].

В настоящее время происходит трансформация как самой идеи, так и практики «классического университета», чем бросается вызов и актуальности изложенных «фундаментальных ценностей». Основная проблема, которая стоит перед университетом в связи с его трансформацией, это – противоречие между идеей классического университета, в его традиционном понимании, и иными научными, социокультурными, политическими, экономическими, технологическими и т.д. условиями. В частности, происходит массовизация высшего образования, появление новых технологий и широкий доступ к информации; усиливается научная специализация и – как следствие – возникает необходимость ускоренного обновления методологической, научно-теоретической, лабораторной базы; растут социально-политические и экономические требования к университетам; возникает глобализация и перераспределение научных работников в мировом масштабе, растёт число корпоративных и частных исследований с закрытыми результатами, охраняемыми патентными правами. Более того, складывается ситуация, при которой сама идея универсальности знания, на которой базируется «гумбольдтовская модель», подвергается критике. Появляются новые модели и формы образовательных организаций. Например, в современной России идет про-

цесс активного создания и апробации различных форм организации университетов: классические университеты, научно-исследовательские, опорные и т.д., чьи организационные формы специфическим образом накладываются и сочетаются с педагогическими, экономическими, инженерными, техническими, медицинскими и прочими высшими учебными заведениями, получившими название «университеты». Подобная «мультипликация» университетов, пусть и в других формах, соответствует и общемировым тенденциям развития высшего образования. Так, например, Б.Р.Кларк в работе «Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации» прилагает следующий перечень того, во что, по его мнению, должны трансформироваться университеты: «кампусный университет», «ответственный университет», «университет без границ», «сфокусированный университет», «гибкий университет» [5, 93-94]. И своеобразным «венцом» такого многообразия должен стать «фондовый университет», который путем гибридного финансирования (государственное и самофинансирование) способен добиться внешней автономности [2, 135]. В результате всего этого университет, по крайней мере «классический», в глазах общественного мнения во многом теряет свой особый привилегированный статус и приоритет на получение и распространение универсально востребованных знаний.

В этическом контексте в современном обществе классический университет претерпевает изменения, прежде всего связанные с его автономностью, которая выступает не только его сущностной характеристикой, но, в значительной степени, этическим императивом и идеалом («университет, чтобы считаться настоящим университетом, должен быть автономным»). Меняется классическая форма деления на дисциплины, вместо этого возникают образовательные программы, появляется запрос на массовые и доступные, в том числе интерактивные формы преподавания. Университет меняется: структурно и функционально. Современный университет – это «мультиверситет – включает широкий спектр различных видов деятельности. Среди которых как ключевые функции и вторичные виды деятельности, так и социально-экономические изменения, которые непосредственно сопутствуют его деятельности» [2, 33].

Быстрые социальные изменения и темпы научно-технического прогресса с необходимостью сказываются на высшем образовании в нескольких контекстах: *во-первых*, оно количественно скачкообразно выросло за последние десятилетия, так как для высокотехнологического производства требуется больше квалифицированных специалистов, а еще и потому, что произошла массовизация образования. К

тому же система высшего образования стала выполнять политическую функцию «социального сдерживания». В качестве социального института высшее образование стремится вобрать в себя как можно большее количество молодых людей для «купирования» потенциальной протестной активности и воспитания лояльности к политической и экономической власти

Во-вторых, происходит трансформация образования, понимаемого в качестве социального блага, смысл которого не только в заинтересованности и поддержании со стороны общества в лице, например, государства, но и общедоступность его результатов. В традиционном понимании классического университетского образования воплощен своеобразный парафраз этики утилитаризма: «чем больше будет хорошо образованных людей, тем лучше будет всем». В условиях превращения высшего образования в коммерчески ориентированный «социальный заказ» и сферу услуг, происходит трансформация социального блага в частное, вся польза от которого достается «получателю», то есть тому, кто заплатил за эти услуги, осуществил инвестиции или капиталовложения. *В-третьих*, все возрастающая роль информационных технологий, приводит к нарастающему отчуждению (в классическом понимании К.Маркса об отчуждении труда со всеми его характеристиками). Наиболее очевидным образом это проявляется в следующем.

А. Появление и широкое распространение новых образовательных технологий «открытого образования» (дистанционное образование, MOOC (Massive Open Online Courses – Массовые открытые онлайн-курсы). Даже если отвлечься от вопросов качества получаемого таким способом образования, возникает отчуждение педагогического труда. *С одной стороны*, в силу того, что само создание онлайн-курсов происходит по заданному технологическому шаблону: не преподаватель уже определяет способ преподавания на основе своих знаний и профессионального опыта, он вынужден подгонять его под «прокрустово ложе» компьютерной программы. *С другой стороны*, будучи созданным как «продукт на продажу», дальнейшее существование онлайн-курса уже не нуждается в данном преподавателе как его создателе, то есть он будет существовать отчужденным способом. Сама исходная идея онлайн-образования состоит в том, что использовать и сопровождать процесс онлайн-обучения могут люди с более низким уровнем образования и квалификации. И *последнее*, процесс образования полностью лишается «личностного компонента». На место отношений «человек-человек» становится отношение «человек-машина», что также является одним из признаков господствующего отчуждения.

Б. Использование информационных технологий привело к существенным изменениям трудовых отношений в университетах. Трудоустройство, получение степеней и званий, карьерный рост и т.д. в современных российских университетах всё в большей степени ориентированы на библиометрические (количественные), чем на экспертные заключения коллег-профессионалов (качественные показатели). Оставляя в стороне вопросы о значимости библиометрии, в контексте нарастающего отчуждения хотелось бы обратить внимание на то, что все существующие библиометрические базы данных *не являются составной частью науки и высшего образования, то есть являются внешними, а во многом и чуждыми по отношению к ним*. Это означает, что ни научные учреждения, ни университеты, ни, тем более, ученые и преподаватели, никак не могут влиять на их деятельность. Это приводит к тому, что, попадая в эти базы данных, результаты научной деятельности становятся отчужденными от их авторов. Известны многочисленные случаи, когда в результате технической ошибки, программного сбоя или по необъясненной причине (а владельцы и сотрудники этих баз данных не обязаны отчитываться перед авторами) опубликованная статья, а иногда и целый номер какого-то журнала, «выпадают» из библиометрической базы или аффилируются с другим автором. Казалось бы, что в этом страшного? Статья есть, она – опубликована, есть автор, выходные данные, можно прочитать, оценить содержание и качество работы. Но в результате социального отчуждения, спровоцированного информационными технологиями, всё это не имеет никакого значения: «нет в базе данных, значит, не существует». И никакое квалифицированное экспертное мнение профессионального университетского сообщества не в состоянии повлиять на позицию администрации университета. Более того, проводя дальнейшие аналогии с процессом отчуждения, стоит обратить внимание, что для конкурсных условий на педагогические должности количественные, в том числе и библиометрические условия, по воле администрации постоянно растут, что очень напоминает «потогонную систему» классического капитализма.

Указанные обстоятельства, связанные с растущим отчуждением научно-педагогической деятельности, приводят к выводу, что в современном обществе автономию теряют не только сами университеты, но и преподаватели, превращаясь в наемного работника «коммерческой образовательной корпорации». В современном обществе еще в большей степени оказываются справедливыми слова К.Маркса и Ф.Энгельса в «Манифесте Коммунистической партии»: «Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговей-

ным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников» (1, 427). В таких условиях образование становится услугой, которую оказывает преподаватель, а администрация оплачивает труд преподавателя как наемного работника. При этом, остается не до конца понятным, кому оказывается эта услуга: студенту? обществу в лице государства? работодателю в лице руководства университета? некоему «потенциальному» работодателю? Фактически получается, что администрация университета просто собрала всех преподавателей вместе, предоставляя возможность использовать интеллектуальный потенциал преподавательского состава неизвестному потребителю, чьи интересы далеко не всегда совпадают, а зачастую, и противоречат друг другу.

Как и в случае «фабричного рабочего» времен К.Маркса, сегодня на преподавателя ложится основная работа, но при этом он практически полностью лишен возможностей оказывать влияние на итоговый результат. В силу специфики организации учебного процесса в университетах именно на преподавателя ложится основная ответственность за качество преподавания, хотя, в строгом смысле слова, сам преподаватель ничего не продает. Претензии о некачественно оказанной образовательной услуге необходимо предъявлять к администрации вуза, а не преподавателю, но существующие требования именно его делают ответственным. Современный преподаватель лишен возможности влиять и на образовательную политику вуза, поскольку в ведущих российских университетах выборы ректора отменены официально, а в остальных превратились в формальность, поскольку перечень кандидатур определяется в Минобрнауке РФ, а полномочия ученых советов сократились настолько, что говорить о каком-то университетском самоуправлении не представляется возможным. Теперь преподаватель находится в роли наемного работника, имеющего одни обязанности и практически лишенного прав на процесс и итоги своей профессиональной деятельности, которая выступает по отношению к нему отчужденной силой, персонифицированной в лице администрации университета. Эти процессы зашли настолько далеко, что теперь никого не удивляет, что в обязанности преподавателя вменяется «подрабатывать на стороне» в виде участия в грантах, проектах и т.д. Уже стало нормой, что в критерии аккредитации университета внесены пункты о том, сколько дополнительного дохода должно приходиться на одного преподавателя, а с преподавателей некоторых университетов администрация требует дополнительно заключенных договоров на проведение научных исследований в конкретных суммах.

Хотелось бы отметить, что описание сложившейся ситуации не подразумевает «ностальгию» по «золотому веку» классических университетов. Целью было зафиксировать то, что современный университет уже перестал быть «классическим», по крайней мере в нормативном отношении. Но это означает, что возникают иные отношения как внутри университета, так и в его взаимодействии с обществом, что требует переосмысления и этики данных отношений, то есть изменения университетской этики.

В современном обществе университет теряет свою идентичность, ассоциируя себя с корпоративным сегментом экономики, например, со знаниевой корпорацией. В свою очередь, это объективно нарушает весь внутренний механизм работы классического университетского этоса, в котором преподаватели добровольно, щедро и практически безвозмездно используют свои знания и умения, тратят свое время, помогая университету, коллегам, студентам, выполняя тем самым свою социальную миссию. Проблема в том, что существующие этические кодексы требуют именно таких взаимоотношений, превращаясь тем самым в «нереалистическую утопию». При этом речь не идет о том, что нужно «отбросить» классический университетский этос. Необходимо осознание современного, относительно «отстраненного» по отношению к университету положения преподавателя, и формирование самостоятельной университетской этики, которая, базируясь на этических ценностях и традициях классического университета, учитывала бы и современные реалии: положение преподавателя как наемного работника, библиометрию, онлайн-образование, пруденциальный интерес в науке и высшем образовании и т.д. Формирование такой университетской этики и закрепление ее в этических кодексах, с одной стороны, будет способствовать решению возникающих этических проблем и разрешению нравственных конфликтов, с другой – повысит роль и потребность в этике в университетском сообществе. Более того, формирование собственной этики университетского преподавателя, базирующейся на автономии научного знания и педагогического опыта, позволит выстроить отношения, в которых именно преподаватель будет занимать достойное место в университетской жизни.

Список литературы

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений, 2-е изд., М., т.4.
2. *Коллини С.* Зачем нужны университеты? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

3. *Петрова Г.И.* Классический университет в неклассическое время. Томск : Изд-во Научно-технической литературы, 2010.
4. *Остапенко А.А, Ткач Д. С., Хагуров Т.А.* Останется ли классический университет классическим?// Классический университет: вызовы времени и пути развития (колл. монография под общ. ред. Д. С. Ткач), Краснодар: Парабеллум, 2014.
5. *Кларк Б.Р.* Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации». М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2011.
6. Как решаются в Университете этические вопросы? [Электронный ресурс]. URL: <https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/kak-reshayutsya-v-universitete-eticheskie-voprosy> (дата обращения 10.05.2018).
7. Кодекс Универсанта [Электронный ресурс]. URL: (<https://spbu.ru/openuniversity/documents/kodeks-universanta>) (дата обращения 10.05.2018).
8. Комиссия по этике [Электронный ресурс]. URL: <https://spbu.ru/topics/562> (дата обращения 10.05.2018).
9. The Magna Charta Universitatum (has been signed by 816 Universities from 86 countries 18 september 1988, Bologna, Italy) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magna-charta.org> (дата обращения 10.05.2018)

А.А.Гусейнов

УДК 171.0

Золотое правило нравственности по Конфуцию

Аннотация. В статье рассматривается опыт теоретического и нормативного осмысления «золотого правила» в учении Конфуция. Данное правило интерпретируется как один из древних и типичных ответов на вопрос: «Что я должен делать?», обозначающий предметную область этики. Основной упор сделан на анализ того, как «золотое правило» связано с ритуалом и в какой мере его можно считать правилом взаимности. Автор связывает его с идеей автономии личности.

Ключевые слова: Конфуций, «золотое правило», снисхождение, взаимность, ритуал, добродетель, Кант.

Как известно, Кант выделил три вопроса, ориентирующих на последние цели человеческого разума: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я смею надеяться?». Он относил их к более общему вопросу: «Что такое человек, полагая?», что в своей философски осмысленной целостности они дают ответ на него [1, 232]. В этом рассуждении Канта важны и сами первые три вопроса и их отнесенность к четвертому вопросу. В первых трех фиксируются изначальные атрибутивные измерения человеческого бытия, составляющие пространство применения разума, а именно: познание, деятельность, вера. Одновременно в них формулируется задача определения границ, возможностей разума в каждой из этих сфер в качестве условия адекватности его применения. Их соединение в четвертом вопросе означает, что они суть моменты одного и того же человеческого разума. Дело не только в том, что в реальном опыте сознательной жизни познание, деятельность и вера никогда не существуют порознь, они изначально и неразрывно связаны между собой. Не менее важно и другое: каждый из этих трех аспектов, рассмотренный сам по себе в его аналитической выделенности, не может быть адекватно понят вне его соотносительности и конкретной связанности с двумя другими.

В рамках этики для нас важен второй вопрос («что я должен делать?»), выделяющий ее предметную область – деятельность (сфера человеческих поступков) в качестве одного из аспектов человеческого бытия, подотчетного разуму и требующего осознания пределов возможностей последнего. Этим вопросом охватывается в качестве этического тот аспект человеческого бытия, который зависит от самого действующего индивида, его решения делать то, что он

делает. Одним из самых древних, широко распространенных и глубоких ответов на него является правило, получившее впоследствии название «золотое». Объединенное в своей негативной и позитивной формулировках, оно звучит следующим образом: (не) поступай так, как ты (не) хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе.

«Золотое правило» присутствует во всех великих культурах, дошедших до наших дней и составляющих цивилизационное богатство человечества. По всей вероятности в каждой культуре оно возникало каждый раз заново. Его происхождение возводится к общепризнанным учителям мудрости и описывается в качестве одного из важнейших нравственных уроков, который они преподают в ходе ответа на вопрос, чем следует руководствоваться в своей жизни человеку, который хочет прожить ее правильно. Рассмотрим один из первых опытов его теоретического и нормативного осмысления, связанный с именем Конфуция (551-479 до н.э.).

* * *

В знаменитом собрании суждений и бесед Конфуция «Лунь Юй» читаем: «Цзы Гун спросил: Существует ли одно такое слово, которым можно руководствоваться всю жизнь? Учитель ответил: Это слово – снисхождение. Не делай другим того, чего не пожелаешь себе» (15:24). Шу – это одна из важнейших категорий конфуцианской этики, придающих ей внутреннюю целостность. Она, согласно ставшему общепринятым мнению Цзэн-цзы, одного из самых любимых и талантливых учеников Конфуция, является важнейшей конкретизацией пути Учителя. «Учитель сказал: Цзэн! Мой Дао-Путь пронизан единым. Цзэн-цзы ответил: Воистину! Когда Учитель вышел, ученики спросили: Что это значит? Цзэн-цзы ответил; Путь учителя включает лишь два понятия: чжун – верность и шу – снисхождение» (4, 15). Если верность понимать как верность государю, основную политическую добродетель, то снисхождение («золотое правило»), задающее отношение к людям, выступает как основная нравственная добродетель. Мудрость Конфуция заключалась в органичном соединении политики и морали, иерархичности отношений между людьми с их взаимной уважительностью. Соответственно правило, задающее основ-

* Термин «Шу», переведенный Л.С.Переломовым как «снисхождение», смысл которого раскрывается в сформулированном правиле и которое в этом смысле является его обозначением, другими авторами переводится на русский язык как «взаимость», «великодушие», «сострадание», «забота о людях», «совесть».

ную моральную установку человека и диспозицию его отношения к другим людям, являлось одной из опор конфуцианского мировоззрения.

Конфуций не только выделил «золотое правило», дав его лаконичную формулу, одновременно он обозначил его центральное место в моральном становлении человека. Это место определялось тем, что правило указывает путь, направление сознательных человеческих усилий, нацеливает человека на нравственное совершенствование. Оно имеет в виду не какие-то конкретные действия, а общее основание их выбора. Важно подчеркнуть: речь шла не о выработке какого-то определенного психологического навыка или усвоении логического приема, которые, однажды усвоенные, позволяли бы находить правильные решения в трудных ситуациях. В этом отношении примечателен следующий диалог: «Цзы Гун сказал: Я не хочу, чтобы люди обманывали меня, и сам я также не буду обманывать людей. Учитель сказал: Цзы! Ты никогда не добьешься» (5, 12). Скептическое утверждение учителя в данном случае вряд ли можно трактовать как сомнение в личных способностях Цзы Гуна, одного из самых его талантливых и преданных учеников. Оно касается понимания существа дела. Его можно понять так, что смысл «золотого правила» нельзя сводить к процедуре выравнивания требований к себе и другим, как делал Цзы Гун, вообще нельзя трактовать как некое искомое состояние. Конфуций подчеркивает тот наиважнейший момент, согласно которому нравственность и «золотое правило» как ее квинтэссенция означает постоянное душевное бодрствование, такую нацеленность на совершенствование, при которой никогда нельзя сказать: я достиг цели. Конфуций избегал ответа на вопрос, кого можно назвать человеколюбивым и благородным мужем, полагая, что это труднодостижимо. Описывая собственный путь нравственного развития, он отметил, что только в семьдесят лет смог добиться того, чтобы соблюдение правил и следование желаниям сердца находились в согласии друг с другом.

Снисхождение («золотое правило») наряду с верностью, как отмечалось, образуют единую основу всего этико-политического учения Конфуция. Верность характеризует добродетельность поведения в том, что касается общественной вертикали, отношений человека как нижестоящего к вышестоящим (подданного к государю, детей к родителям, младших к старшим и т.д.). «Золотое правило» задает линию добродетельного поведения в том, что касается общественной горизонтали, отношений человека к другим людям в многочисленных постоянно меняющихся непосредственных жизненных ситуациях. Оно ориентирует на то, чтобы человек во всех ситуациях оста-

вался ответственным субъектом действия, который независимо от людей и обстоятельств не делает другим того, чего себе не желает, при всех ситуациях сохраняет нравственную цельность. В этом отношении примечателен один эпизод из жизни Конфуция и его общины. Он с учениками, как известно, много путешествовал, переходя из одного царства в другое; однажды во время такого перехода они, попав в зону военного конфликта, оказались в плену, были лишены возможности передвижения и остались без пищи. Ученики, изнуренные голодом, болезнями, начали падать духом, сам же Конфуций сохранял обычную бодрость, делал наставления, читал на память старинные тексты, пел песни, не видел оснований для уныния. Тогда состоялись примечательные беседы между ним и учениками о том, почему они оказались в такой беде, которую навлекли на них другие люди, не свидетельствует ли она об ошибочности учения, и как себя вести в таком положении. Одна из них, резюмирующая всю конфликтную ситуацию, воспроизведена в «Лунь Юйе»: «Во время пребывания в Чэнь иссякло продовольствие. Все сопровождавшие, изнуренные голодом, не могли подняться. Цзы Лу раздраженно спросил: Может ли благородный муж оказаться в безвыходном положении? Учитель ответил: Благородный муж, оказавшись в безвыходном положении, проявляет стойкость, маленький же человек в безвыходном положении становится безрассудным» (15:3). «Золотое правило» и есть правило, которое нацеливает на внутреннюю стойкость, а не на внешние правила, даже если сами по себе они являются совершенными. В описанном эпизоде среди сопровождавших был и Цзы Гун. Он, как пишет Сыма Цян в своем подробном рассказе об этом, на вопрос учителя о причине их несчастья ответил, что, видимо, поучения учителя слишком возвышенны и надо снизить требования. Конфуций на это сказал, что крестьянин может отлично засеять поле, но это не значит, что он соберет урожай. Также «совершенно мудрый в состоянии улучшить свои поучения, составить строгие правила и записать их, обобщить и привести в порядок все это, но он не в состоянии добиться того, чтобы люди все это приняли. Сейчас, если ты не сумеешь усовершенствовать свои основы, но будешь требовать их принятия, то твои устремления, Сы, не исполнятся!» (3, 142).

Тема «золотого правила» в сочинении Конфуция разворачивается в драматический сюжет. Она обсуждается главным образом в беседах с Цзы Гуном: в ответе на его вопрос Конфуций формулирует «золотое правило» и в беседе с ним уточняет понимание правила как самосовершенствования. Конфуций называет Цзы Гуна среди десяти своих самых способных учеников, но способным не в осуществлении добродетели, не в государственных делах, не в вопросах культуры, а

в риторическом отношении, в умении вести диалог (11:3). Видимо, у него была склонность преувеличивать роль внешнего убеждения, собственно нормативного регулирования. Конфуций предостерегает его против такого одностороннего преувеличения движущих сил нравственного развития. В описанном выше эпизоде, когда бедственное положение повергло некоторых учеников в уныние, как пишет Сыма Цянь, «внешность Цзы Гуна тоже изменилась. Конфуций спросил его: «Сы, многому ли ты научился у меня и многое ли познал?». Цзы Гун ответил: «Разумеется, а разве не так?» Конфуций заметил: «Не так. Я передал тебе одну лишь основу, чтобы с ее помощью проникнуть во все остальное» (3,141). Еще одно свидетельство Сыма Цяня говорит об этом различии между внешней правильностью морального критерия, к чему имел склонность Цзы Гун, и драматизмом внутренней моральной ответственности, направлявшей Конфуция. В одном жизненном эпизоде люди, силой удерживавшие Конфуция, предложили отпустить его при условии, что он не направится в Вэй. «Так они договорились, и Конфуций был выпущен через восточные ворота. Однако Конфуций все же отправился в Вэй. Цзы Гун спросил его: «Разве можно было нарушать договор?» На эти слова Конфуций ответил: «Соглашению, заключенному под угрозами, духи не следуют» (3,137). Ритуал следования Правилам – основа основ учения Конфуция. Но сами правила китайский мудрец понимал не только как безусловное следование их букве, он связывал следование им с желаниями сердца, с собственным выбором человека, который соблюдает их так, как если бы они были его собственными установлениями. Без одухотворения политики нравственной добродетелью точно так же, как без развертывания нравственной добродетели в ритуал, без этого взаимопереплетения одного с другим не будет ни благоустроенного государства, ни индивидуального человеческого благородства. «Верность [верхам] и снисходительность [к низам] ненамного отстоят от Дао. Чего себе не желаешь, того не делай и другим» (5,132), сказано в сочинении «Чжун Юн», продолжающем традиции «Лунь Юйя» и написанного, как считается, внуком Конфуция Кун Цзи (483 – 402 до н.э.). «Золотое правило» в этом движении по пути Дао, движении к человеколюбию, ответственно за то, чтобы оно, это движение, было искренним, выступало как собственная добродетель человека. «Янь Юань (заметим, один из самых способных учеников в отношении добродетели – А.Г.) спросил о человеколюбии. Учитель ответил: Преодолеть себя и вернуться [в словах и делах] к Правилам... Человеколюбие зависит от самого человека. Как оно может зависеть от других людей? Янь Юань вновь обратился: Прошу рассказать как этого добиться. Учитель ответил: Нельзя смотреть на то,

что не соответствует Правилам; нельзя слушать то, что не соответствует правилам; нельзя говорить то, что не соответствует правилам; нельзя делать то, что не соответствует Правилам» (12:1). Еще о том же, теперь в беседе с Чжун Гуном, тоже выделенным в качестве способного в отношении добродетели: «Вне дома относись к людям, словно встретил важных гостей. Используя народ, веди себя, словно совершаешь большое жертвоприношение. Не делай человеку того, чего не пожелаешь себе. Не допускай вражды в государстве, не допускай вражды в семье» (12:2).

Единство верности и снисходительности, ритуала и добродетели, говоря более обобщенно – неразрывность политики и морали составляет замечательную особенность мировоззрения Конфуция, его срединного пути. «Золотое правило» не представляет собой одно из ритуально оформленных отношений в обществе, оно имеет отношение к ритуалу в целом, являясь выражением его одновременной (наряду с внешней заданностью) внутренней укорененности в самом действующем индивиде. Оно говорит о том, что человек правильно исполняет задаваемые ритуалом действия тогда, когда он исполняет их не в порядке принуждения, даже если речь идет о самопринуждении, а как выражение и продолжение собственных желаний. В этой связи следует заметить, что охватываемое «золотым правилом» отношение человека к другим людям – не обычное двустороннее отношение, соединяющее различных по своему статусу и общественной роли индивидов во взаимной пользе. Отличие состоит в том, что ритуал всегда взаимен, в нем одна сторона всегда предполагает другую сторону в ее отличии и задаваемой этим отличием связанности с ней. Важнейшей основой ритуала в конфуцианском понимании является исправление имен: «Правитель должен быть правителем, чиновник – чиновником, отец – отцом, сын – сыном» (12:11). Он держится на том, что каждая сторона в ассиметрии общественных отношений ведет себя в соответствии со своим назначением (именем), поддерживая эту ассиметрию и идя тем самым навстречу другой стороне. «Учитель сказал: Если правитель ведет себя правильно, то дела идут и без приказов. Если же правитель ведет себя неправильно, то народ не будет повиноваться, сколько бы приказов ни издавалось» (13:6). Правильное поведение состоит в том, чтобы, будучи правителем, думать о подданных, соединиться с ними в различии и через различие. Отношение, лежащее в основе «золотого правила» иное: оно направлено не на других в их своеобразии, а на самого себя. Говоря точнее, отношение к другим реализуется через отношение к самому себе. Оно нацеливает на то, чтобы рассматривать других не в отличии, а в их единстве с самим действующим индивидом и

потому самому быть наилучшим, блокируя желания сердца, которые не соответствуют ритуалу. В этой связи интересным является вопрос о том, в какой мере следование «золотому правилу» предполагает в качестве условия своей адекватности воображаемый обмен ролями.

У Конфуция есть развернутое рассуждение об этом. Цзы Гун спросил его, можно ли назвать человеколюбивым того, кто, «щедро одаривая народ, помог бы всем достичь благосостояния»? Конфуций ответил, что его можно назвать не только человеколюбивым, но и совершенномудрым: «Что же такое человеколюбие? Если ты сам хочешь твердо стоять на ногах, то сделай, чтобы и другой крепко стоял на ногах. Если ты сам хочешь, чтобы твои дела шли хорошо, то сделай, чтобы и у другого они шли хорошо. Такой [человек] способен стать примером. О нем можно сказать – овладел искусством человеколюбия» (6:30). Это рассуждение ценно тем, что оно распространяет логику «золотого правила» также на позитивные действия, а не только на запреты, как это предписывается его основной формулой. Позитивные действия принципиально не поддаются выравниванию, ибо речь идет о действиях разных индивидов. Именно на их примере лучше можно понять, в какой мере механизм «золотого правила» можно интерпретировать как взаимность, и в чем заключается такая взаимность. Следование запрету, когда человек не делает того, чего не желает себе, очевидным образом оставляет пространство его отношений с другим, открытым для нравственного сотрудничества. Выключая себя, даже если представления о недозволенных действиях являются ложными, человек дает место другим. В этом смысле «золотое правило» в негативной формулировке всегда потенциально взаимно. Позитивные же действия всегда означают активное воздействие на другого, и проблема заключается в том, как это воздействие удержать в поле нравственности. Общий ответ Конфуция, как мы видели, состоит в следующем: поле нравственности задается ритуалом, и необходимо, чтобы следование ритуалу было не только извне заданной обязанностью человека, но и его добродетелью, чему и служит «золотое правило». Что касается того, в какой мере усилия человека, направленные на то, чтобы привести ритуал в согласие с желаниями сердца, зависят от него самого, а в какой являются отраженным следствием действий других и, следовательно, в какой мере он должен выправить свое собственное поведение, а в какой направить усилие на нравственное совершенствование других, то позиция Конфуция склоняется в сторону, которую, если говорить привычным нам современным языком, можно обозначить как автономию воли. Морально совершенный человек (Благородный муж по Конфуцию), которого «даже на время трапезы не покидает человеколюбие», ха-

рактируется тем, что он не винит других: «Благородный муж требователен к себе, маленький человек требователен к другим» (4:5; 15:21). «Золотое правило» исходит из такой же логики: человек совершенствуя себя, служит образцом для других, точно так же, как и другими интересуется для того, чтобы чему-то научиться у них. О «золотом правиле» как правиле взаимности можно говорить именно в этом смысле: развивая себя в моральном отношении, человек задает пример, образец другим и именно таким неявным образом воздействует на других. Это не значит, что вообще не существует других форм воздействия одного человека на другого, в том числе и прямых требований, инвектив и т.п. Речь идет о моральных формах связи между ними: они осуществляются через собственный пример. «Золотое правило» ориентирует именно на это, на то, чтобы исправлять себя. «Учитель сказал: Когда [нас] трое в пути, то каждый из двоих [спутников] может стать моим наставником. Я выбираю хорошее и следую ему, плохое же служит предостережением и помогает исправиться» (7:23).

Таким образом, «золотое правило», как его понимает Конфуций, предполагает обмен ролями в воображении, когда человек мысленно ставит себя на место другого, входит в его положение, как бы смотрит на себя его глазами; богатую картину того, как осуществляется такое сравнение себя и других на основании классических и неоконфуцианских источников реконструирует Дж. Уолтз в своей книге «Золотое правило» [4, 55-59]. Для понимания его сути, однако, важна не сама по себе эта психологическая процедура, которая имеет широкое коммуникативное значение, а то, что она культивируется человеком для того, чтобы, если воспользоваться словами, которыми открывается «Лунь Юй», «учиться и своевременно претворять в жизнь»(1:1).

Список литературы

1. *Кант И.* Логика // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980.
2. *Конфуций.* Лунь Юй // Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь Юй». М.: «Восточная литература» РАН, 1989.
3. *Сыма Цянь.* Исторические записки: («Ши цзи»): Т. VI / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В. Вяткина. М.: Наука. «Восточная литература», 1992.
4. *Уолтз Джеффри.* Золотое правило / Пер. О.В. Артемьевой. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007.
5. *Чжун Юн.* Следование середине / Пер. А.Е. Лукьянова // Конфуцианское «Четверокнижие». М.: «Восточная литература», 2004.

А.Ю. Согомонов

УДК 174 + 159.955

**«УСТОЙЧИВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(академическая наука, высшее образование
и прикладная этика)¹**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы цивилизационной трансформации базовых основ высшего образования и институциональной модели университетов. Весь мир постепенно переходит на рельсы устойчивого развития, и поэтому на повестке дня – грандиозная для всего человечества задача реформы высшего образования во имя устойчивого развития. Однако вопреки расхожему мнению, что это образование должно быть организовано точными науками и вокруг технико-ориентированного знания, опыт первой сотни мировых университетов, выбравших стратегию высшего образования во имя устойчивости и последовательно ее реализующих, показывает, что связующими дисциплинами, напротив, становятся философия и особенно этика. «Истории устойчивости», как дискурсивные нарративы и образовательные продукты, выстраиваются в логике этико-прикладных кейсов. Формализация же этих кейсов и их дальнейшая дидактическая рационализация представляют собой главную составляющую образовательных стратегий устойчивого университета.

Ключевые слова: устойчивое развитие, этика устойчивого развития, устойчивый университет, лидерство, прикладная этика.

...и каждое государство таково, каковы характер и воля того, кто им правит.

Цицерон. «О государстве», XXXI.

В концепции образования будущего, получившего емкое и, пожалуй, вполне корректное наименование «четырёхмерное образова-

¹ Пятая статья цикла «Устойчивый университет». Первая: Согомонов А.Ю. Устойчивый университет (генезис концепции) / Ведомости прикладной этики. Вып. 48. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 142-161. Вторая: Согомонов А.Ю. Устойчивый университет (миссия, смыслы, программы, кейсы) / Ведомости прикладной этики. Вып. 49. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 151-170. Третья: Согомонов А.Ю. Устойчивый университет (образы будущего, актуальные проблемы и тренды) / Ведомости прикладной этики. Вып. 50. Тюмень: НИИ ПЭ, 2017. С. 117-133. Четвертая: Согомонов А.Ю. Устойчивый университет (инновации, постуниверситет, этика) / Ведомости прикладной этики. Вып. 51. Тюмень: НИИ ПЭ, 2017. С. 112-126.

ние», наряду с компетенциями, знаниями и рамочным метаобучением, вводится еще один адрес – формирование «характера» [3, гл. 5]². Рассуждая о самых серьезных вызовах XXI века, таких как экология, неравенство, коррупция, терроризм и т.п., многие эксперты вполне обосновано указывают на культурно-нравственные причины их генезиса – «менталитет» и мораль. То есть, по сути, утверждается, что решать глобальные проблемы под силу, прежде всего, не столько политикам и государственным деятелям, сколько именно образованию как главной движущей силе перемен в национальных обществах и мире, сфокусированном не в последнюю очередь именно на нравственном воспитании и гражданском просвещении подрастающих поколений [4, 5].

Уже сегодня никого не удивляет, что нынешний технологический прогресс с удивительным постоянством рождает проблемы этического свойства, к примеру, в биотехнологиях, атомной энергетике, развитии искусственного разума. Поэтому, очевидно, от профессионалов будущего весь мир ожидает не только компетентных и прагматичных, но и этически взвешенных и мудрых решений. Но эта задача не решается ни прямым натаскиванием, ни научным начетничеством, ни широким информированием, ни даже искусным педагогическим внушением, если у будущих жителей планеты не сформирован – адекватный глобальным и национальным ценностям – нравственный характер, контуры которого, как кажется, вполне укладываются в полузабытую ныне просвещенческую, космополитическую, модель «гражданина мира».

Этика устойчивого развития буквально у нас на глазах превратилась в самую главную «дисциплину» в большой семье прикладных этик [2, 4]. Она опирается на фундаментальное (академическое) и эмпирическое (отраслевое) знание об ответственности человека перед нынешним и будущими поколениями в т.н. эпоху «антропоцена»,

² Авторы этого получившего всемирную популярность сочинения («Четырехмерное образование», 2015) выделяют шесть граней характера, необходимых для профессионального и личного успеха «поколения next» – осознанность, любознательность, отвага, жизнестойкость, нравственность, лидерство. И поскольку книга в большей степени сконцентрирована вокруг судьбы трансформирующегося школьного образования, то вполне понятен «узкий», скорее, чисто воспитательный, взгляд на нравственную сторону «характера». Хотя при этом авторы допускают и знаниевый, этико-прикладной подход: «...целесообразно воспринимать этику как качество характера, а не область знания, хотя изучение этических принципов, заложенных в различных предметных областях (например, в биоэтике), может оказывать определенное влияние на этичность поведения» [3, 175].

когда целенаправленная или просто случайная деятельность людей выступает главным фактором планетарной эволюции. А это значит, что она переформатирует ценности и моральные смыслы, заложенные в базовых профессиях XXI века и паттернах взаимодействия людей друг с другом, и не в последнюю очередь – в их видении будущего. Этика устойчивого развития постепенно становится, иными словами, новой деонтологией нашей трансформирующейся цивилизации, несмотря на самые серьезные социокультурные и этноконфессиональные различия между народами.

Но ведь вокруг этих смыслов и ценностей необходимо мировое или, по крайней мере, национальное согласие. А оно организуется в современном дискурсивном обществе не так просто и уж точно не на скорую руку, несмотря на богатые суггестивные медиаресурсы. Может сложиться ложное впечатление, что этика устойчивого развития пока держится исключительно на индивидуальном моральном усилии отдельных личностей. По всей видимости. Но только отчасти. Скажем, некий человек сознательно и самостоятельно уменьшает свой экологический след. И поступает он так отнюдь не потому, что следует заданной извне социальной норме, проистекающей из действий и логики морального большинства, а чаще всего наоборот – вопреки поведению большинства. Что же тогда приводит его к этому этическому осознанию? Мне думается, – то самое нравственное просвещение, которое осуществляет в первую очередь академическая наука и институты среднего и высшего образования, а ныне еще и организации некоммерческого сектора.

Жаркие споры, которые развернулись сегодня вокруг актуального статуса университета и сценариев его будущего, ничуть не проясняют наше общее видение стратегических перемен внутри институтов высшего образования. И поскольку эта тема становится одной из центральных в современном публичном дискурсе, то очень любопытно наблюдать за тем рингом, на котором сражаются разномастные экспертные конструкты – всевозможные социальные фантазии, сдобренные технологическими утопиями и бесконечным телеологическим перевзвешиванием целей-и-средств.

Между тем университеты по всему миру мало-помалу все же меняются, правда и в этом случае чаще всего под влиянием индивидуально переосмысленных целей и ценностей. В их глобальной совокупности мы наблюдаем интересную трансформацию сотен, а то и тысяч, университетов в сторону модели «устойчивого университета». Причем сама эта модель с легкостью адаптируется повсеместно, а новые университетские кардинально обновленные программы все больше нацелены на идеалы устойчивого развития сообществ, при-

роды и культур [19, 23]. Причем связующей дисциплиной в этих университетах становится именно прикладная этика в лице *этики устойчивого развития*. И мне думается, что именно ей удастся удерживать университеты в привычных для нас институциональных рамках даже при самой радикальной смене образовательных ориентиров и «вывесок».

Устойчивый университет как пространство этического воображения

Университеты переживают сегодня не самые лучшие времена. При том, что финансирование высшего образования повсеместно возрастает, равно как и внимание к нему со стороны государств, тем не менее университеты, как одушевленные поля смыслов, чутко ощущают утрату своего былого статуса и от того теряют уверенность в завтрашнем дне. И надо признать, для этих переживаний у них, действительно, есть немало поводов.

Быстрыми темпами множатся корпоративные университеты, оказывающие сильное давление на классические практики первичной профессионализации, а дистанционное образование с его необъятными интернет-ресурсами потихоньку замещает собой и привычную фигуру «живого» профессора, и университетские «корпорации» в целом. Не менее радикальные изменения происходят при этом и вовне: работодатели все меньше доверяют университетским дипломам и ищут креативных, дисциплинированных и готовых к росту людей без обязательного и сертифицированного подтверждения их компетенций. Более того, похоже, что для выстраивания успешной профессиональной биографии дипломы вскоре и вовсе перестанут быть нужными, причем произойти это может в ближайшее десятилетие. И тогда годы, проведенные в стенах университетов, будут восприниматься подобно тому, как уже сегодня это переживается многими молодыми людьми, – скорее как время утраченных возможностей, чем полезных и жизненно значимых интеллектуальных приобретений.

Но кроме неизбежной институциональной ломки, гораздо важнее то, что университеты и профессорский корпус утрачивают свою исконную роль в современной системе культурно-властных отношений. Казалось бы, на простой вопрос «для чего существует университет?» (не «почему?» и не «каким образом?», а именно «для чего?») последует столь же простой и внятный ответ. Университеты все меньше зависят от политики и государственного патронажа и, соответственно, все больше вынуждены учитывать капризы мирового рынка. И если даже не принимать всерьез вердикт о «коллапсе уни-

верситета» (или: «университета в руинах») [1, 25], то трудно не согласиться с более точным и корректным диагнозом, получившим хождение в конце прошлого века, когда широкую популярность приобрел термин «истощенный университет» («attenuated university») [16, 23].

И действительно, традиционный университет истощен онтологически, ибо измучен бесконечными образовательными реформами, бюрократическим контролем, излишним администрированием, необходимостью заниматься собственным фандрайзингом и при этом непременно оглядываться на запросы мирового рынка и сигналы, идущие от властных элит. Истощен эпистемологически, так как прекрасно отдаёт себе отчет в том, что отныне скорость производства нового знания значительно превышает возможности его адекватной репродукции в педагогическом процессе. А это означает, что как базовый институт высшего образования университет все больше и больше отстает от бега времени. Наконец, истощен он и этически, поскольку всякая работа со знанием неизбежно выводит его на сложные и весьма болезненные этико-прикладные проблемы. А каждый технологический рывок в нашей глобальной цивилизации сопровождается рождением все новых и новых этических вызовов, отвечать на которые приходится прежде всего университетам и почти что всегда – в одиночку.

Возможно, поэтому, как никогда ранее, сам вопрос о том, «для чего существует университет?», приводит нас к более ясной трактовке университетской телеологии: «для понимания сущности человека и его предназначения в динамично развивающемся мире!». В такой формулировке нет никакой натяжки, тем более подмены смыслов. Всякое академическое знание имеет этическое измерение, а критерии и стандарты нравственных оценок вырабатываются отныне, как впрочем и ранее, внутри университетских стен. Следовательно, актуальное существование университета по-прежнему происходит в пространстве *рождения аутентичной этической мысли*, не столь важно при этом – осознает ли это он сам или нет [7].

Увы, университетские лидеры и государственные чиновники от высшего образования продолжают думать о развитии и преобразовании всего высшего образования (в том числе и в его институциональном оформлении) почти исключительно в технико-прагматических категориях. И связано это в первую очередь с пренебрежительным элитным отношением к академической науке, философии образования и этическому дискурсу в целом. В университетах властвующие группы не видят подлинного источника нравственного прогресса общества и развития у молодых поколений автономного этического

сознания. А посему предпочитают извлекать из них простую и чисто практическую для себя «выгоду», не озадачиваясь надуманной, а то и притянутой за уши, с их точки зрения, воспитательной метафизикой [см. подробнее: 21].

Современные общества быстрыми темпами меняются, а значит, пересмотру неизбежно будут подвергнуты фундаментальные основания их институциональной легитимации. Высшее образование, безусловно, является имманентной частью «общего блага» (*public/common good*). Но поскольку меняется сама концепция «общего блага», то эти перемены коснутся, в том числе, и обновляемой сегодня доктрины высшего образования. Государства и рынки в данном случае с нарастающей интенсивностью конкурируют друг с другом за доминирование и за саму возможность диктовать свои условия и формировать «заказ» высшему образованию. Следовательно, общественный запрос на его услуги становится все более расплывчатым и невнятным, что и понятно, поскольку заглянуть за горизонт завтрашнего дня – дело весьма сложное даже для продвинутого экспертного сообщества, не говоря уж о непредсказуемости рынков и технологических скачков.

Предлагаемые же сценарии трансформирования университетов и высшего образования в целом, как правило, строятся на двух, как мне кажется, ошибочных допущениях (или, возможно, даже заблуждениях):

- университеты должны успевать за временной и знаниевой акселерацией и встраиваться в новую глобальную технологическую и социокультурную матрицу; следовательно, университетам мы вправе отказать в привычной для них символической роли лидеров мировых перемен, из статуса «ведущих» институтов им предлагается стать «ведомыми» (вслед за частной инициативой, творческими группами, креативным бизнесом, отчасти и государством);
- все «утопические» соображения о некоей высшей общецивилизационной целесообразности и универсальных ценностях должны быть отвергнуты в пользу «диктата» конкретных и повседневных рыночных потребностей; следовательно, горизонты желаемого будущего (глобального, национального или локального) должны формулироваться за пределами университетских стен, а самим университетам эти «образы грядущего», сформулированные яркими личностями, властями и приближенными к ним экспертами, будут навязаны университетам для последующего их научного обоснования и интеллектуального одобрения (академическая легитимация).

Однако «общее благо» не конструируется, исходя из рыночных запросов, творческих придумок и/или властных пожеланий. В его фундаменте – этический дискурс (общественный выбор), а не общий знаменатель, извлеченный из множественной совокупности индивидуальных интересов и нравов [ср.: 2].

«Общее благо» формулируется сложным образом и становится публичным продуктом только после того, как выработанные отраслевым знанием идеи проходят через призму этико-прикладной экспертизы и критического анализа внутри университетских групп. Поэтому «общее благо» есть непрерывный коммуникативный процесс, в результате которого, собственно, и происходит выработка согласованных ориентиров и идеалов всякого движения вперед. Хотя, надо заметить, академическое сообщество и ранее, и особенно теперь испытывает сильное искушение установить свою монополию на публичную истину, но именно университетская среда мешает претворению этой псевдострасти в практику общественной жизни.

Устойчивый университет, насыщая свое интеллектуальное пространство этическим содержанием, решает двойственную задачу: (а) противоборствует академическому авторитаризму, сдерживая псевдопророков и «самоназначенцев от квазинауки»; (б) уводит публичную дискуссию о целях и контурах желаемого будущего из домена властно-рыночного детерминизма в область общественного выбора. Да, наш мир несовершенен и вряд ли когда-нибудь станет идеальным, но осознание такого положения дел отнюдь не дает право академической науке снижать градус дискуссии, ставить перед широкой публикой скромные задачи и призывать довольствоваться малыми переменами.

Главным стимулом для высокой планки ожиданий и критического отношения к настоящему выступает именно этико-прикладное воображение. С одной стороны, оно помогает нам оценивать всякий прогресс и/или стагнацию сквозь призму морального долженствования (принцип: «мир не может оставаться таким, как сейчас»), с другой – не дает возможности всем участникам коммуникации погрязнуть в прикладных деталях, за которыми не видно будущего, как целостного, этико-эпического полотна (альтернативный принцип: «мир может стать принципиально лучше»).

Отстаивая нормы и ценности эпистемологического плюрализма, устойчивый университет, тем самым, не допускает и мысли о возможной «диктатуре» одного исторического пути, одной правильной стратегии, одного образа будущего. В то же время политики и отчасти эксперты «инфицированы» догматическим монизмом. Этически вдохновленная академическая наука всегда будет поддержи-

вать *реалистический утопизм* в отношении желаемого будущего и отражать антиутопические атаки со стороны ее гиперпрагматичных оппонентов.

И понимая эту миссию науки и высшего образования, совсем несложно ответить на вопрос «для чего нужен университет?», ибо прямой ответ мы обнаруживаем в модели устойчивого университета будущего. Этическая аппроксимация к добру, как идеалу будущего, и есть его сокровенный философский смысл и цивилизующая функция.

Устойчивый университет как актор трансформаций

Социокультурная динамика в наше время – сложный, мало-предсказуемый, турбулентный, а нередко и обратимый процесс. В случае с высшим образованием речь отныне идет не только о том, что университеты могут (хотя и необязательно должны!) стать катализаторами/агентами глубинных перемен в обществе и мире, но и сами при этом выступают объектами внутренних институциональных трансформаций. Однако поскольку здесь очень тесно переплетены большая политика и свободный выбор университетов, то и сценариев подобных перемен может быть бесконечное множество – в широком диапазоне от институционального эскапизма или полной консервации status'a quo вплоть до амбициозного активизма и даже флагманства на глобальном рынке образования. Впрочем, только устойчивый университет, как полагают многие исследователи, способен успешно сочетать в себе обе эти лидерские роли, приобретая искомый статус субъекта глобальных перемен [см., к примеру: 23].

Все те университеты мира, которые принимают индивидуально отрефлексированные стратегии развития, взяв курс на устойчивость, по сути, идут на глубинную трансформацию своей организации. Но поскольку часть университетов предпочтут все же сохранить status quo, и лишь немногие отваживаются на частичные реформы, то все это, конечно же, производит на стороннего наблюдателя впечатление нерегулируемого мирового институционального хаоса. И все же, обобщая разнообразные практики включения темы «устойчивости» в образовательные и организационные сферы университетов, можно с определенной условностью говорить, по крайней мере, о трех главных трендах перемен [подробнее см.: 6, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 18, 20, 24].

Прежде всего, это – переосмысление и реструктурирование общих и частных образовательных программ, подготовка выпускников по специальности «устойчивое развитие». Теория и практика устойчивого развития за последнее десятилетие оформились в виде междисциплинарного комплексного предмета, в котором подходы и данные точных и прикладных дисциплин сведены в единый предмет

методами социальных наук, философией и этикой. Иными словами, гуманитарное начало снова играет ключевую роль в университетской дидактике, поскольку этот инновационный для высшего образования предмет базируется на обновленном понимании сущности человека и его планетарной миссии, а также глобальной и прикладной этике.

Далее – переориентация академической науки на сюжеты устойчивого развития с особо пристальным вниманием к проблемам региональных и локальных сообществ и с обязательным вовлечением школяров в орбиту исследовательской деятельности. Переквалификация профессорско-преподавательского корпуса для адекватного освещения проблем устойчивого развития в обновленных университетских курсах, популяризация идей устойчивого общества и развития.

И наконец, реорганизация самой университетской жизни, образовательных корпусов и студенческих кампусов в соответствии со стандартами устойчивости (зеленые технологии, минимизация эко-следов, демократизация управления, вовлеченность в жизнь местного сообщества, территориальный мониторинг, региональная экспертиза и консультирование, и т.п.). Университет, иными словами, самим обустройством собственного урбанистического фрейма и социального габитуса зарабатывает – столь необходимый ему для успешного осуществления цивилизационной миссии – институциональный и моральный авторитет.

Высшее образование во имя устойчивого развития и прикладная этика

Все университеты мира за последние десятилетия, несмотря на обилие международных саммитов, принятых на них деклараций и даже Декаду образования во имя устойчивого развития, задуманную и проведенную ООН (United Nations Decade on Education for Sustainable Development, 2005-2014 гг.), так и не обрели формальных обязательств в пользу собственной институциональной и программной трансформации. Большинство вузов мира предпочитают ничего принципиально не менять. Таким образом, лидеры перемен по-прежнему остаются в абсолютном одиночестве.

Чем же они тогда движимы, если очевидно, что идут против общего политического течения и массовых настроений университетских элит? Ответ однозначен: своим корпоративным духом, корпоративной этикой и корпоративной волей. Иными словами – университетским *корпоративным характером*. Для них несущественно, что стратегия на построение устойчивого университета не в фаворе среди остальных участников глобального образовательного процесса.

Лидеры прекрасно осознают, что действуют в правильном направлении, потому с готовностью соглашаются на кардинальные перемены внутри самих себя; многим при этом рискуя, без сомнений принимают тяжкую ношу институциональных «первопроходцев».

А что устойчивым университетам приходится на своем пути преодолевать? Прежде всего – инерцию коллективного мышления и привычного поведения классического университета. Профессорско-преподавательские сообщества, как правило, без особого энтузиазма переключаются на междисциплинарные программы научных исследований, тем более, когда речь заходит о междисциплинарной дидактике. А посему многие из них пытаются максимально дистанцироваться от темы «устойчивого развития», полагая, что их отрасли знаний к этому имеют лишь самое косвенное отношение.

И все же постепенно университеты акцептируют как курсы, так и исследовательские проекты в области устойчивости, однако в подавляющем числе случаев сама «устойчивость» истолковывается ими все еще очень однобоко, а именно – как технико-практическая проблема, в то время как ее гуманитарное и этико-прикладное содержание зачастую ими же игнорируется. Узкая дисциплинарная профессионализация, которая ранее считалась чуть ли не самым важным достижением классического университета, уже в конце прошлого века привела его к «моральному коллапсу», по мнению Брюса Уилшаера [25], хотя и сегодня она выступает серьезным барьером на пути принятия университетами стратегий высшего образования во имя устойчивого развития.

Более того, «устойчивость» крайне редко интерпретируется в адекватной для мировой цивилизации наступившего столетия мета-рамке, как один из фундаментальных и самых приоритетных аспектов социальной справедливости. А такое понимание, как я отмечал выше, предполагает подчинительный статус технической составляющей устойчивого развития философскому и нравственному дискурсам. Установка на устойчивость, как тип актуального социального поведения индивидов, групп и больших сообществ – предмет особого комплексного гражданского образования и воспитания, в котором символические грани между магистрами и школярами стерты, а вся дидактика и академическая наука сконцентрированы в микрокосмах «обучающихся», но не где-то вовне их, как это было в модели классического университета [12].

Инерция сохраняется также и в тактиках консервативных университетов, в том числе и тех, кто хотя бы субстанционально сориентирован на тему устойчивости. Но ведь ни одному из серьезных планетарных вызовов сегодня невозможно противостоять, как это про-

исходило раньше: ни сверхразумом интеллектуальной тиши академических кабинетов, ни, тем более, в гордом одиночестве, противостоя заблудившемуся человечеству. А именно такой тип поведения академического ученого типичен для классических университетов.

Более того, университеты отпугивает вдобавок еще и межсекторальное взаимодействие, когда масштабы глобальных проблем подталкивают университеты к формированию не только малых творческих коллективов преподавателей, исследователей и студентов, но и к участию в больших креативных сообществах, вовлекающих в публичную кооперацию науку, обучение, некоммерческий сектор, экспертные коллективы, а также бизнес и местную власть. Для университетов это предполагает, во-первых, непривычный выход в открытые сферы равноправного взаимодействия и безусловную утрату былой монополии на производство инновационного знания. А во-вторых – ролевую смену с алгоритма «праздной любознательности» на корпоративную ответственность перед ближним социальным окружением и планетой в целом. Все это не «по нраву» классическому университету и тем его участникам, кто разделяет старую доксу об университетской миссии. А если еще и «кампусу» переходить на рельсы устойчивого развития, что воспринимается многими как более или менее приемлемый компромисс, окажется недостаточным, то выступить вдобавок в качестве «лидера-цивилизатора» готовы лишь самые отважные и открытые к риску университеты. А их во всем мире пока набирается лишь сотня-другая, не более того.

Ранее классический университет, пестуя принципы и навыки социальной критики, оппонировал властям, крупному бизнесу и другим группам, принимающим ответственные для развития всего общества решения. Сегодня же от устойчивого университета ожидается буквально прямо противоположное – гражданское вовлечение, гибкость, взаимоответственность и многостороннее сотрудничество, а в конечном итоге и осознанное принятие глокальной ответственности.

Миссия устойчивого университета заключается отныне не столько в производстве новых кадров для рынков труда (этот тренд, кстати, отчетливо виден по существенному падению символического значения традиционных дипломов и сертификатов) и даже не в выработке «чистого» знания (неслучайно, видимо, снижается и моральный авторитет как академической науки, так и ее «продукции», среди элит и в «недрах» массового общества), сколько в обретении им нового лидерского качества субъекта-стимулятора к глобальным трансформациям во всем мире.

Экономическое неравенство, недоверие к институтам, кризис идентичности, экологическая деградация, сверхдостаточное потреб-

ление, техногенные катастрофы и многие другие порождения современной цивилизации представляют собой не только побочные явления неолиберальной реальности, но и своеобразный этический диагноз, а отчасти и прогноз нашему времени. Классический университет, анализирующий эти же проблемы, научно исследует и дидактически упаковывает «проблемное знание» в исконном позитивистском духе. А это означает, что всякая проблема, согласно этой логике, может быть решена, будь на то политическая воля и правильные технологические решения. В мировоззренческих подходах и системном мышлении «наук о духе» (Geistwissenschaften) у классического университета потребность не велика. Устойчивый же университет, напротив, отталкивается от человека (его нравственной культуры, ценностей, психологии) как источника всех проблем и посему исходит из предположения, что любые технологические и политические решения неэффективны, если они рано или поздно упрутся в нежелание человека что-либо менять и самому меняться. Словом, – человека, немотивированного к действию, упорствующего в постоянстве социального поведения и абсолютно уверенного в том, что больше-и-быстрее – это всегда хорошо.

Но сегодня «устойчивое общество» постепенно приобретает символический статус базового нарратива цивилизационного транзита, и поэтому дает много поводов для конструирования т.н. публичных рассказов, «*историй устойчивости*» (sustainabilitystories), большая часть из которых формулируются внутри университетских стен. И все они, так или иначе, иллюстрируют успешные или неудачные практики сочетания инновационного технологизма, гражданской вовлеченности и прикладной этики. И все это в своей совокупности очерчивает внешний абрис и содержание нового, творческого мифа об «устойчивости» будущего.

Отныне устойчивость – это «поворотный» миф в социокультурной истории цивилизации. Он чутко реагирует на наши массовые страхи и надежды [10]. Он помогает нам как рефлексивным субъектам самим участвовать в создании «историй» и воспринимать чужие истории как адекватные и корреспондирующие нашему образу будущего. «Истории» помогают осмыслить реальность, увязывают ее с коллективной памятью и массовыми надеждами. Но главное, все малые и большие «истории устойчивости» преобразуются в нравоучительные, но не назидательно-менторские (!), этико-прикладные кейсы. Ибо, к примеру, даже малые нарративы об энергосбережении и сортировке мусора, а не только больше о гражданской ответственности и соучастии, выступают своего рода моральными рационализациями искомой идеологии устойчивости. Основная методологическая

задача: как извлечь «студента» (learner) из привычного для него аудиторного антуража и переместить в этико-прикладные повседневные контексты? Но это, пожалуй, отдельная тема для обсуждения, ведь и об этом идут жаркие споры [12]³.

P.S. Лидерство и прикладная этика

Ни одна из фундаментальных проблем современности не имеет простых решений. И, как правило, это связано не столько с нехваткой специализированных знаний или отсутствием рекомендаций со стороны академической науки, сколько с дефицитом политической и/или гражданской воли. И поскольку всякое крупное, к примеру, государственное решение почти всегда воспринимается со стороны амбивалентным (ибо снимая одни проблемные напряжения технологического свойства, мы неизбежно создаем новые, но уже в виде социальных рисков), то и те властные элиты, легитимация которых идет через демократические процедуры, предпочтут потянуть время, не снижая свои будущие электоральные шансы. Стратегия устойчивого развития и сбережения планеты со всей очевидностью требует лидеров «поколения next» и, конечно же, принципиально другой политической культуры, чем та, в рамках которой в недалеком прошлом решались суверенные вопросы экстенсивного общественного и хозяйственного роста [см. об этом, в частности: 22].

Планетарная ответственность лиц, принимающих отныне важные, но одновременно и очень рискованные решения, обосновывается сегодня не путем академических рационализаций (с помощью научного вопрошания «а как еще по-иному можно было бы разрешить эту проблему?»), а, скорее, через осознание ими своего нравственного долга (с помощью пусть даже и несколько наивного, но императива прямого действия: «другой альтернативы у нас нет!»). Глобальная этика становится, тем самым, единственной точкой отсчета символического накопления «поколением next» столь необходимого для его планетарной легитимации нравственного капитала (через моральное доверие и авторитет) [дискуссию об этом см.: 20].

«Устойчивость» имеет вполне определенный смысл и дефиницию. Это – развитие через удовлетворение актуальных нужд, не создающих дополнительных угроз для земли и будущих поколений. Не

³ Чрезвычайно показательный кейс спешной трансформации программ и дидактических технологий в своей генеральной стратегии на ре-контекстуализацию школяров и магистров осуществляет университет штата Вермонт [подробнее см.: 17].

важно при этом, о каких конкретно будущих поколениях идет речь – людей ли, белых медведей или редких цветов.

Моральный авторитет политиков и общественных деятелей отныне целиком и полностью основывается на умении найти баланс между моральными правами и обязанностями всех участников планетарного взаимодействия. Но в то же время и на твердости характера – в следовании логике бескомпромиссных решений в обнаружении нравственных выходов из проблемных этико-прикладных «контекстов».

А вот формализация этих контекстов, конструирование «историй устойчивости», их этическое взвешивание и в конечном итоге превращение в инновационные дидактические продукты собственно и есть уже обновленная и переосмысленная миссия устойчивых университетов.

Список литературы

1. *Ридингс Б.* Университет в руинах. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010.
2. *Сен А.* Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
3. *Фейдл Ч., Бялик М., Триллинг Б.* Четырехмерное образование. Компетенции, которые нужны для успеха. М.: Центр образовательных разработок Московской школы управления СКОЛКОВО, 2017.
4. *Apple M.W.* (Ed.) *Can Education Change Society?* New York – London: Routledge, 2013.
5. *Appleton J.* (Ed.) *Values in Sustainable Development.* London – New York: Routledge, 2014.
6. *Atkinson H., Wade R.* (Eds.) *The Challenge of Sustainability. Linking Politics, Education and Learning.* Bristol: Policy Press, 2015.
7. *Barnett R.* *Being a University.* Oxford: Routledge, 2011.
8. *Barth M.* *Implementing Sustainability in Higher Education. Learning in an Age of Transformation.* New York – London: Routledge, 2015.
9. *Barth M., Michelsen G., Rieckmann M., Thomas I.* (Eds.) *Routledge Handbook of Higher Education for Sustainable Development.* London – New York, 2015.
10. *Bauman Z.* *City of Fears, City of Hopes.* London: Goldsmiths College Press, 2003.
11. *Becker E., Jahn T.* (Eds.) *Sustainability and Social Sciences. A Cross-disciplinary Approach to Integrating Environmental Considerations into Theoretical Reorientation.* Paris: UNESCO, 1999.

12. *Byrne L.* (Ed.) *Learner-Centered Teaching Activities for Environmental and Sustainable Studies*. Dordrecht: Springer International, 2016.
13. *Filho W. L.* *About the Role of Universities and their Contribution to Sustainable Development // Higher Education Policy*. 2011. Vol. 24. P. 427-438.
14. *Filho W. L., Pace P.* (Eds.) *Teaching Education for Sustainable Development at University*. Dordrecht: Springer International, 2016.
15. *Filho W. L., Zint M.* (Eds.) *The Contribution of Social Sciences to Sustainable Development at Universities*. Dordrecht: Springer International, 2016.
16. *Gibbs P., Barnett R.* (Eds.) *Thinking about Higher Education*. Dordrecht: Springer, 2014.
17. *Hudspeth Th. R.* *Hopeful, Local, Visionary, Solutions- Oriented, Place-Based Sustainable Stories and Service-Learning as Tools for University-Level Education for Sustainable Development: Experiences from University of Vermont // Filho W. L., Pace P.* (Eds.) *Teaching Education for Sustainable Development at University*. Dordrecht: Springer International, 2016. P. 191-203.
18. *Jones P., Selby D., Sterling S.* (Eds.) *Sustainability Education. Perspectives and Practices across Higher Education*. London – New York: Earthscan, 2010.
19. *Longhurst J.* *Education for Sustainable Development. Guidance for UK Higher Education Providers*. Gloucester: The Quality Assurance Agency for Higher Education, 2014.
20. *Low N.* (Ed.) *Global Ethics and Environment*. London – New York: Routledge, 1999.
21. *Papastephanou M.* *Higher Education and Ethical Imagination // Gibbs P., Barnett R.* (Eds.) *Thinking about Higher Education*. Dordrecht: Springer, 2014. P. 24-36.
22. *Redekop B.W.* (Ed.) *Leadership for Environmental Sustainability*. New York – London, 2010.
23. *Sterling S., Maxey L., Luna H.* (Eds.) *The Sustainable University: Progress and Prospects*. London – New York: Routledge, 2013.
24. *Weber E.L.* (Ed.) *Environmental Ethics, Sustainability and Education*. Oxford: Inter-Disciplinary Press, 2009.
25. *Wilshire B.* *The Moral Collapse of the University. Professionalism, Purity and Alienation*. Albany: State University of New York Press, 1990.

В.И.Бакштановский, М.В. Богданова

УДК 174.7

Инженер = высокая профессия. Утопия или реальность?

Аннотация. Представлен опыт проектирования гипотезы «Инженер = высокая профессия: утопия или реальность?» и ее коллективной рефлексии профессорами и администраторами технического университета. Реконструирована предпринятая в формате ректорского семинара попытка идентификации профессии инженера как высокой профессии. (*Высокие* профессии выделяются по доминированию в них установки на служение в профессии.) Обращение к категории «высокая профессия» как ценностному ориентиру в подготовке инженеров проблематизировало в процессе дискуссии задачу понимания образа современного инженера. Одна из обнаружившихся линий ценностного напряжения: современный инженер как, преимущественно, исполнитель профессионального стандарта, действующий по заранее заданным схемам, и – одновременно – как инновационно мыслящий профессионал.

Ключевые слова: профессиональная этика, этика инженера, образ современного инженера, высокая профессия, моральные дилеммы, идентичность, опорный университет.

Инициированный Минобрнауки России проект «Опорный университет», как известно, направлен на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации. Опорным университетам отводится роль драйверов экономического развития регионов. При этом они рассматриваются не только как места подготовки кадров и центры пространств создания инноваций, но и исполнители заказов от территорий. Предполагается, что территории будут выступать и в роли «главных заказчиков» и «оценщиками работы университетов» [1]. Нет, задачи, поставленные перед университетами в связи со статусом «опорный», не отменяют их традиционные задачи – образовательные и исследовательские, но акцент делается на том, что они должны готовить кадры в первую очередь для нужд экономики региона. В целом подготовка вузами кадров именно для региона не является новой. Так, Тюменский индустриальный университет (в прошлом индустриальный институт, затем нефтегазовый университет) создавался в 1963 г., исходя прежде всего из потребностей в специалистах высокой квалификации развивающихся нефтегазовой, индустриальной отраслей Тюменской области – для освоения Тюменского Севера в целом. Такая задача не утрачивает свою актуаль-

ность для Тюменского индустриального университета и в XXI в. – в условиях изменившейся ситуации региона как с точки зрения развития нефтегазовой, индустриальной его отраслей (речь, скорее, уже идет о реиндустриализации этих отраслей), так и с точки зрения дальнейшего освоения Севера (речь, скорее, уже идет об освоении Арктической зоны).

Соответственно не утрачивают для университета актуальность (а приобретают новые акценты) вопросы о содержании квалификации и целостном образе будущих инженеров. Несмотря на провозглашаемую приоритетность позиций действующих в регионе корпораций, именно университет (исходя из профессионализма профессорско-преподавательского состава, подготовленности абитуриентов и состояния иных своих ресурсов) формирует квалификации будущего специалиста. При этом формирование может иметь, как минимум, две стратегии: краткосрочную и долгосрочную. Краткосрочная стратегия – преимущественная ориентация на подготовку специалистов по заказу действующих в регионе корпораций «для максимального преумножения активов» этих корпораций. Долгосрочная стратегия – ориентация на подготовку специалистов, способных содействовать максимальной устойчивости и преумножению активов региона в долгосрочной перспективе. И, пожалуй, одна из сложных для университета задач – найти баланс этих стратегий в своей научно-образовательной деятельности, поскольку «в отсутствии тактических приоритетов будущее может не наступить, а отсутствие стратегических приоритетов лишает смысла решение тактических задач» [3, 103].

Одной из значимых составляющих научно-образовательной деятельности университета, способной поддерживать устойчивость такого рода баланса, можно рассматривать этику инженера. (Как известно, этика инженера в научно-образовательной деятельности университета может выступать и как учебная дисциплина, и в качестве направления исследований ценностей, этических норм, моральных дилемм в профессии инженера.)

С одной стороны, вызовы глобализации, в том числе стимулирующие межстрановое соревнование за лидерство на основе технологического превосходства, и вызовы, обусловленные техногенными катастрофами, придают все большую объективную значимость этическим аспектам деятельности инженера и, соответственно, этической составляющей в образовании будущих инженеров. С другой стороны, сегментация и технологическая дискретность роли инженерных специалистов на производстве, в том числе на предприятиях нефтегазового комплекса, казалось бы, делегируют многие этические аспекты профессии иным субъектам, в том числе страховым компа-

ниям, специальным службам, трансформируя сферу профессиональной ответственности инженера, его ориентации на успех. И, тем самым, проблематизируют как в целом образ современного инженера, так и этические аспекты его профессиональной деятельности, а также ценностное содержание этической подготовки будущих инженеров.

Тема профессиональной этики современного инженера многогранна. Одна из ее граней, представленная в виде гипотезы «Инженер = *высокая* профессия: утопия или реальность?», стала предметом дискуссии на очередном ректорском семинаре, состоявшемся в Тюменском индустриальном университете в апреле 2018 г.

В статье представлен опыт первого ректорского семинара 2018 года. В его анализе сочетаются фрагменты программы, сценарной разработки и стенографической записи работы семинара. Благодаря такой аналитической структуре создается возможность представить идейный замысел семинара, концептуализацию темы и реальную ситуацию ее рефлексии участниками семинара, включая его разработчиков.

* Как уже было показано в предшествующих публикациях [2], ректорские семинары – *рефлексивные площадки* для обсуждения актуальных вопросов жизни Университета, актуальных и для глобального, и для локального университетов (конкретно – ТИУ). Его участники – ведущие профессора университета, директора институтов, проректоры, руководители структурных подразделений.

ФРАГМЕНТ ПРОГРАММЫ СЕМИНАРА

Семинар продолжает тему «Профессиональная этика инженера». Этика профессии инженера, с которой сегодня все в большей степени связывают как успехи в развитии общества, так и нарастающие техногенные риски, и ранее становилась в университете предметом коллективной рефлексии (см. слайд 1). Проблематизация темы на разных этапах была обусловлена: сущностными рисками профессии инженера; гиперпрагматическими установками – в отношении компетенций выпускников; тенденциями доминирования в миссии опорного университета функции «фабрики профессиональных компетенций».

СЛАЙД 1

Этапы актуализации темы "Этика инженера"

Первый – ТИИ, 1978-80 гг., кафедра этики
Основной мотив актуализации этой темы в те годы – профилактика духа технократизма как сущностного риска профессии инженера.

Второй – ТюмГНГУ, 2013 г., ректорские семинары
В связи с прагматической установкой зарождающегося опорного университета на максимальное соответствие выпускников-инженеров требованиям работодателей. И в связи с обращением к потенциалу парадигмы профессионального успеха инженера, наряду с доминирующей в инженерной этике парадигмой ответственности.

Третий – ТИУ, 2017 г., ректорский семинар
В связи с испытанием потенциала профессиональной этики инженера в качестве элемента миссии опорного университета; роли ценностей этики инженера в проектировании миссии трансформирующегося университета.

Цель семинара: испытание гипотезы, обостряющей вопрос о профессии инженера и ее этике.

Гипотеза, выносимая на обсуждение: Инженер = *высокая* профессия. Культивирование идеи о профессии инженера как *высокой* и, соответственно, об этике инженера как нравственной метафизике профессии – задача в первую очередь университета (не государства, не корпораций, не общественных институтов, даже не профессиональных инженерных сообществ).

Конкретизация Идеи о *высокой* профессии:

высокие профессии выделяются не через противопоставление *низким* профессиям, а через акцентирование в них установки на «служение в профессии». Не отменяя стремления к «честному заработку профессионала», такая установка ограничивает для представителя *высокой* профессии возможность преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как, например, в бизнесе.

Выделение вида *высоких* профессий особенно актуально в ситуации ослабления роли призвания как безусловной доминанты этического сознания профессионала, усиления прозаического функционализма. Не столько уменьшается число людей, воспринимающих свою профессиональную жизнь как служение, сколько их доля среди профессионалов становится менее заметной, профессия в меньшей

степени оказывается объектом морального выбора: призвание не поддается тиражированию.

Можно ли поставить знак «=» между профессией инженера и *высокой* профессией? С одной стороны, моральные конфликты в деятельности инженера создают сильное моральное напряжение. С другой стороны, профессия становится все более массовой и инструментальной.

ФРАГМЕНТ СЦЕНАРНОЙ РАЗРАБОТКИ

В Тюменском индустриальном университете вышла монография «Профессиональная этика инженера: *опыт коллективной рефлексии*».

На ее обложке – фотография 1896 г. «Испытание моста через реку Обь в Новосибирске». Что мы видим на фотографии? Мост, на нем паровозы. Под мостом – команда инженеров, которая сооружала этот мост. Так в XIX в. инженеры доказывали надежность своей работы, так демонстрировали ответственность за выполненное дело – фактически рискуя своей жизнью...

Актуально ли это для современных инженеров?

Вспомним выступление профессора Александра Алексеевича Тарасенко на одном из предшествующих семинаров.

«Таких инженеров, которые “стоят под мостом”, сейчас не существует. А существует много раз проверенная, многими специалистами протестированная нормативная документация, поэтому задача инженера – выполнить свою работу правильно.

Вопросы профессиональной ответственности входят в прерогативу либо страховых кампаний, либо проектных институтов. Ответственность сейчас распределена по-другому».

Тем не менее моральная рефлексия профессии инженера и при новой ситуации не устраняется. Моральные конфликты в деятельности современного инженера многообразны и создают сильное моральное напряжение в профессии. Например, сегодня исследователи и преподаватели этики инженера выделяют целый класс моральных дилемм.

Одна из них: «Думать как инженер или думать как менеджер». Эта – может быть, самая распространенная – дилемма напоминает ранее обсуждаемый на ректорских семинарах конфликт этики профессии и этики корпорации. Исследователи предлагают говорить даже о своеобразном «основном вопросе этики инженера» по аналогии с «основным вопросом философии»: «Этот основной вопрос помещает в центр профессиональной подготовки и профессионально-этической чувствительности инженеров противостояние нажиму со стороны соображений экономической целесообразности и/или целесообразности административно-политического порядка» (А.В.Прокофьев, д.ф.н., профессор).

И действительно, можно предположить, что есть инвариантная дилемма инженерной этики, и она связана, с одной стороны, с ситуацией включенности современного инженера в корпорации, а с другой – с масштабом миссии профессии: не с узкопрофессиональным ее интересом, но с общественным масштабом.

Дилемму «думать как инженер» или «думать как менеджер» обсуждали профессора Тюменского индустриального университета.

Илья Моисеевич Ковенский,
д.т.н., профессор

«Конфликт этот всегда был и никогда не исчезнет. В этом конфликте выковывается характер, формируется сила духа и, как следствие, рождаются замечательный конструктор и замечательные конструкции. Пример: немало людей, находившихся в отношениях с Королевым, отмечали, что, несмотря на колоссальное давление со стороны людей, которые в Политбюро отвечали за техническую программу, он добивался, чтобы самому решать – какая степень риска минимальна. Конечно, у этого человека была колоссальная степень ответственности, и он понимал, какой успех за этим последует».

Владимир Николаевич
Сызранцев,

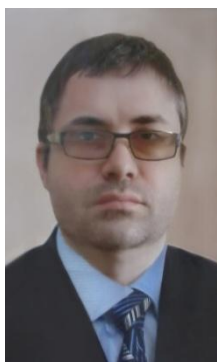
«Беда сегодня в том, что на производстве люди, называемые менеджерами, практически не знают его предметной области. И порой принимают решения, не зная реальной производственной ситуации. Прежде чем проектировать, изготавливать, испытывать, эксплуатировать изделие – следует решить самый начальный вопрос: а надо ли это? И если менеджер не знает все этапы создания изделия, он закажет такую продукцию, которая никогда не будет работать и никому не будет нужна».

д.т.н., профессор

Владимир Вениаминович
Долгушин,
д.т.н., профессор

«Инженеру в качестве эксперта приходится противостоять мотивам экономическим, благопристойности, выживания, сохранения чего-то – в ситуации, когда на него сильно давят, либо пытаются “купить”. Какими ресурсами может инженер противостоять таким факторам? Что в нем является стержнем? Думаю, что только совесть и честь. Другого ничего нет. Возможно, это звучит высокопарно, но только профессиональная честь является основным сдерживающим фактором в такой ситуации».

Александр Владимирович
Стрекалов,
д.т.н.

«Инженер сегодня в большей степени, чем в прошлые времена, становится заложником социально-экономических условий. Идеалы инженерного дела обесцениваются.

Можно сказать, что наше общество своими актуальными ценностями – прежде всего сверхценностью экономической выгоды – задавило инженерную мысль.

Поэтому не видно и не слышно ученых-инженеров.

А значимость инженерных знаний при новом технологическом укладе возрастает и трансформируется. (Как, например, потребность развития робототехники широкого плана)».

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ СЕМИНАРА

(...) ВЕДУЩАЯ СЕМИНАРА (и.о. ректора ТИУ Вероника Васильевна Ефремова): Профессора, как можно заметить из их интервью, в связи с обсуждаемой на семинаре дилеммой, говорят об инженерах и инженерном деле с некоторым пафосом, но, одновременно, и с некоторым пессимизмом.

С их точки зрения, данная дилемма не нова для инженерного дела. Она лишь получила определенные акценты в современной ситуации. Напомню, что профессора говорили о дилемме этического характера, и приведенные суждения еще раз подтверждают актуальность этической проблематизации как в инженерном деле, так и в инженерном образовании. Соответственно, эта тема важна и для нашего университета, который ориентирован на подготовку инженеров.

Поэтому на сегодняшний семинар мы и вынесли гипотезу, которая, как представляется, обостряет вопрос о профессии инженера, об этике инженера.

КОНСУЛЬТАНТ СЕМИНАРА (директор НИИ прикладной этики Владимир Иосифович Бакштановский): Сегодня нам предстоит сделать следующий шаг в понимании природы профессиональной этики инженера. В основе этого шага – гипотеза о профессии инженера как *высокой* профессии. Однако можно ли поставить знак «=» между профессией инженера и *высокой* профессией? С одной стороны, моральные конфликты в деятельности инженера создают сильное моральное напряжение. С другой стороны, профессия становится все более массовой...

Тезис о профессии инженера как *высокой* профессии требует оправдания – ведь традиционно к ней относят профессии врача, педагога, ученого, художника... (?) журналиста? Конкретизировать Идею *высокой* профессии можно следующим образом.

СЛАЙД 2

Высокие профессии выделяются не через противопоставление *высоким* профессиям, а через акцентирование в них доминирующей установки на «служение в профессии».

Не отменяя стремления к «честному заработку профессионала», эта установка ограничивает для представителя *высокой* профессии возможность преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно как, например, в бизнесе.

Выделение вида *высоких* профессий актуально в ситуации ослабления роли призвания (безусловной доминанты этического сознания профессионала), усиления прозаического функционализма. Не столько уменьшается число людей, воспринимающих свою профессиональную жизнь как *служение*, сколько их доля среди профессионалов становится менее заметной, профессия в меньшей степени оказывается объектом морального выбора: призвание не поддается тиражированию.

11

Как видно из текста слайда, признак *высокой* профессии – ее мировоззренческие ориентиры, доминирующая установка – на *служение в профессии*. Отсюда роль метафоры «готовность быть орудием однажды выбранного дела» в понимании характеристики *высокая*.

Установку на *служение в профессии* можно конкретизировать и через черты образа профессионала (по Э.Ю.Соловьеву):

- усилия профессионалов, порой «прямо принимающие характер “работы на вечность” и засчитывающиеся в качестве таковых»;
- «деятельность по модели профессиональной самореализации, достаточно независимой по отношению к насущным экономическим запросам»;
- ценность достижений профессионалов «не поддается строго стоимостному определению и остается больше того, что экономика соглашается им выплатить»;
- «способность сообщить делу наибольшую значимость, посвятить себя делу, знать его, превыше всего ставить его внутренние объективные требования – важнейшая примета профессионала».

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

СЛАЙД 3

- В какой мере предложенные признаки образа профессионала применимы к характеристике профессии инженера сегодня?
- Как можно дополнить эти признаки?
- Не является ли применение к профессии инженера характеристики *высокая* излишним пафосом, а то и утопией: в наши дни? в будущем?

14

ВЕДУЩАЯ: Не кажется ли нам, что выделяя три профессии, которые мы ранее обозначили, как примеры *высоких* – врача, педагога, журналиста – (причем третья под вопросом), мы как бы унижаем другие профессии? То есть, если мы определяем профессии как *высокие* через их непосредственную значимость, связь с живым человеком, то профессии, которые не напрямую соприкасаются с человеком, вольно или невольно попадают в разряд *низких* профессий?

КОНСУЛЬТАНТ: Термин «*высокая* профессия», вообще и применительно к инженерам, не предусматривает такой смысл – одни профессии благородные, а другие убогие, примитивные, *низкие* в прямом смысле этого слова. *Высокие* профессии противопоставлены

не *низким* профессиям. Как мы уже говорили, *высокие* профессии выделяются через акцентирование в них доминирующей установки на «служение в профессии».

А.А. ТАРАСЕНКО: Разве установка на служение не от человека зависит? При чем здесь профессии? По-моему, мы искусственно заужаем это понятие. Например, для санитарки в больнице служение характерно, может быть, больше чем для журналиста.

ВЕДУЩАЯ: Можно привести еще один признак, указывающий на служение в профессии: представители этих профессий носят мундиры или определенного вида форму. Инженеры тоже ходили в формах в начале XX века. И один из современных инженерных вузов сохранил форму, полагаю как принадлежность к профессии, связанной со служением. Я говорю о Питерском горном университете.

А.А.ТАРАСЕНКО: Мне кажется, у нас происходит подмена понятий. Инженер, который стоит под мостом – этот образ относится к инженеру прошлых времен, когда архитектор или инженер брался за какой-либо проект, нанимал подразделения, которые ему помогали, но отвечал за все он лично. Например, инженер Шухов: вокзалы, башни, выстроенные по его проектам. Сейчас понятия *такого* инженера нет. И не от того, что инженеры стали плохими, а от того, что функции поменялись. Как правило, современный инженер делает свой определенный фрагмент большого проекта, в котором много людей участвует, зарубежные стандарты. Для него не характерно служение в прежнем понимании, поскольку он, порой, и не понимает конечной цели сооружения. Как, например, строились мосты в Крым? Каждый инженер свой фрагмент делал. Но это не значит, что для него не характерно служение – это служение, только не в том понимании, когда под мост надо становиться.

В целом изменилось само понятие «инженер». Функции поменялись.

М.В.БОГДАНОВА: Возникает вопрос: речь идет о том, что меняется форма выражения ответственности, но ее содержание остается? Или и содержание ответственности инженера сейчас настолько изменилось, что говорить о профессии инженера как о *высокой* профессии трудно? Наверное, архитектора можно назвать представителем *высокой* профессии, а инженера вряд ли?

А.А.ТАРАСЕНКО: И архитектора сейчас трудно назвать представителем *высокой* профессии. Все по-другому стало: не отвечает один человек за свой проект, как это раньше было. Сейчас проектом занимаются сразу несколько институтов, и каждый делает свой фрагмент.

И еще одно. Мне кажется весьма сомнительным, когда характеристика идеи об ответственности инженера опирается на прежние времена. В таком подходе не учитывается, что мы уже в другом обществе живем. То есть, если мы живем в условиях капитализма, то извлечение прибыли – это главный вопрос. И в этом смысле доминирования ценности служения быть не может.

И.М.КОВЕНСКИЙ: Отец современного воздухоплавания, Николай Егорович Жуковский, на шестьдесят пятом году жизни был удостоен звания «инженер». Замечу, что к тому времени он был профессором и действительным статским советником. (Если мне не изменяет память, то в Российской империи это соответствовало званию генерал-майора.) Я абсолютно согласен с Александром Алексеевичем Тарасенко, что профессия инженера за это время, конечно, претерпела колоссальные трансформации. И в определенной мере она вымывается. Во всяком случае, в высшей школе понятие «инженер» вообще отсутствует, даже те люди, которых мы готовим как инженеров, названы «специалисты». И все это было бы весьма печально, если бы не одно обстоятельство. На одном из предыдущих ректорских семинаров я уже рассказал о своем участии в Третьем Международном конгрессе инженеров, который проходил в Бразилии. Две тысячи участников. Приветствовал нас президент Бразилии. Он за десять минут сказал какую-то дежурную речь, потом отложил листок в сторону и 30-40 минут говорил о значимости профессии инженера. Говорил он экспромтом – это было понятно, потому что служба переводчиков пришла в явное смятение: говорил он то ли на португальском, то ли на английском. Но, во всяком случае, кое-что я понял. Его слова могут нас вдохновлять: профессия инженера была и будет востребована. Сегодня, безусловно, она выглядит иначе, чем в прежние времена. (Между прочим, было бы неплохо перед началом семинара определиться, кого мы считаем инженером. Дело в том, что у нас, в Германии, в США «инженер» – это совершенно разные категории).

А.А.ТАРАСЕНКО: Позвольте добавить, еще третья сторона здесь есть. Совсем недавно случился у нас контракт в Ираке. И наша крупная нефтяная компания должна была в тендере указать количество инженеров. Оказывается мы выпускаем не инженеров. Международные квалификационные требования к инженеру предусматривают наличие стажа работы. То есть, международная система классификации – это совсем другие инженеры. Действительно, вначале нам надо обозначить, что такое «инженер».

КОНСУЛЬТАНТ: У Вас есть возможность сходу сказать?

А.А.ТАРАСЕНКО: Я думаю, что напрасно вообще мы пытаемся к вопросу о служении «притянуть» профессию. Этот вопрос глубже. Если мы попробуем посмотреть на него с религиозной позиции, то увидим, что все зависит от человека. Если он разделяет эти принципы, то безразлично – инженер он или врач, даже если это и чиновник, для него характерна идея служения. Именно там, как мне представляется, источник, а никак не в профессии.

КОНСУЛЬТАНТ: Посмотрим еще раз на слайд, который описывает черты идеи служения в профессии. Как видите, служение, конечно, предусматривает личный выбор, но связанный с установками в профессиональной деятельности: усилия профессионалов принимают характер «работы на вечность» и засчитываются в качестве таковых»; значим фактор самореализации и он достаточно независим по отношению к насущным экономическим запросам; профессионала характеризует «способность сообщить делу наибольшую значимость,... превыше всего ставить его внутренние объективные требования – важнейшая примета профессионала».

М.В.БОГДАНОВА: Мы сегодня говорим об инженерах и об университете? Да, действительно, практически все критерии, которые перечислены на этом слайде, обращены к личности, они предполагают длительный – многие годы – процесс профессионального становления. Однако, наверное, важно попытаться понять роль университета в этом процессе. Что делает университет? Он что-то целенаправленно в этом отношении делает или сегодня предназначение университета – обеспечивать компетенции своих студентов? Если только «компетенции специалиста», то у человека, выбравшего инженерную профессию, на период обучения в университете случается некий провал в понимании ее предназначения?

В 2004 году НИИ прикладной этики проводил опрос среди студентов инженерной специализации на тему «Профессиональная этика инженера». В то время еще не было четкого разделения на бакалавриат и специалитет, был только специалитет. Результаты опроса показали, что свободнее рассуждают о профессионально-этических аспектах инженерной профессии студенты вторых и четвертых курсов. Студенты пятого курса, характеризуя предназначение инженерной деятельности, скорее склонны были говорить о конкретных предметах деятельности инженера, например, создании конструкций. И все же в целом, исходя из результатов опроса, можно сказать, что у студентов, тогда еще Тюменского нефтегазового университета, складывалось определенное представление о том, что инженер работает для человека и для общества, о его профессиональной ответственности.

Какова современная ситуация? В 2015 г. мы также проводили опрос среди студентов инженерных специальностей нефтегазового университета по теме «Профессиональная этика инженера». У нас была примерно такая же панель (400 ед.), как в 2004, поэтому результаты двух опросов можно соотносить. Мы успели «захватить» в своем опросе последних студентов, обучавшихся по программе «специалитет» (в выборке были пропорционально представлены студенты выпускных курсов специалитета и бакалавриата). Как показали результаты, студенты, обучающиеся по программе специалитета, имеют определенное представление о предназначении своей будущей профессии, о том, для чего они будут работать в целом. Более того, студенты специалитета не испытывали затруднений в отношении видения своей будущей профессиональной траектории. Что касается бакалавров, то картина получилась несколько иная. Общая тональность ответов примерно такова: мы изучаем некоторые дисциплины, а что будет дальше, посмотрим. При этом, явно просматривалась установка на изыскание возможностей для продолжения образования. В целом можно сказать, что незавершенность в инженерном образовании предопределяет отсутствие самоидентификации с профессией инженера.

Возникает вопрос: проблематизация профессии инженера как *высокой* профессии, целостного образа инженера, является ли для опорного университета составляющей его научно-образовательной деятельности? Или сегодня он ограничен теми конкретными задачами, которые перед ним стоят, и эта тема не может и не должна подниматься?

А.А.ТАРАСЕНКО: В том опросе, который Вы провели, очень много мнения родителей, общества, изменений в жизни, которые происходят. Ведь если даже взять систему качества, то кто Вам сказал, что эта тема не может быть одной из компетенций? Давайте, мы с первого курса будем воспитывать студентов в этом направлении, пожалуйста. Хоть блондинками всех можем сделать – сейчас это позволяет процесс образования.

В.Н.СЫЗРАНЦЕВ: На мой взгляд, исходя из того, что сейчас происходит в вузе (и не только в нашем), когда мы в основном готовим бакалавров – эмбрионов, так сказать, – полагать, что готовим инженеров, тем более представителей *высокой* профессии, невозможно. Мне вспоминается вышедшая в 2003 году монография «Educational gap: технологическое образование на пороге XXI века». Ее авторы: профессор Томского университета Арнольд Ефимович Беляев и профессор из Израильского университета Виктор Исаакович Лифшиц – оба ныне покойные. Они со своих позиций – а это бы-

ли очень известные уважаемые профессионалы – сравнили подходы в инженерном образовании у нас и за рубежом. В этой книге очень много полезного для выстраивания стратегии инженерного образования, в том числе и для осмысления сегодняшней ситуации в инженерном образовании. И я разделяю их подходы.

Так вот, на мой взгляд, пока мы не вернемся к специалитету, тешить себя надеждой, что готовим инженеров, не стоит. Кстати, я как-то разговаривал с коллегами из технического университета Берлина, они сказали: что бы вы ни придумывали сегодня в своем образовании, у вас была великолепная школа подготовки инженеров, мы к вам ездили учиться. Два года назад немцы (они же прагматики), когда увидели, что произошло в образовании их инженеров по системе бакалавриата, спокойно отказались от нее, сказав, что это был эксперимент, и он показал отрицательные результаты.

Повторюсь, если мы сумеем вернуться к специалитету, то сможем сказать, что готовим инженеров.

ВЕДУЩАЯ: Уважаемые коллеги, давайте, развернем обсуждаемый вопрос несколько иначе. А именно: следует ли – вне зависимости от того, на каком уровне позволяют сегодня госстандарты реализовывать образование в университете – держать внутри себя идею о том, что вы готовите инженеров *высокой* профессии. Из какой позиции мы сегодня рассуждаем о профессии инженера? И вообще, уважаемые профессора, как вы себя идентифицируете? Вы – инженеры? И что мы вкладываем в сердца и души будущих выпускников, как бы мы их ни называли сегодня. Далеко не все имели честь в своем дипломе иметь запись «инженер» – даже в нашей стране, даже при Советском Союзе, память о котором всплывает так или иначе. Если поразмышлять с этой точки зрения, может быть, мы найдем возможность улучшить те рамки образовательных программ, в которых сейчас находимся и которые мы когда-то не смогли или не захотели изменить, будучи членами методических объединений.

Ш.М. МЕРДАНОВ: У меня реплика: когда мы соотносим «служение в профессии» и «инженер», то я согласен здесь с Ильей Моисеевичем Ковенским, что следует определиться, кого мы считаем инженером. Ведь есть еще и понятие «инженер человеческих душ».

Если же обратиться к понятию бакалавра, то даже в стандартах предусматривается, что бакалавр работает «в коллективе». Что касается подготовки инженера, то здесь, наверное, стоит вспомнить, а что вообще включает само понятие «инженер», как мы его сегодня определяем, какие характеристики выделяем в первую очередь. На мой взгляд, инженер – самостоятельно мыслящий, идущий вперед.

Мы учим своих студентов самостоятельно мыслить, не останавливаться на достигнутом, идти вперед.

ВЕДУЩАЯ: Мы с вами рассуждали об опорном университете. В этом контексте важно ли такому университету определиться: следует прививать своим питомцам только профессиональные навыки, или все-таки говорить и о служении (служение, это же своего рода делегированная ответственность, не важно – в коллективе, или индивидуальная)? Такие представления выпускникам опорного университета прививать надо или нет?

А.А.ТАРАСЕНКО: Как говорят, в чужой монастырь со своим уставом не ходят, поэтому прежде всего нам бы следовало изучить, чем живут корпорации. Они слишком быстро развиваются, используют много зарубежных технологий, в том числе организационных, управленческих – и мы все время вынуждены их догонять.

«Бациллу “служения”», мы, безусловно, должны вселять в наших выпускников. Но только после того, как изучим корпоративные стандарты в полной мере и «заведем» в корпорации человека, способного разговаривать с ними на одном языке. И если сверх того, он будет способен перенастроить эту корпорацию. Это было бы замечательно. А сейчас очень сложно такое сделать: сегодня в корпорациях не допускается никакой самостоятельности. Это часть корпоративной культуры. Даже изобретательство на многих предприятиях запрещено. Никакой «отсебятины»: опасный производственный объект, можно что-нибудь сломать или взорвать. Для начала нам нужно подготовить хорошего инженера. А если он будет еще и с «бациллой “служения”», это было бы очень полезно.

Т.С.ЖИЛИНА: Я думаю, что нам нужно посмотреть на инженера с точки зрения компетенций. Сейчас ему требуется большее количество компетенций, чем раньше. По статистике опросов работодателей, 80% успеха карьеры зависит от дополнительных компетенций (soft skills). Это умение грамотно говорить на своем родном языке, умение грамотно говорить на иностранном языке, чтобы уметь выжить не только в своей стране, но и за рубежом. К этому мы можем отнести и развитие чувства патриотизма (что очень важно, и не только к своей стране, но и к своей профессии). Необходимы также и многие менеджерские компетенции: умение руководить, грамотно убеждать, умение подчиняться, работать в коллективе. И наш университет в этом направлении делает очень много. В частности, находятся на согласовании программы гуманитаризации инженерного образования, состоится конференция по проблемам гуманитаризации.

Развитие гибких компетенций осуществляется не только через образовательный процесс, не только через гуманитарные дисциплины, но и через воспитательные действия.

В.Н.СЫЗРАНЦЕВ: Я, инженер-механик, поэтому меня задевает то, что сейчас прозвучало. Что меня беспокоит? В последнее время постоянно вынужден работать с профстандартами. И всякий раз, когда внимательно смотрю на эти стандарты, у меня возникает вопрос – что нам дальше делать? Профстандарт задает инженерному образованию функции. Но инженер – думающий человек. Когда читаю лекцию, привожу много примеров из практики (более тридцати заводов за спиной, много техники, в том числе военной), показываю, как решаются те или иные проблемы в процессе доводки. Студенты включаются со своими проблемами, начинаем думать, генерировать – «здесь надо так», а «здесь вот так». Стараюсь показать, что инженер прежде всего – думающий человек. А стандарт «трудовыми функциями» загоняет нас «в угол». И я не вижу, как мне в рамках профстандартов попытаться научить студента – будущего инженера – думать, а не только выполнять эти «функции».

Более того, новый стандарт, который предписан моей кафедре и кафедре С.И. Грачева в рамках бакалавриата, написан людьми, которые никогда не занимались учебным процессом. Они взяли два стандарта: один – разработка нефтяных и газовых месторождений, второй – машины и оборудование нефтяных и газовых промыслов (это все прописано в новом стандарте) – и уместили два пятилетних плана обучения инженера в четыре года. Так возник новый профстандарт. Магистратура – вообще «караул»... К магистратуре мы уже должны подготовить такого уровня бакалавра, которого мы сами, профессора, не достигаем. А к окончанию магистратуры магистрант должен достичь настолько высокого уровня, что мы не можем даже компетенции найти, под которые могли бы магистратуру открыть. Я не знаю, что мы будем с этими профстандартами делать.

КОНСУЛЬТАНТ: Уважаемые коллеги, мы приближаемся к моменту завершения семинара. И я предлагаю остатки сил затратить на вопрос: не является ли применение к профессии инженера характеристики *высокая* излишним пафосом, а то и утопией. Как вы считаете?

Ю.Д.ЗЕМЕНКОВ: Была надежда отмолчаться, но не смог. Я практически согласен со всеми, кто здесь выступал. И, одновременно, во многих вещах не согласен, потому что у меня не складывается система в отношении того, что мы обсуждаем в рамках нашего сегодняшнего семинара. И в первую очередь, относительно тех *высоких* профессий, которые были приведены в качестве примера: врач, пе-

дагог, журналист. Мой жизненный опыт позволяет говорить о том, что если многие журналисты, врачи будут продолжать так «служить профессии», как их обучают, то эти профессии не только не станут *высокими*, но станут, наоборот, *низкими*.

Дело в том, что у инженеров есть стандарты, по которым мы обязаны работать (сегодня об этом здесь говорили), но и у них тоже стандарты, схема, по которым они должны работать. Например, приходит пациент к врачу. Врач видит, что у пациента температура – сорок, но врач в схеме. Если он будет заниматься высокими идеями, моралью, то его посадят, потому что, не дай Бог, с пациентом что-то случится. Действовать надо по другому – надо работать в рамках профессии, она сложная. То есть, вопрос в том: например, врач служит профессии – или в философском смысле этот процесс служения осуществляет?

Поэтому три приведенных здесь примера *высоких* профессий, на мой взгляд, носят поверхностный характер. Вспомним, инженера Шухова и его гиперболоидные конструкции: башня Шаболовская стоит, ГУМ – перекрытия – стоят, первый трубопровод – стоит... Мой бывший заведующий кафедрой построил подледный водопровод в блокадный Ленинград. Да, инженеры, брали на себя ответственность, но это «выплески», это «выбросы» – это люди, которые шли через «не могу» и достигли определенных вершин. А сейчас: шаг влево, шаг вправо – и уже не хочется *идти под мост*, потому что там ты не можешь отвечать за тех людей, которые работают с тобой в команде. Вспомним трагедию в Кемерово... Не инженеры оставили свою работу и ушли в отставку, а губернатор Тулеев практически ушел в отставку. А инженеры и ответственные органы, по вине которых случилось разрушение, остались. Никто из них не вышел и не сказал: «да, мы виноваты там-то, там-то». Тишина. В этом смысле *высокая* профессия – будь-то журналист, или врач – это излишний пафос. Это все очень индивидуально.

И тут я должен согласиться с Ильей Моисеевичем, что надо воспитывать гражданина, прежде всего, гражданина. Так что, отвечая на вопрос о возможности применения к профессии инженера характеристики *высокая*, могу сказать, что пока это излишний пафос. В будущем, хочется верить, общество станет другим и, действительно, мы будем служить в профессии. Вот профессор Сызранцев возмущается нынешними стандартами, но напиши он президенту, напиши министру, собери людей – это было бы проявление активной позиции, но уже не служение в профессии. А так поговорили, поговорили и на том разошлись. Как-то высота не очень высокой получается.

Л.А.РУДНЕВА: Я бы термин «высокая профессия» вообще убрала из лексикона. К трем профессиям – врача, педагога, журналиста, которые приводились в качестве примеров *высокой* профессии, я бы применила такую характеристику, как благородство. Да, благородно лечить людей, учить детей. Военнослужащие, обеспечивая нашу безопасность, благородную миссию выполняют. И оставила бы характеристику «служение в профессии», потому что мы можем выпустить высококлассного инженера, но как судьба распорядится, где он будет работать. В компаниях, корпорациях, действительно, жесткие нормативы распределения функций через профстандарт, в котором расписано, что должно делать. И там «шаг влево», «шаг вправо» недопустимы. Профстандарт требует от специалиста точного исполнения своих обязанностей, ответственности за выполнение правильной и в установленные сроки работы и т.д.

Но инженер может попасть и в конструкторское бюро. А там необходим полет мыслей, там человеку предоставлена свобода. И он может (подобно Королеву, когда его жестко прессовало Политбюро) все-таки отстаивать свою точку зрения. Например, как инженер, он может доказать в каком-то случае, что ориентация на сиюминутную прибыль лишает долгосрочных дивидендов. Наверное, в том числе так проявляется служение профессии. Но вряд ли уместно говорить, что профессия инженера *высокая*.

А.А.ТАРАСЕНКО: Мне кажется слово «высокая» – это ввод в систему наших взаимоотношений какого-то неравенства. Знаю зарубежных инженеров – это крупнейшие инженеры, но им и в голову бы не пришло называть свою профессию *высокой*. Они просто высокие профессионалы. Собственно, мне кажется, к этому и нужно стремиться. Либо как-то определиться, что имеется в виду под *высокой* профессией.

С другой стороны, в России очень много инженеров. сделаны За последнее время осуществлены такие крупные проекты как, например, Самотлор-Пурпе. Я считаю, что это сделали инженеры *высокой* профессии, которые служат этой профессии. Правда, ответственность в ней рассредоточена: теперь не один человек отвечает за результаты работы, а целое подразделение. Тем не менее, невозможно не отнести этих специалистов к *высокой* профессии. Мне кажется, некоторые конфликтные проблематизации в ходе нашего семинара предназначены внести провокацию в дискуссию. Это нормально, но некоторые формулировки сродни ярлыкам и вносят в понимание профессий неравенство по их значимости. Если воспринимать характеристику «высокая» в качестве провокации, то надо уточнить этот термин.

КОНСУЛЬТАНТ: Время, отведенное на семинар, завершается. В заключение несколько замечаний, чтобы слово «провокация» не осталось последним и неопределенным в нашем разговоре. Если воспринимать характеристику «высокая» применительно к профессии как провокацию, то только в качестве методического приема. За этой провокацией стоит реальная, не придуманная ради оживления нашего разговора и обострения рассуждений проблема. Это еще не решенная проблема, и я бы сказал, что она только поставлена. Она обсуждается и в рядах научной братии, я имею в виду моих коллег философов-обществоведов. Они готовы ее обсуждать, уже обсуждали и на страницах нашего журнала «Ведомости прикладной этики», и на страницах монографии «Профессиональная этика инженера»... Я из этого разговора сделал для себя один вывод: (это не получается организационно-технически) по идее, после каждого такого семинара нужно писать новый семинар на ту же тему – чтобы получить результаты того, что мы здесь проговорили, что приняли, что оспорили, а потом еще раз закрепить полученное или упущенное. Если получится, значит встретимся еще. Спасибо всем.

POST FACTUM

Тема семинара «Инженер = *высокая* профессия: утопия или реальность» была воспринята участниками семинара с определенным напряжением. И это, скорее, позитивный эффект.

Такой эффект проявился, во-первых, в критике приложения характеристики *высокая* к профессии инженера (возможность скептического восприятия участниками семинара такой характеристики учитывалась во время его подготовки). Обсуждение показало, что идея *высокой* профессии в приложении к этике инженера нуждается в дополнительной операционализации. Пока актуальность именно этической проблематизации еще не проявилась в практике научно-образовательной деятельности университета (с профстандартами бы прежде разобраться).

Во-вторых, в неожиданно напряженном восприятии участниками семинара самого понятия «инженер». Казалось бы, очевидное его содержание было проблематизировано самими профессорами: в контексте сегодняшней образовательной практики оно воспринимается, по словам участников семинара, либо как архаизм, либо как понятие, не имеющее места в современном университетском образовательном дискурсе. Оказывается, прежние смыслы понятия «инженер» не работают, а новые – отсутствуют. Можно предположить, что это не только проблема Тюменского индустриального университета. Трансформируется содержание инженерной деятельности, транс-

формируются содержание и структура научно-образовательной деятельности университетов, и эти процессы, скорее всего, асинхронны. В такой ситуации вполне естественно, что этика инженера представляется участникам семинара не самой первой заботой в деятельности профессора и университета.

Критика участниками семинара самой идеи *высокой* профессии основывалась на практике профессий, которые были отнесены к *высоким*. И основной аргумент критики: алгоритмизация профессии и все большая вынужденность профессионала действовать по заранее заданным схемам. Однако именно эти аргументы подкрепляют актуальность обращения к этике профессии в университетских стенах – как задаче формирования культуры рефлексии над этическими аспектами профессии.

“Университетские стены” непрерывно перестраиваются извне и изнутри. Если продолжать на ректорских семинарах тему этики инженера, этому должно, скорее всего, предшествовать аккумулятивное достижение уровня понимания феномена опорного университета.

Список литературы

1. *Аржанова И.* Проект развития опорных вузов – это не про университеты, а про регионы» // Информационный бюллетень «Опорный университет» [Электронный ресурс]. Дата обращения 25.04.2018. URL: <<http://flagshipuniversity.ntf.ru/sites/default/files /%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%209.pdf>>

2. *Бакштановский В.И., Богданова М.В., Новоселов В.В.* Рефлексирующий университет: Рабочая книга ректорского семинара. Монография – Тюмень: ТюмГНГУ. 2013.

3. *Ковальчук М.В., Нарайкин О.С.* Природоподобные технологии – новые возможности и новые угрозы // ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 3-4 (118-119), Том 22. Осень-зима 2016. С. 103-108.

ПУБЛИКАЦИИ, ИЗДАННЫЕ НИИ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ
(2010-2018)*

ЖУРНАЛ «ВЕДОМОСТИ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ»

Практичность морали, действенность кодекса. Ведомости. Вып. 36 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2010. – 277 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

В номере:

- * Юбилей НИИ ПЭ
- * Аспекты практичности морали
- * О некоторых «вызовах» кодексам и кодификаторам
- * Формирование университетского дискурса о кодексе
- * Прогноз работоспособности этического кодекса ТюмГНГУ
- * Становление Товарищества «Прикладная этика» В. Бакштановского и Ю. Согомонова.

К 15-летию НИИ ПЭ журнал обновил свою структуру, открыв выпуск рубрикой «Парадигмы прикладной этики».

Центральная тема выпуска – рефлексия связи двух проблем: практичности морали и действенности кодекса. Стремление понять специфику критерия практичности морали – условие адекватности оценки эффективности кодекса.

Традиционная рубрика «Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития» представляет социологическую составляющую работы НИИ ПЭ по формированию дискурса о Кодексе; итоговый текст Кодекса; прогнозы экспертов о работоспособности Кодекса и их рекомендации. Еще одна новая рубрика – «Кафедра прикладной этики» – иници-

* Публикации НИИ ПЭ см.: *Бакштановский В.И., Богданова М.В., Согомонов Ю.В., Согомонов А.Ю.* НИИ прикладной этики ТюмГНГУ: Летопись первого десятилетия (1995-2005). Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005; Публикации, изданные НИИ прикладной этики в 2005 – 2010 гг. // *Практичность морали, действенность кодекса.* Ведомости. Вып. 36 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2010. С. 264-275.

ирована в связи с обсуждаемой в ТюмГНГУ перспективой создания кафедры прикладной этики, а также с насущной необходимостью соединения инновационного сценария развития этико-прикладного знания с соответствующими инновациями в этико-прикладном образовании.

Модернизация. Университет. Прикладная этика. Ведомости. Вып. 37 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2010. – 271 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

В номере:

* *Модернизация как ситуация морального выбора*

* *Мораль: практичность и действенность*

* *Между «псевдоуниверситетом» и «корпоративным университетом»*

* *«Если бы кафедру прикладной этики создавал я...».*

37-й выпуск журнала НИИ ПЭ тематически сочетает в себе исследование этических проблем модернизации в локальном масштабе университета и в масштабе страны.

В первом разделе представлен старт проекта «Этика и модернизация»: постановка проблемы; типологизация философско-этических оснований двух стратегий модернизации; критика «повестки дня» этического дискурса о модернизации и т.д. В статьях А.А.Гусейнова и Р.Г.Апресяна продолжена поднятая в 36-ом выпуске тема «Практичность морали, действенность кодекса».

В разделе «Миссия университета» представлены аналитический обзор цикла ректорских семинаров 2010 года, посвященных гуманитарной экспертизе стратегии развития ТюмГНГУ, и опыт мастер-класса, посвященного проектированию профессионально-этического кодекса университета в инновационной парадигме прикладной этики. В разделе «Кафедра прикладной этики» – размышления преподавателей отечественных университетов на предложенную редакторами тему «Если бы кафедру прикладной этики создавал я...».

Прикладная этика для магистрантов и профессоров. Ведомости. Вып. 38 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2011. – 260 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

В номере:

* *Этическая перспектива модернизации – измерение в формате «3D»*

* *Этически полноценный профессионализм: индивидуальный долг или институциональная поддержка?*

* *Опыт преподавания инженерной этики в России.*

Выпуск 38-й журнала НИИ ПЭ представляет проект «Этика модернизации», обращенный к задачам общеобщественного масштаба и к этическим аспектам задачи модернизации университета.

Одновременно в двух разделах – «Теоретический поиск» и «Миссия университета» – представлен проект «Инфраструктура прикладной этики: этические комитеты и комиссии».

В разделе «Миссия университета» публикуется аналитический обзор ректорского семинара «Этически полноценный профессионализм: индивидуальный долг или институциональная поддержка?».

Раздел «Кафедра прикладной этики» состоит из статей, рассказывающих об идеологии, методологии и технологии разработки и чтения университетских курсов прикладных этик в личном опыте авторов.

Особое внимание обращено к проекту, собирающему все рубрики журнала, – учебному пособию для магистрантов и профессоров «Прикладная этика: введение в инновационный курс», подготавливаемому НИИ ПЭ.

Этика профессора: вне-алиби-бытие. Ведомости. Вып. 39 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2011. – 278 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

В номере:

* *Этика профессора: чем нельзя поступиться ни при каких обстоятельствах*

- * *Этос высшей школы как диагноз*
- * *Этика профессора*
- * *Взаимное (не)доверие Профессора и Администратора?*
- * *Инновации в прикладной этике.*

Выпуск 39-й журнала НИИ ПЭ представляет проект «Этика профессора: вне-алиби-бытие», проблематизирующий (не)возможность оправдания моральной практики, *низких нравов высокой* по природе своей *профессии* профессора «объективными обстоятельствами».

В разделе «Теоретический поиск» обсуждаются предпосылки концептуализации этики профессора. Сверхзадача обсуждения – подход к теме «Этика профессора: чем нельзя поступиться ни при каких обстоятельствах».

В разделе «Миссия университета» публикуется аналитический обзор ректорского семинара, тема которого: «Как возможен этически полноценный профессионализм без взаимного доверия администраторов и профессоров?».

Основное содержание раздела «Кафедра прикладной этики» посвящено экспертизе концепции инновационного курса «Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров».

Прикладная этика как фронестика морального выбора. Ведомости. Вып. 40 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. – 276 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

В номере:

- * *Право на выбор в прикладной этике*
- * *Прикладная этика: на пути от авторского проекта к институциональному знанию?*
- * *Миссия профессора в исследовательском университете*
- * *Этика “высокой” профессии: уточненная локализация проблем.*

40-й выпуск журнала НИИ ПЭ организован вокруг темы «Прикладная этика как фронестика морального выбора». Эта тема характеризует особенность инновационной парадигмы прикладной этики и подчеркивает юбилейный характер выпуска, совпадающего с 70-летием В.И.Бакштановского.

В разделе «Теоретический поиск» представлены во-первых, тексты, в которых предпринимается экспертиза идеи-формулы «Моральный выбор – *modus vivendi* прикладной этики»; во-вторых, материалы продолжающегося проекта «Этика профессора: *вне-алиби-бытие*».

В разделе «Миссия университета» публикуется анализ опыта первого из нового цикла ректорских семинаров, сосредоточенного на теме «Этика профессора: *вне-алиби-бытие*».

В разделе «Жизнь в профессии» публикуется беседа А.Ю. Согомонова с В.И. Бакштановским. Ключевая проблематизация: «Прикладная этика: на пути от авторского проекта к институциональному знанию?».

Прикладная этика: экспертный потенциал. Ведомости прикладной этики. Вып. 41 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. – 276 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

В номере:

- * *Два вектора этической экспертизы в современном мире*
- * *Этическая экспертиза: агент, предмет, процедура*
- * *Этика профессора: честь и честность*
- * *Профессионально-этическая экспертиза в российской Журналистике.*

41-й выпуск журнала НИИ ПЭ организован вокруг темы «Прикладная этика: экспертный потенциал», раскрывающей одну из важных функций связи прикладной этики с практикой.

В разделе «Теоретический поиск» представлены тексты, в которых обсуждается тезис об этической экспертизе как наиболее бесспорном *практическом потенциале* философской этики и проектно-ориентированного этического знания. Это обсуждение стимулирует обновление актуальной повестки дня.

Здесь же публикуются материалы продолжающегося проекта «Миссия профессора: *вне-алиби-бытие*».

В разделе «Миссия университета» публикуется анализ опыта нового ректорского семинара, сосредоточенного на теме «Этика профессора: честь и честность».

В разделе «Кафедра прикладной этики» – вторая часть статьи о теоретико-методологических проблемах преподавания

прикладной этики на нефилософских специальностях и материалы, содержащие опыт разработки различных курсов прикладных этик.

Этика инженера: через понимание к воспитанию. Ведомости прикладной этики. Вып. 42 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2013. – 260 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

В номере:

- * *Социокультурная динамика этики инженера*
- * *Параметры и контекст инженерной этики*
- * *Этика инженера и образовательные технологии*
- * *Кодекс как миф и как мир*
- * *Профессор как воспитатель.*

42-й выпуск журнала организован вокруг темы «Этика инженера: через понимание к воспитанию». Этика инженера как направление прикладной этики может и должна рассматриваться в качестве исследовательского направления; предмета регулятивной деятельности инженеров через этическое кодифицирование; учебной дисциплины; одного из ориентиров воспитательной практики.

В разделе «Теоретический поиск» представлены тексты, в которых обсуждаются социокультурная динамика этики инженера; конфликт позиций в этике инженера, ориентирующихся либо на профессиональную, либо на корпоративную этику; проблема социальной ответственности инженера как современный тренд в инженерной этике; взаимодействие морали инженерной деятельности и соответствующей отрасли этико-прикладного знания и т.д.

Во вновь открытой «Рубрике академика А.А.Гусейнова» автор представил тему «Еще раз о философской этике».

В традиционном разделе «Миссия университета» публикуется анализ опыта очередного ректорского семинара, сосредоточенного на теме «Профессор как воспитатель».

В продолжающемся разделе «Из истории инновационной парадигмы» публикуется текст, посвященный этико-прикладному проекту эпохи Перестройки «Самотлорский практикум».

«Что такое хорошо и что такое плохо» в прикладных моралях. Ведомости прикладной этики. Вып. 43 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2013. – 268 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

В номере:

* *Что происходит с моральными идеями в этико-прикладных системах?*

* *Нормативное содержание профессиональных этик*

* *«Что такое хорошо» в деле профессора*

**Повестка дня для инновационной парадигмы.*

43-й выпуск журнала организован вокруг темы «"Что такое хорошо..." в прикладных моралях». Раздел «Теоретический поиск» посвящен теоретико-методологическому развитию важной темы этико-прикладного знания: природе «малых» нормативно-ценностных систем – *профессиональных и экстрапрофессиональных*, процессу конкретизации морали в ситуации ее приложения к «малым» этикам: университетской, инженерной, журналистской, социальной работы и т.д. В разделе «Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития» представлены статья о феномене маркетизации университета и аналитический обзор ректорского семинара на тему «"Что такое хорошо и что такое плохо?" в деле Профессора». В разделе «Кафедра прикладной этики» публикуется статья об актуализации повестки дня инновационной парадигмы прикладной этики и, соответственно, для инновационного курса прикладной этики.

С 43-го выпуска решением соредкторов создана редакционная коллегия журнала. В нее вошли: *Р.Г. Апресян*, д.ф.н., проф., Институт философии РАН; *А.А. Гусейнов*, д.ф.н., проф., академик РАН, Институт философии РАН; *Е.И. Головаха*, д.ф.н., проф., Институт социологии НАН Украины; *М.В. Богданова*, к.с.н., НИИ ПЭ ТюмГНГУ - отв.секретарь редколлегии; *Е.В. Беляева*, к.ф.н., проф. Белорусский государственный университет; *Ю.В. Казаков*, к.с.н., Общественная коллегия по жалобам на прессу СЖ РФ; *И.М. Ковенский*, д.т.н., проф., ТюмГНГУ; *А.В. Прокофьев*, д.ф.н., проф., Московский государственный университет; *М.М. Рогожа*, д.ф.н., проф., Национальный авиационный университет (Украина); *А.Ю. Согомонов*, к.ист.н.,

Институт социологии РАН; *Г.Л. Тульчинский*, д.ф.н., проф., Санкт-Петербургский филиал НИУ ВШЭ.

«Что такое хорошо и что такое плохо» в инженерном деле. Ведомости прикладной этики. Вып. 44 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2014. – 268 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

В номере:

- * *Мировоззренческое напряжение профессии инженера в современном обществе*
- * *Моноцентрическая и полицентрическая модели ответственности инженера*
- * *«Правильное выполнение работы» и/или «выполнение правильной работы»?*
- * *От ответственности к свободе.*

44-й выпуск журнала организован вокруг темы «"Что такое хорошо и что такое плохо" в инженерном деле». Эта тема конкретизируется обращением к проблемам динамики предмета профессиональной ответственности инженеров. Раздел «Теоретический поиск» сконцентрирован на проблеме мировоззренческого напряжения профессии инженера в современном мире. Многообразии аспектов этики инженера представлено в разделах «Миссия университета» и «Кафедра прикладной этики». Возобновлена рубрика «Жизнь в профессии». В рубрике «Из истории инновационной парадигмы» публикуются избранные материалы экспертного опроса «Самотлорский практикум-2» (г. Ханты-Мансийск, 1988 г.).

Миссия прикладной этики: актуальные вызовы. Ведомости прикладной этики. Вып. 45 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2014. – 251 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

В номере:

- * *Новые-старые проблемы инновационной парадигмы*
- * *Профессиональная этика инженера: запрос на обновление*
- * *Академик А.А.Гусейнов о тюменской школе прикладной этики.*

45-й выпуск журнала посвящен юбилею НИИ ПЭ и журнала «Ведомости прикладной этики». Он сосредоточен на магистральной повестке дня, которую НИИ ПЭ разрабатывал в течение двадцати лет. В разделе «Теоретический поиск» собраны статьи вокруг темы «Прикладная этика в динамичном мире». Персональная рубрика А.А.Гусейнова – «О тюменской школе прикладной этики». Различные грани прикладной этики в ее социокультурной динамике рассматриваются и в традиционных разделах журнала «Миссия университета», «Ойкумена прикладной этики», «Кафедра прикладной этики». Продолжен раздел «Жизнь в профессии».

Университет – центр формирования и воспроизводства этики профессии. Ведомости прикладной этики. Вып. 46 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015. – 263 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

В номере:

- * *Этика инженерной профессии в университетской доксе*
- * *Профессиональная этика, профессиональный этос и Университет*
- * *Профессиональная этика инженера (по материалам опроса студентов ТюмГНГУ).*

46-й выпуск журнала посвящен юбилею НИИ ПЭ и журнала «Ведомости прикладной этики». Он сосредоточен на магистральной повестке дня, которую НИИ ПЭ разрабатывал в течение двадцати лет. Статьи раздела «Теоретический поиск» собраны вокруг темы «Этика профессии и миссия университета». Персональная рубрика А.А.Гусейнова посвящена теме «Добродетель и добротность». Различные грани прикладной этики (этика инженера, этика педагога и т.п.) рассматриваются и в традиционных разделах журнала «Миссия университета», «Кафедра прикладной этики». Раздел «Из истории инновационной парадигмы» посвящен характеристике истоков концептуальной автономии инновационной парадигмы прикладной этики.

Университетская этика: актуальная повестка дня. Ведомости прикладной этики. Вып. 47 / Под ред. В.И.Бакштановского, О.А.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015. – 260 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

В номере:

- * *Преобразование Университета: этическая проблематизация*
- * *Ценностные ориентиры университетского администратора*
- * *Перемены vs традиции в инженерном образовании*
- * *Этические координаты инженерного дела: представления студентов.*

Собирающая тема 47-го выпуска «Ведомостей прикладной этики» – «Университетская этика: актуальная повестка дня». Статьи раздела «Теоретический поиск» посвящены темам «Этика университетского администратора» и «Этика инженерного дела». В персональной рубрике А.А. Гусейнова опубликована статья «Мораль и экономика: линии взаимодействия». Различные грани прикладной этики (этика педагога, этика журналиста и т.п.) рассматриваются и в традиционных разделах журнала «Ойкумена прикладной этики», «Кафедра прикладной этики».

С этого выпуска Международным центром ISSN журналу присвоен международный стандартный номер сериального издания, публикуемого в интернете: ISSN 2413-0451 (Online).

Возвращение этики успеха? Ведомости прикладной этики. Вып. 48 / Под ред. В.И.Бакштановского, О.А.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. – 246 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

В номере:

- * *Успех этики успеха?*
- * *Этика выживания и этика успеха*
- * *Устойчивый университет*
- * *Антиномии успеха академического этоса*

* *Этический кодекс или стандарт легальности?*

* *Новые концептуализации символа инженерной профессии*

48-й выпуск «Ведомостей прикладной этики» собран вокруг проекта «Возвращение этики успеха?». Знак вопроса в названии темы – проблематизация необходимости и возможности актуализировать тему «этика успеха» в современных обстоятельствах жизни нашего общества. Проект предполагает приложение-конкретизацию концепции этики успеха к определенному полю исследований – университетской этике, вбирающей в себя ценности профессии-корпорации и корпорации-организации: этике профессора, этике университетского администратора, этике инженера, этике воспитания и т.д.

«Успешный профессор» VS «Честный профессор»? Ведомости прикладной этики. Вып. 49 / Под ред. В.И. Бакштановского, О.А. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. – 230 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

В номере:

* *Об обязанностях профессоров*

* *Как трудно быть профессором эпохи перемен*

* *«Возвращение этики успеха» оправдание и самокритика проекта*

* *Честный профессор и/или сервильный этос*

* *Успех профессора в организации и в профессии.*

Выпуск 49-й «Ведомостей прикладной этики» собран вокруг темы «Успешный профессор vs Честный профессор?», продолжающей тему предшествующего выпуска конкретизацией этики успеха применительно к этике профессора. Проблематизация ценности успеха в университетской практике связана с конфликтом ориентации на успех и честности перед профессией. Прежде всего – перед Знанием. Работа с гипотезой о введении парадигмы успеха в профессиональную этику Профессора предполагает в дальнейшем обсуждение вопросов метафизического плана. Претендуя на роль драйвера развития нормативно-ценностных систем разных профессий, этика успеха может стать драйвером развития общественной морали.

Прикладная этика в современной России: вчера, сегодня, завтра. Ведомости прикладной этики. Вып. 50 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2017. – 253 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

В номере:

- * *Прикладная этика: традиции, предтечи, прецеденты*
- * *В поиске идентичности этико-прикладного знания*
- * *Автономия профессионала и автономия профессии*
- * *«Устойчивый университет» (образ будущего, проблемы, тренды)*
- * *Этос университета: признак идентичности или артефакт культурной памяти?*

Выпуск 50-й, юбилейный, «Ведомостей прикладной этики» собран вокруг темы «Прикладная этика в современной России: вчера, сегодня, завтра». Он посвящен размышлениям сложившегося вокруг журнала профессионального сообщества над основной темой журнала, определенной его названием. Сквозное направление этих размышлений – ретроспективное и перспективное видение пути прикладной этики в отечественных условиях. Особое внимание авторы выпуска уделяют проблематизации практического эффекта от этико-прикладного знания.

Этика профессии как ценностный ориентир проектирования миссии университета. Ведомости прикладной этики. Вып. 51 / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. – 222 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

В номере:

- * *Экономические вызовы университету: этическая рефлексия*
- * *Проект «опорного университета» и академическая этика*
- * *Ценности профессиональной этики в формировании идентичности опорного университета*

* *Университеты третьего поколения: новая миссия и проблемы ее становления.*

Выпуск 51-й журнала сосредоточен на исследовании роли ценностей этики профессии в проектировании миссии трансформирующегося университета. Авторы рассматривают гипотезу об актуальности поддержания «метафизики университета» в условиях все более доминирующей «прагматики» – придания университету, прежде всего опорному, функции «фабрики профессиональных компетенций для экономики». В качестве одного из базовых элементов Миссии опорного университета, *превосходящей* функцию обслуживания актуальных потребностей региона в виде «кузницы кадров», обсуждается формирование среды, где рождаются новые смыслы и ценности профессиональной этики. Особое внимание уделяется вопросу о реалистичности опоры опорного университета на ценности профессиональной этики, формирующие его миссию.

МОНОГРАФИИ

Бакштановский В.И. *Прикладная этика: лаборатория ноу-хау.* Том 2. Кодексы, которые нас выбирают: этическое проектирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2010. – 263 с.

Монография развивает инновационную парадигму прикладной этики через обоснование и демонстрацию ее ноу-хау в действии. Идея о ноу-хау как способе существования этой парадигмы конкретизируется в этико-прикладной концептуализации «малых» императивно-ценностных систем и в системе технологий проектно-ориентированного этического знания: этического моделирования, этического проектирования, этической экспертизы, этического консультирования и т.д. Два раздела этого тома, сосредоточенного на технологии этического проектирования, представляют соответственно концептуальные основания ноу-хау в проектировании кодексов и мастер-класс «проектирование профессионально-этического кодекса университета в инновационной парадигме прикладной этики».

Богданова М.В. Эмос современного отечественного университета (как возможна социология этоса). Монография / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. - 220 с.

В монографии предлагается социологическая концепция этоса современного отечественного университета, анализируются ее теоретико-методологические предпосылки, разворачиваются основные положения.

Представлены процесс и результаты эмпирического исследования этоса ТюмГНГУ в трех проектах НИИ ПЭ, посвященных ситуации университета на этапах «смены имени» (от «института» - к «университету»); самоопределения через проектирование «Миссии-Кредо»; самоопределения через проектирование «Профессионально-этического кодекса университета». Сочетание теоретического и эмпирического аспектов исследования этоса университета в целом показывает «как возможна социология этоса».

Монография адресована специалистам в сфере социологии, профессиональной этики, стратегического менеджмента.

Бакштановский В.И., Богданова М.В., Новоселов В.В. Рефлексирующий университет: Рабочая книга ректорского семинара. Монография / Тюмень: ТюмГНГУ. 2013. – 249 с.

В монографии представлен концептуальный и практический опыт работы ректорского семинара ТюмГНГУ как *институции гуманитарной экспертизы* стратегий модернизации университета. В центре книги – ТюмГНГУ как университет, сосредоточенный на самопознании, рефлексии своего самоопределения в трансформирующемся обществе, полагающий необходимым особое внимание к проектированию не только своих целей, но и – *высоких* ценностей. Экспертный потенциал ректорского семинара заключается в выведении языка самопознания и самоопределения университета за рамки категорий *прагматики и маркетинга* и освоении языка *смысло-ценностных ориентиров*. В основе культивируемой семинаром *идеи-технологии* гуманитарной экспертизы – моделирование предложенных на экспертизу проблем и гипотез через *испытание ситуацией морального выбора*.

Участники семинара – проректоры, директора институтов, руководители ряда департаментов, заведующие кафедрами, ведущие профессора ТюмГНГУ, которые знают, чувствуют, «проживают» этос университета «изнутри».

Представленный в книге опыт разработки и применения идеи-технологии гуманитарной экспертизы ситуаций выбора, прожитых ТюмГНГУ, дает определенные основания для вывода о приемлемости их для экспертизы стратегий развития отечественных университетов, прежде всего – молодых.

Профессиональная этика инженера: Опыт коллективной рефлексии для магистр(ант)ов и профессоров. Коллективная монография / Под ред. В.И. Бакштановского. Составители А.Ю. Согомонов, М.В. Богданова. Тюмень: НИИ прикладной этики ТИУ, 2018. – 248 с. (Библиотека журнала «Ведомости прикладной этики». Выпуск 1).

Бесспорна ли сосредоточенность современных исследований инженерного дела на экономической, управленческой, технологической и т.п. проблематике? Избранная авторами коллективной монографии проблематизация вводит в исследовательское поле инженерной профессии инновационную профессионально-этическую проблематику: «правильное исполнение работы» или «исполнение правильной работы» – как мировоззренческое напряжение профессии инженера в современном мире; моральные дилеммы инженерного дела в условиях трансформирующегося общества: «думать как инженер или думать как менеджер»; «экологичность versus практичность»; парадигма этики профессионального успеха инженера и т.д. Формирование и воспроизводство инженерной этики рассматривается в качестве фундаментального элемента миссии современного Университета. Монография представляет опыт коллективной рефлексии, организованной исследовательским проектом журнала «Ведомости прикладной этики», издаваемого Тюменским индустриальным университетом. Книга открывает серию «Библиотека журнала “Ведомости прикладной этики”», она адресована как исследователям в сфере инженерной этики, так и студентам, магистрантам, профессорам, молодым специалистам и инженерам со стажем.

Авторский коллектив: И.Ю.Алексеева, д.ф.н., доц. (II.3.; V.1.; V.5.), Р.Г.Апресян, д.ф.н., проф. (I.3.; II.1.), В.И. Бакштановский, д.ф.н., проф. (I.1.; II.4.), М.В. Богданова, д.с.н., доц. (II.4.), Е.Н. Викторук, д.ф.н., проф. (V.3.), В.Г. Горохов, д.ф.н., проф. (II.5.), А.А. Гусейнов д.ф.н., проф., академик РАН (I.5.), А.А. Малюк, к.т.н., проф. (V.1.; V.5.), Г.В. Панина, к.ф.н., доц. (V.4.), А.В. Прокофьев, д.ф.н., доц. (III.1; IV.1.), М.М. Рогожа, д.ф.н., доц. (III.3.), А.А. Скворцов, к.ф.н., доц. (I.4.), Ю.В. Согомонов, д.ф.н., проф. (I.1), А.Ю. Согомонов, к.и.н., (II.2.; IV.2.; V.2.), А.А. Сычев, д.ф.н., доц. (I.2.; III.2.; IV.3.).

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

***Бакштановский В.И.* Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров (часть первая) / Монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2011. – 272 с.**

Курс – опыт учебного пособия, представляющего инновационную парадигму, долгое время первую и единственную в современной отечественной прикладной этике.

Курс сосредоточен на процессе креации инновационной парадигмы в целом и конкретных ее проектов. Тем самым и магистр(ант)ы, и профессора получают возможность включиться в творческое, а не только учебное, соавторство в освоении и развитии ноу-хау инновационной парадигмы.

Курс структурирован таким образом, чтобы описать системное ноу-хау инновационной парадигмы в работе с феноменом приложения в этике в каждом из двух его проявлений: приложение как конкретизация морали в ее нормативно-ценностных подсистемах и приложение как производство этико-прикладного знания.

В четырех частях курса рассматриваются: основания прикладной этики; концептуальные и проектные разработки «территорий» ойкумены прикладной этики, в отношении которых инновационная парадигма предприняла «новое освоение»; технологии прикладной этики в действии – в формате «рабочих тетрадей» для будущего магистра, сегодняшнего эксперта,

консультанта этических инфраструктур, преподавателя прикладной этики и т.п.

Бакштановский В.И. Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров (часть вторая) / Монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2011. – 269 с.

Курс – опыт учебного пособия, представляющего инновационную парадигму, долгое время первую и единственную в современной отечественной прикладной этике. Курс сосредоточен на процессе креации инновационной парадигмы в целом и конкретных ее проектов. Тем самым и магистр(ант)ы, и профессора получают возможность включиться в творческое, а не только учебное, соавторство в освоении и развитии ноу-хау инновационной парадигмы.

Курс структурирован таким образом, чтобы описать системное ноу-хау инновационной парадигмы в работе с феноменом приложения в этике в каждом из двух его проявлений: приложение как конкретизация морали в ее нормативно-ценностных подсистемах и приложение как производство этико-прикладного знания.

В четырех частях курса рассматриваются: основания прикладной этики; концептуальные и проектные разработки «территорий» ойкумены прикладной этики, в отношении которых инновационная парадигма предприняла «новое освоение»; технологии прикладной этики в действии – в формате «рабочих тетрадей» для будущего магистра, сегодняшнего эксперта, консультанта этических инфраструктур, преподавателя прикладной этики и т.п.

Бакштановский В.И. Университетская этика: Прикладная этика. Инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров (Часть третья) / Учебное пособие. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2014. – 242 с.

Курс – опыт учебного пособия, представляющего инновационную парадигму, долгое время первую и единственную в современной отечественной прикладной этике. Курс сосредоточен на процессе креации инновационной парадигмы в целом

и конкретных ее направлений-проектов. Тем самым и магистр(ант)ы, и профессора получают возможность включиться в творческое, а не только учебное, соавторство в освоении и развитии ноу-хау инновационной парадигмы.

Курс структурирован таким образом, чтобы описать системное ноу-хау инновационной парадигмы в работе с феноменом приложения в этике в каждом из двух его проявлений: конкретизация морали в ее нормативно-ценностных подсистемах и – производство этико-прикладного знания.

В третьей части курса рассматриваются: идея и опыт формирования повестки дня университетской этики в инновационной парадигме, концепция креации этического кодекса; идея и опыт проектирования профессионально-этического кодекса университета.

SUMMARY

Section: THEORETICAL SEARCH

***Apressyan, Ruben G. The Preconditions of Realism in Applied Ethics Designing* 9**

A success in applied ethics actions is dependent not only upon the quality of project design and the way of implementation, but also upon functional and substantial preconditions of an organization or a group, where an applied-ethical project is to be implemented. Applied-ethics initiatives in the university (mainly regarding ethical code of conduct) have low chances for success because of a number of negative factors: low level of university administrative independence, commercialization in education, reduction of students' performance assessment criteria, cramped conditions of teaching and research for university teachers, the lack of active teachers' professional associations, etc. These conditions may cause teachers' professional and identical crisis, which correspondingly impede success of attempts to apply ethics projects in universities.

Key words: professional ethics, applied ethics designing, university ethics, academic freedoms, personal dignity, professional vocation.

***Prokofiev, Andrey V. Institutionalization of Professional and Organizational Ethics: The Range of the Possible* 19**

The paper analyzes the balance of positive and negative effects of centralized efforts to institutionalize professional and organizational ethics. Among their possible positive effects are 1) the enhancement of professional responsibility of managers and employees, 2) the enhancement of responsible treatment of stakeholders, and 3) the creation of a positive public image of an organization. On the negative side, ethical codes and ethical infrastructure can become 1) a mere window-dressing for unethical practices, 2) a means to manipulate moral feelings of employees and general public by managers, and 3) an instrument of bureaucratic control, limitation of freedom, and direct oppression. If negative effects dominate, the very idea of ethical self-regulation in the professional and organizational context would be discredited. Author shows that the belief in effectiveness of codes of ethics and ethics programs was almost axiomatic for many decades. Only in 1990-s their effectiveness became a matter of an intense theoretical discussion. As a result of this discussion, the majority of researchers now held an optimistic view on the capacity of codes to improve organizational practice. But their optimism is muted because the effectiveness of codes is conditioned by many factors seemed out of reach for an intentional institutional design. The author illustrates this situ-

ation by two examples pertain to codifying ethics in Russian and American universities.

Key words: professional ethics, organizational ethics, building codes of ethics, effectiveness of codes of ethics, ethics in the university.

Skvortsov, Alexey A. "Utopia" of academic ethics and university "dystopia" 37

The article is devoted to the consideration of the academic ethics value transformation. The author shows that the classical university ethics, formed before the era of active reforms of higher school, proceeded from the mission of supporting a high intellectual and cultural level in society. These values are named the author as "utopia", because the university mission could not save it from the devastating wave of commercialization, which largely changed the motivation of employees and the perception of higher school in society. A new value horizon required ordinary workers to violently change the idea of service to considerations of profit. The author named the new value paradigm as "dystopia". Since 15 years ago it was difficult to imagine that the higher school began to turn into a commercial enterprise. This process, called in the article "transgression", led to a significant corruption of the main university activities: pedagogical, research, cultural and educational work. The author assumes that this circumstance leads to loss of professional identity by university employees, and authentic university ethics today remains a matter of personal choice.

Key words: ethics, academic ethics, university ethics, science, education, reform of education, utopia, dystopia.

Sychev, Andrey A. Ecotopia and Morality 47

The article is focused on the features of emerging and development of ecotopia as a system of representations, values and practices aiming at providing a future harmonious coexistence of man and nature. The author analyses ecological ideas in the classical utopias of the Modernity, differentiating between maximalist (T. More, V.F. Odoevsky, V.I. Vernadsky) and minimalist (H.D. Thoreau, W. Morris, P.A. Kropotkin) ecotopies, pre-determining the main dilemmas of contemporary environmental ethics. On the example of the works of A. Huxley, E. Callenbach and others, contemporary ecotopies are analyzed and their differences from the classical ones are shown (processuality, non-ideality, applied orientation, realizability). It is shown that the implementation of ecotopies requires changes in the moral consciousness and assumes voluntary acceptance of ecological values and norms based on the imperative of survival. The author concludes that the movement toward ecotopia is not only desirable, but vital for the preservation of mankind.

Key words: ethics, ecology, environment, utopia, ecotopia, practopia, values, survival

***Moskich Yury N., Viktoruk Elena N. Goals and objectives of applied ethics in a turbulent world* 63**

An analysis is made of the realism of the claims of applied ethics in the project paradigm for the formation of new social practices. The evolution of applied ethics under the conditions of "social turbulence" in a new rapidly changing global world that calls for new ethical norms and rules aimed at overcoming the negative consequences of possible future shocks is considered. Examples are given of deepening of the notions of a moral subject in interdisciplinary studies under conditions of a change in the ethical paradigm are considered.

Key words: moral codification, applied ethics, ethical codes, moral subject, social turbulence, new industrial revolution.

***Belyaeva, Elena V. The digital society and the possibilities of its ethical regulation* 74**

Electronic-digital mediation of any social relations proves to be a source of new situations of moral choice that require support from ethics. Applied ethics of the digital world, first, should be based on the functioning of effective social institutions. Secondly, it should be interdisciplinary, connecting bioethics, engineering ethics, business ethics and political ethics in a single complex. Third, the possibilities of ethical regulation of a digital society are linked to the concept of human rights, which must be rethought on the basis of a new understanding of the nature of man in such a society.

Key words: digital society, human rights, confidentiality, human dignity, justice.

***Rohozha, Mariya M. On (un)realistic applied ethics projects* 83**

The paper deals with the peculiarities of applied ethics outlined in post-soviet ethical discourse (application/ designing of ethical knowledge for resolving of ethical problems, adequacy of ethical responses on requests of general public). Special attention is focused on general public as the mover for applied ethics projects. It is mentioned, that development of applied ethics projects seems rather problem if general public is passive one. In such prospects, applied ethics is the theory more than the resource for ethical technology in social practices.

Key words: applied ethics, plied ethics project, general public, request for ethics.

**Tulchinskii Grigorii L. What can the applied ethics teach:
attempt to systematize content** 90

The labor digitalization problematizes applied ethics. The task is to systematize the content of applied ethics in accordance with the organization of existing ethos. There are presented three levels of organization of the applied ethics content: national, professional, corporate-style of the ethos levels. The main task of teaching applied ethics becomes formation and interaction of these ethos.

Key words: business cultures, applied ethics, professions, university, ethos.

**Perov, Vadim Yu., Kitaev, Dmitrii G. The problems of transformation
of university ethics** 98

The article explores the peculiarities of university ethics in the context of the transformation of modern higher education. The research revealed that the "ethical codes" existing in most Russian universities are formal and remain practically unused (the situation in SPbU is an exception). The analysis of the key moments of the transformation of the ethical principles of the "classical university" has been carried out. It is shown that as a result of the appearance of a commercial "social order" for universities and the use of information technologies in education, the position of the teacher in the university structure changes radically. The teacher is in the position of social alienation, which was described by K. Marx. As the main ethical problem, there is a need to change university ethics and form the ethics of a university teacher, which takes into account changed social demands.

Key words: classical university, university ethics, ethical code, autonomy, alienation, transformation of higher education, university ethics of the teacher.

Column of academician A.A.Guseynov

The golden rule of morality by Confucius 111

The article examines the experience of theoretical and normative interpretation of the Golden Rule in the teachings of Confucius. This rule is interpreted as one of the ancient and typical answers to the question: "What should I do?", denoting the subject area of ethics. The main emphasis is on analyzing how the Golden Rule is associated with the ritual and to what extent it can be considered a rule of reciprocity.

The author connects him with the idea of the autonomy of the individual.

Section: UNIVERSITY MISSION

**Sogomonov, Alexander Yu. "Sustainable University"
(science, higher education, and applied ethics) 119**

Current transformation of higher education and universities is under the consideration. The global world is slowly, but consistently, transforming towards the sustainable development and mode of life, challenging the very basics of classical higher education. Education for sustainable development (ESD) is on the agenda all over the world. But contrary to the common sense, claiming that primarily natural sciences could re-organize the educational process and curricula, to construct adequate and correct ESD plans, programs and schemas we should appeal firstly to philosophy and ethics. The experiences of the top-100 sustainable universities prove this. Thus, "sustainability stories", as narrated success-pivotal for the 21-st century, are usually constructed inside various applied-ethical contexts. And their further didactic rationalization seems to become the consciously renewed mission of the Sustainable University.

Key words: sustainable development, ethics of sustainable development, sustainable university, leadership, applied ethics.

**Bakshantovsky, Vladimir I., Bogdanova, Marina V. Engineer =
a high profession: utopia or reality? 134**

The experience of designing the hypothesis "Engineer = High Profession: utopia or reality?" and its collective reflection by professors and administrators of the technical university are presented. The attempt to identify the profession of an engineer as a high profession undertaken in the format of a rector's seminar was reconstructed. (High professions have an attitude toward serving in the profession.) The appeal to the category of "high profession" problematize during the discussion the task of understanding the features of the profession of a modern engineer. One of the lines of tension: a modern engineer is predominantly a performer of a professional standard, acting according to predetermined schemes and, at the same time, an innovative professional.

Key words: professional ethics, the ethics of an engineer, the image of a modern engineer, a high profession, moral dilemmas, identity, a basic university.

Авторы выпуска

Апресян Рубен Грантович, д.ф.н., проф., зав. сектором этики Института философии РАН; ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; apressyan@mail.ru

Бакштановский Владимир Иосифович, д.ф.н., проф., директор НИИ ПЭ ТИУ; priclet@tsogu.ru

Беляева Елена Валерьевна, к.ф.н., доц., Белорусский государственный университет; bksisa@rambler.ru

Богданова Марина Владимировна, д.с.н., ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; etika2@tsogu.ru

Викторук Елена Николаевна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой философии, социологии и религиоведения ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева»; eviktoruk@yandex.ru

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., проф., академик РАН, Институт философии РАН; guseinov@iph.ras.ru

Китаев Дмитрий Геннадьевич, магистрант направления «Прикладная этика», Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет; kitaev.career@gmail.com

Москвич Юрий Николаевич, к. физ.-мат.наук, проф., зам.проректора по науке и международной деятельности ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева»; yumoskvich@mail.ru

Перов Вадим Юрьевич, к.ф.н, доц., зав. кафедрой этики Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет; vadimperov@gmail.com

Прокофьев Андрей Вячеславович, д.ф.н., проф., ведущий научный сотрудник сектора этики Института философии РАН; ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; avprok2006@mail.ru

Рогожа Мария Михайловна, д.ф.н., проф., профессор кафедры этики, эстетики и культурологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Украина); mrogozha@ukr.net

Скворцов Алексей Алексеевич, к.ф.н, доц., кафедры этики философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; lambis@mail.ru

Согомонов Александр Юрьевич, к.ист.н., ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; sogi@mail.ru

Сычев Андрей Анатольевич, д.ф.н., проф.; кафедра философии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева; sychevaa@mail.ru

Тульчинский Григорий Львович, д.ф.н., проф.; кафедра междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, департамент прикладной политологии, заслуженный деятель науки РФ; gtul@mail.ru

List of authors

Apressyan, Ruben G., Dr., Professor, Chief Research Fellow, Head, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); apressyan@mail.ru

Bakhtanovsky, Vladimir I., D.Sc., Professor, Director of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); priclet@tsogu.ru

Belyaeva, Elena V., Candidate of sciences (PhD) in Philosophy, Belarusian State University; bksisa@rambler.ru

Bogdanova, Marina V., D.Sc. in Sociology; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); etika2@tsogu.ru

Viktoruk, Elena N., D.Sc., Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Religious Studies in Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, the city of Krasnoyarsk, Russia; eviktoruk@yandex.ru

Guseynov, Abdusalam Abdulkerimovich, D. Sc., Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, RAS Institute of Philosophy; Chief Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); guseynov@iph.ras.ru

Kitaev, Dmitrii G., student of Masters Program «Applied Ethics», Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, kitaev.career@gmail.com

Moskvich, Yuri N., Candidate of Physics and Mathematics, Professor, Deputy Vice-Rector for Science and International Activities of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia; yumoskvich@mail.ru

Perov, Vadim Y., PhD, docent, Head of Department of Ethics, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, vadimperov@gmail.com

Prokofiev, Andrey V., D.Sc., Professor, Leading Research Fellow, Department of Ethics, Institute of Philosophy RAS; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); avprok2006@mail.ru

Rohozha, Mariya M., D. Sc., Professor, Department of Ethics, Aesthetics and Culture Studies, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine; rohoczha@mail.ru

Skvortsov, Alexey A., Phd, associate professor, ethics chair, faculty of philosophy, Lomonosow Moscow State University; lambis@mail.ru

Sogomonov, Aleksander Y., Ph.D. in Historical Sciences, senior researcher of the Institute of sociology, Russian Academy of science; leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); so-gi@mail.ru

Sychev, Andrey A., D.Sc., Professor, Department of Philosophy at National Research Mordovia State University; sychevaa@mail.ru

Tulchinskii, Grigorii L., Doctor of Philosophy, Professor, St.Peterburgian State University, department of interdisciplinary synthesis; National Research University "Higher School of Economics" – St.Petersburg, Hohored Scientist of Russia; gtul@mail.ru

О журнале

Журнал «Ведомости прикладной этики» учрежден Тюменским государственным нефтегазовым университетом (переименованным в 2016 г. в Тюменский индустриальный университет). С 1995 года журнал выходил под названием «Ведомости».

С 2012 года журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций под названием «Ведомости прикладной этики». Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11 декабря 2012 г. Зарегистрирован Международным центром регистрации мировой периодики: ISSN 2413-0451 (Online), ISSN 2307-518X (Печатная версия). Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» 70872.

Цель журнала – дисциплинарное закрепление и развитие этико-прикладного знания, продвижение научных результатов в практику. Его задачи: поддержание публичного пространства профессиональной рефлексии о природе прикладной этики, современных тенденциях ее развития; освоение инновационной парадигмы этико-прикладного знания.

В журнале публикуются результаты теоретических и проектных исследований в многообразных отраслях прикладной этики, прежде всего – университетской (академической), инженерной, журналистской, этики воспитания. Обсуждаются отечественный и зарубежный опыт этико-прикладных инноваций, в том числе в развитии этических инфраструктур, в создании учебных пособий; актуальные проблемы университетского образования в сфере прикладной этики. Журнал издается в печатной форме с периодичностью 2 номера в год. Рукописи статей для публикации в журнале оформляются в соответствии с Правилами для авторов, разработанными редколлегией журнала. Журнал «Ведомости прикладной этики» рецензируемый (поступающие в журнал тексты статей представляются на рецензирование специалистам). Журнал ориентирован на научных работников, преподавателей, соискателей ученых степеней по прикладной этике, магистрантов, сотрудников этических инфраструктур организаций, предприятий и фирм.

Адрес редакции:

625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.

Тел. (3452)28-30-54; e-mail: priclet@tsogu.ru

Электронные версии:

на сайте ТИУ: <http://www.tsogu.ru/nii/ethics/zhurnal-vedomosti/>

в системе РИНЦ: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=38819>

Научное издание

ОСВОЕНИЕ ОЙКУМЭНЫ
ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ:
эскалация амбиций или
критика утопичности

Ведомости прикладной этики
Выпуск 52

Под ред. В.И. Бакштановского

Ответственный секретарь журнала М.В.Богданова
Редактор выпуска И.А.Иванова

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11.12.2012.

Подписано в печать 25.06.2018. Формат 70x100/16.
Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 11,4. Тираж 500 экз. Заказ № 1286.
Бесплатно.

НИИ прикладной этики ТИУ
625000, г.Тюмень, ул.Володарского, 38.
Контактный телефон (3452) 28-30-54.
E-mail: priclet@tsogu.ru

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, г.Тюмень, ул.Киевская, 52.